

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №3 (22), лето-осень 2013 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>
Газета выходит ежеквартально. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

ПРЕЗЕНТАЦИЯ В НЕТАНИИ

В традиционный четверг 4-го июля члены Нетанийского ЛИТО «Полёт» в приподнятом настроении собрались, чтобы участвовать в презентации буквально за день до этого полученных из Костомукши свежайших экземпляров газет «Интеллигент. USA» и очередного журнала «Интеллигент. Нью-Йорк». Ещё бы – в газете опубликована большая подборка стихов поэтов нашего литобъединения. А в журнале – интересная статья кандидата филологических наук Аркадия Бронштейна – нашего «присяжного» литературного критика.

Я коротко изложил собравшимся историю медийной группы «Интеллигент» - от возникновения самой идеи до сегодняшних трудов и дней. Рассказал о людях, стоявших у истоков. Моё соображение было выслушано с видимым интересом и несколько раз прерывалось всяческими, правда весьма уместными, вопросами. Затем я вручил каждому из тех, чьи стихи вошли в подборку, по экземпляру газеты (Бронштейну – журнал). Собратья и сестры по ЛИТО, полюбовавшись своими стихами, фотографиями и краткими биографиями, принялись наперебой хвалить и поругивать, благодарить и не очень всех причастных к этой публикации.

Затем попросил тишины Аркадий Бронштейн. В своём коротком, но ёмком выступлении

он от имени всех собравшихся поблагодарил медиагруппу «Интеллигент» за такую редкую по нынешним временам бескорыстную поддержку русскоязычного интеллигента на огромном русскоязычном пространстве.

Аркадий предложил наградить Дипломом медийную группу изданий «Интеллигент» - за поддержку и продвижение русскоязычных авторов Израиля.

Эту инициативу все присутствующие единогласно одобрили. А некоторые оптимисты даже высказали надежду на то, что следующую нашу подборку в «Интеллигенте» мы сумеем отпраздновать ещё круче.

Лев ВАЙСФЕЛЬД

ПРЕЗЕНТАЦИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

23 МАЯ в Санкт-Петербурге прошла очередная презентация проекта «Интеллигент». Встреча проводилась в конференц-зале новой редакции дружественного журнала «Невский альманах». Издания проекта представила Екатерина Асмус. Авторы проекта «Интеллигент» выступили совместно с авторами «Невского альманаха». Главный редактор «Невского альманаха» Владимир Скворцов предложил сделать наши журналы побратимами. Это предложение с большим энтузиазмом приняла вся присутствующая на встрече литературная общественность.

Глубокоуважаемый господин С. Пашков!

От имени Центра культурного и гуманитарного образования, Объединения русских литераторов Эстонии и от себя лично позвольте выразить Вам искреннюю благодарность и признательность за Ваш поистине подвижнический труд по поддержке деятельности Международного медийного проекта «Интеллигент». Нам, русским писателям, поэтам, литераторам, живущим в Эстонии, нравится Ваш журнал и высоким профессиональным уровнем, и широтой эстетических взглядов, и ощущением культурного единства Русского Мира. Каждая публикация в журнале «Интеллигент» – подтверждение нашей нерушимой связи с родной русской культурой и литературой. Это лишний раз подтвердила презентация журнала «Интеллигент» в Таллине 27 апреля. Некоторые члены Объединения русских литераторов Эстонии уже опубликовали свои произведения на страницах Вашего издания. Для других – это цель и стимул для дальнейшей работы.

Ваш журнал – реализация важнейшего принципа Программы поддержки соотечественников за рубежом, сформулированной Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным. Согласно этой Программы – ощущение духовной связи с исторической родиной и ее культурой – главная цель и задача политики, проводимой по укреплению Русского Мира.

Дай Вам Бог здоровья и сил для исполнения вашей высокой и благородной миссии. Хочется надеяться, что и окружающие Вас люди осознают всю степень важности и ответственности, которую Вы взяли на себя, бескорыстно помогая соотечественникам сохранять свой язык и оставаться людьми русской культуры, независимо от страны проживания.

Мы же, в свою очередь, постараемся исполнить завет А.А. Ахматовой и «сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово».

С уважением,

Владимир Брагин, доктор филологии, профессор Евроакадемии,
Председатель Правления Центра культурного и гуманитарного образования,
член Правления Объединения русских литераторов Эстонии

28.05.2013

Людмила Шарпа

— Дорогая Людмила, необычность — отличительная черта твоих произведений, будь то поэзия или проза. За этим стоит не наработанный художественный приём, а способ представления мира. Читая твои стихи и рассказы, попадаешь в какое-то неизведанное измерение, где много сказочного, волшебной природы. Это твоё, особенное пространство-время, что, как загадочная река, отражает различные эпохи и бежит вдоль неведомых берегов. Как рождаются твои образы? Какое мировидение стоит за ними?

— Мир этот вполне реален, его можно увидеть. О нём можно рассказать, что я, собственно, и пытаюсь делать. Кажется, Жан Жак Руссо говорил: «Я хорошо понимаю, что читателю не очень нужно все это знать, но мне-то очень нужно рассказать ему об этом».

Грани между мирами тонки, порой прозрачны и часто условны. Многое, очень многое зависит от нас, от нашего восприятия, от настроенности слышать. Не слушать, именно — слышать.

Принято считать, что время проходит, или же приходит. Но ведь это мы приходим. Или проходим. Идём вдоль берега реки и на протяжении пути взрослеем, влюбляемся, страдаем, грустим и радуемся, встречаемся с такими же странниками, странными, чем-то очень похожими на нас. Вот видишь, опять рассказываю.

В каждом образе, несомненно, есть частичка меня. Это не совсем по Флоберу, но вроде того.

У меня не раз возникало ощущение, что меня, как бы, здесь нет полностью. Какая-то часть, возможно, в том месте, которое мы называем Прошлым.

Какая-то — впереди, мне ещё нужно прийти к ней. И пока я иду, там, с той частью меня тоже что-то происходит.

А иду я, как и все мы, собственно, к самой себе.

— Ощущаешь ли ты присутствие волшебного в жизни?

— Жизнь и есть самое настоящее волшебство.

Можно, конечно же, пытаться всё объяснить, даже самое необъяснимое, человек всегда стремился «алгеброй гармонию поверить».

Волшебство в том, что происходит с нами ежесекундно и ежеминутно — магия каждого мига, магия дождя, снега, ветра.

Мы привыкаем к тому, что солнце встаёт, что идёт дождь или же снег, что из семечка проклёвывается росток, а бутон раскрывается и становится цветком, что куколка превращается в бабочку, что люди рождаются и умирают...

Мы привыкаем друг к другу, привыкаем жить. А привычка всё превращает в обыденность.

— Поэтическое начало пронизывает твои произведения, будь то стихи или проза. Что для тебя есть Поэзия?

— Трудно говорить о таком... Я

Поэзия... Ею можно дышать и нельзя надыхаться, в каждой строчке заключён мир, Вселенная.

не знаю, что такое поэзия, если честно. Возможно — это отражение. Отражение того, что происходит внутри нас, отражение сути. Души. Возможно, это мироощущение. И потребность гармонии. И возможность дышать. Это не для красного словца, мне действительно трудно дышится без стихов, когда — немота, и это состояние, думаю, знакомо и тебе.

Поэзия... Ею можно дышать и нельзя надыхаться, в каждой строчке заключён мир, Вселенная. Видишь, как всё сложно. И как просто, достаточно открыть томик стихов Ахмадулиной, прочесть несколько строк и ощутить всё то, о чём я так много и сумбурно здесь говорила.

— Что ты не приемлешь в литературе?

— Литературы ради... литературы. И литераторов. Шучу...

Не люблю разговоров о литературе, «круглых и квадратных столов», вердиктов, вроде «литература умерла», «всё вторично, третично...».

Пошлости не приемлю, искусственности, массовости и... не люблю это слово, но без него не обойтись, пожалуй: конъюнктуры. Не люблю слово «рынок» в этой связи — дай Бог, чтобы читатель настоящий не выродился, не переродился в потребителя. Сторонюсь тех, которые «знают, как надо», потому что всю жизнь иду по очень тонкому льду, живу на грани. Один из выпусков твоей удивительной Гостининой так и назывался. Так вот, если нет этого ощущения разлома, грани, «тонкого льда», а под ним тёмной воды, тёмной от глубины, то получается конструкция. А в конструкциях нет жизни. В стихотворных, особенно...

Не бывает так, чтобы стихи отдельно, а жизнь — отдельно, стихи — и есть жизнь. Судьба. Тут уж совсем по-пастернаковски: «... и дышат почва и судьба».

Не раз приходилось слышать: вот появилось время, и начал писать. Время никуда не исчезает, чтобы вот так взять и появиться. Стихи не приходят по расписанию, в свободное от жизни время. Они приходят когда угодно, либо не приходят вообще. Впрочем, есть ещё вариант — приходят не стихи.

В моей жизни случилось несколько разочарований, когда между стихами и автором оказывалась пропасть. Но, слава Богу, верить и очаровываться я не разучилась. Кажется, я ушла в сторону от темы вопроса.

— В данном случае, отход от темы вопроса есть приход к его сути. Сегодня я хочу порадовать твоих почитателей новостью, которой сама несказанно рада. В июле этого года вышла в свет твоя книга прозы «Повесть о падающих яблоках». Расскажи немного об этом. Какова идея книги?

— Мне очень приятно, что ты заговорила о книге. Проза выходила и раньше — в печатных изданиях вместе со стихами, но эта книга — целиком и полностью проза.

Вынашивалась она долго, задумывалась давно, как «Книга Яблок».

Повторюсь, поскольку обо всём этом уже сказано в небольшом авторском предисловии. На мой взгляд, между людьми и яблоками много общего. Неспроста пословицей о яблоньке и яблочке всегда определяли, насколько дети похожи или же не похожи на родителей.

Для меня мировое дерево не ясень, нет. Это — яблоня.

Детство моё прошло в российской глубинке. Отец получил назначение в новую, только что отстроенную сельскую школу, когда мне ещё и года не исполнилось, и дом, где предполагалось

жить его семье, — нам с мамой то бишь; дом стоял на тропинке, разделяющей (на грани — тогда уже...) школьные сады. Слева — вишнёвый, справа — яблоневый, а между ними тропинка, на которой я сделала первый свой шаг, по которой потом ходила в школу. По которой однажды ушла из дома...

Окно моей комнаты выходило как раз на правую сторону, так что, как падают яблоки в ночную траву, я знаю не понаслышке. Это пространство было огромным, так, по крайней мере, мне тогда казалось. И оно целиком и полностью принадлежало мне; королевство Высокой Травы — так я его называла.

Могла ли после всего этого не слушаться в моей жизни книга с таким названием?

В неё вошли рассказы и повести о радостях и печалях, о встречах и расставаниях, о жизненных уроках, усвоенных или же не усвоенных мной. Все мы приходим сюда учиться. Учиться любить. Не за что-то, не почему-то, не вопреки чему-то и кому-то. Просто любить.

— А почему твой выбор пал на электронное издательство?

— Я, вообще-то, приверженец печатных изданий. Книга — это живое существо — как человек, это то, к чему можно прикоснуться, открыть, пошелесть страницами, устроившись где-нибудь в укромном уголке. Да-да, и прикоснувшись к человеку, тоже можно «пошелесть страницами». На моих книжных полках стоят самые близкие и любимые друзья мои — книги.

Но печатные тиражи нынче невелики. Да и нет времени у современного читателя, ибо живёт он на неслыханных скоростях. Интернет — сегодня наилучший способ отыскать своего читателя, в Сети преодолевать расстояния проще.

Вот я и решила на электронные издания. Первой стала книга «Рукой подать», которая вышла в августе прошлого года. В неё вошли стихотворения разных лет. Теперь вышла и книга прозы. А обрели свою жизнь книги, благодаря Николаю Мурашову, который живёт в Санкт-Петербурге, и с которым я познакомилась всё в той же мировой Паутине. Не могу не сказать о том, что существует целая серия электронных книг, которая так и называется «Docking the Mad Dog представляет». Рекомендую. Она будет интересна любителям современной поэзии, прежде всего. А ещё в ней читатель найдёт много дельных советов по чтению и формированию электронных изданий.

— Ты известна не только как литератор, но и руководитель творческой гостиницы Diligans. Когда и в связи с чем появилась идея создания Diligans-a?

— Diligans — появился четыре года назад, в день весеннего равноденствия. Пусть, проделанный им, невозможно измерить в милях и вёрстах — он измеряется в стихотворных строках, в дружеских лицах и голосах, в музыке, в живописи — в тех единицах измерения, которыми измеряется творчество и вдохновение. Всё начиналось с мечты о сайте, где можно было бы окунуться в поэзию Серебряного Века, в творчество классиков и современников, живущих в разных уголках нашей планеты. И такой сайт появился. Там постоянно обновляются разделы поэзии, прозы, живописи, фотогалереи, видеостраниц. А выходом в реальность стал совместный проект с литературным кафе «Мастер и Маргарита», который длился весь 2010-й год, и благополучно завершился в декабре встречей-остановкой, посвящённой творчеству А.А.Блока. Тогда же и состоялась апрельская встреча-остановка с тобой.

— Это была незабываемая встре-

Вера Зубарева

ча во многих смыслах. А какие ещё «остановки» ты можешь назвать?

— Было несколько внеочередных встреч-остановок из цикла: «Остановка по требованию сердца», и поводом для этих «остановок» становились события не всегда радостные, увы.

Был сезон тематических вечеров, которые Diligans проводил совместно с Южнорусским Союзом Писателей. Это «Между Невой и Нилом» — вечер, посвящённый Гумилёву, «По следу Мастера» — вечер, посвящённый Булгакову. «Другие песни об Одессе» — вечер с участием российского автора-исполнителя Александра Петрова.

Презентация газеты «Интеллигент» вызвала небывалый интерес среди читателей. Меня до сих пор спрашивают, где же можно подписаться на эту газету, где можно приобрести журнал, который тоже очень понравился читательской аудитории Одессы, а она, как ты знаешь, весьма и весьма требовательна.

— Да, литературная Одесса — это путёвка в жизнь. Расскажи о сегодняшней литературной Одессе. В чём её специфика? Существует ли творческая связь между Diligans-ом и другими литературными группами?

— Одесса, сколь бы ни твердили о том, что она уже не та, и дух её не тот, остаётся собой. Видимо, «.. всё-таки, что-то есть в этой почве...».

Литературная жизнь Одессы — это всевозможные студии, салоны, гостиные. Это фестивали, в рамках которых проводятся разнообразные конкурсы. Это альманахи, антологии, творческие вечера и презентации. Это арт-салоны и арт-кафе.

Из того, что хотелось бы отметить, что имеет «свой почерк», сохраняя при этом верность традициям, это, прежде всего, студия «Зелёная лампа» при Всемиром Клубе Одесситов, и альманах «Дерибасовская — Ришельевская». Это Южнорусский Союз Писателей и «толстый» литературный журнал «Южное Сияние», которому в августе исполнится целых два года. Это, конечно же, студия Игоря Потоцкого — «Поток».

Это неповторимый «Театр Елены Кукловой» — мастера художественного слова, чтицы, её программы, которые с блеском и всегда при полном аншлаге проходят в Одесской филармонии и на других площадках города.

Это международная книжная ярмарка «Зелёная Волна», которая проводится ежегодно и тоже относится к одной из добрых литературных одесских традиций. Хотелось бы особенно отметить арт-фестиваль «Провинция у моря», который проводится в Ильичёвске, и который вот уже в третий раз пройдёт в этом году в конце августа — начале сентября.

Очень многие мероприятия проводятся при участии Diligans-a, конечно же.

— Как ты относишься к литературным конкурсам и фестивалям?

— Это весьма и весьма субъективно. Кому-то важен и нужен «спортивный» азарт. Кому-то — сам творческий процесс: вне соревнований, состязаний, вне Времени. Суть всех конкурсов — игра. А игра — это условия, правила. Заданные кем-то и кем-то, соответственно,

Гости номера

принимаемые.

Само же творчество, на мой взгляд, безусловно. Это, как я уже говорила, мироощущение.

Я полностью отрицаю соревновательные моменты в творчестве, если только это не популярный нынче hand-made. С привнесением души, но – руками. Поэзия же, как известно, в «рукоприкладстве» не нуждается, посему и вердикт (кстати, немаловажно помнить в этой связи «а судьи кто?») кто здесь поэт, а кто просто «погулять вышел», будет весьма и весьма относительным и условным.

Как можно сказать, какой цвет из спектра лучше? Предположим, что красный победил. И медаль дали, и диплом, и справку с «мокрой» печатью, где написано: «The Best!!!!». А где-то в уголке сидит себе белый. Он просто есть – и всё. Улыбается тихонько, всеми цветами переливаясь, и красным – в том числе. И медаль ему не нужна, и справка – без надобности. Как писательское удостоверение Достоевскому. Помнишь? «... чтобы убедиться в том, что Достоевский – писатель, неужели же нужно спрашивать у него удостоверение? Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем. Да я полагаю, что у него и удостоверения никакого не было!» (С)

Не бывает победителей в забегах на литературные дистанции. И проигравших – тоже не бывает. Впрочем, всё это ИМХО, как принято выражаться сегодня в сети, по моему скромному мнению то бишь. А попробовать один раз стоит, наверное. Для того, чтобы сказать себе потом: нет. Не моё.

Фестивали же – само по себе – действо уникальное. Вот здесь-то, как раз, и важны условия, поскольку многое зависит от места проведения, от организаторов. Если это Одесса, или же – Крым – который давно уже снискал себе славу литературной Мекки, то в такие места едут лишь потому, что «свято место». Плюс – встречи, плюс – знакомства, открытия, общение, плюс ещё множество плюсов, о которых подробно говорить не имеет смысла. Лучше один раз увидеть.

– Поделись своим опытом участия в литературных конкурсах и фестивалях, на которых ты побывала. Что запомнилось и дало ли это творческий толчок тебе и как писателю, и как руководителю Diligans-a?

– Мой опыт участия в литературных фестивалях и конкурсах невелик, к счастью. В качестве организатора – совместно с ЮРСП фестиваль «Межгород – 2009». В качестве участника и победителя (это как раз тот случай, когда попробовать захотелось), что явилось полной неожиданностью для меня, первого международного фестиваля «Славянские традиции», который прошёл в Крыму (Казантип, ИЩёлкино) в том же 2009-ом. В качестве члена жюри нескольких городских поэтических конкурсов, из которых более всего впечатлили детские.

И разнообразием и фантазией, и сложностью оценки: в каждом ребёнке живёт творец – творческое начало. Но далеко не в каждом выживает, к сожалению.

Ипостаси, как видишь, прямо противоположны. И впечатления – тоже.

Творческий подъём – несомненно – был после посещения Коктебеля, Феодосии, и одного из самых замечательных городов на земле – Старого Крыма. Но повторяюсь: фестивали сами по себе явление замечательное, и без соревновательных моментов. Особенно, в таких благодатных местах.

– Хотелось бы в заключение попросить тебя предоставить нашим читателям подборку стихотворений.

– С радостью. Но прежде я хочу тебя поблагодарить за беседу. И не только за неё. За Гостиную, которая уютна и изысканна, за сайт ОРЛИТА, разделы которого интересны и разнообразны, за одно из множества твоих удивительных дарований: объединять людей, близких по духу. По творческому духу.

МОЛИТВА О СЛОМАННОЙ ВЕТКЕ...

Писать - это втайне молиться о ком-то...
Белла Ахмадулина

Пишется...
только стихи
всё больше и больше напоминают
молитвы,
ветви деревьев –
линии на ладони;
по одной из них тихо ползёт улитка.
На хрупких плечах покоится
раковина –
домик.
В домике нет денег,
но есть свеча на столе,
два стула,
маленькая кровать
под пыльным шёлковым
балдахинном...
Казалось бы, что тут сложного,
чужую жизнь рифмовать,
бросать в лицо каждому встречному
обрывки снов:
это мои стихи, мол...
А встречающих будет немерено,
целующие уста
будут сочиться патокой,
в ней скоро увязнут ноги;
и вот тогда ты растерянно
посмотришь вокруг –
пустота...
и ни одного встречного,
с кем было бы по дороге.
И станешь о ветке сломанной,
что на ветру дрожит,
и о свече на столике
молиться –
ну... так уж случилось,
что снова тобой срифмована
чья-то чужая жизнь,
а для своей ни времени,
ни слов почти не осталось.
Но первый признак того,
что эти стихи – твои,
то, что они всё больше и больше
напоминают молитву;
как срастается ветка,
видно только двоим:
тебе и тому, по чьей ладони
тихо
ползёт
улитка.

* * *

Летний день, крылом души касаясь,
в край воспоминаний отлетал,
осыпался цвет с «ночных красавиц»,
отпускала Землю суета.
Тосковали травы о прохладе,
выпадала первая роса,
и манили шаг ступить на кладу
с берега иного голоса...
Оживали сказы и былины,
прорастая былью сквозь века:
и казалось, кладу – Мост Калинов,
а под ним – Смородина-река.
Становились явью небылицы,
и крылом пыталась взмыть рука,
чтоб лететь, лететь вечерней птицей,
в даль, где пыль от конницы клубится,
или... грозовые облака.

А под утро лодия приснилась,
тёмным серебром струилась путь:
выпала кому-то божья милость
от земных освободиться пут.
А кому-то на исходе лета
вспоминать по-доброму о нём,
и касаться краешка рассвета,
и спешить за новым летним днём.

У ПОЭТА ГРУСТНЫЕ ГЛАЗА

У поэта грустные глаза
оттого, что в них уснула осень;
сколько он печалей в сердце носит,
не припомнить и не рассказать.
Их не подарить и не продать,
не послать подальше... с почтальоном,
в уголке укроном, потаённом
не припрятать, чтоб забыть и ждать,

ждать у моря тихих дней погожих,
молодого солнца, теплоты,
неслучайно встреченных прохожих
на рассветных улицах пустых.
У поэта грустные глаза...
Знать, ему даровано такое,
до чего дотронуться рукою.
даже в сновидениях нельзя.
Можно лишь, до дна испив печаль,
утешаться новою печалью,
жить, как все, других не замечая,
на дожди стихами отвечая,
и молчать,
до осени – молчать.

СИНИЕ ГОРОДА

Вере Zubаревой

«...Марта твоя с большим
любопытством осмотрела мою комнату.
Не уверена, удостоила ли она меня
взглядом, но это сущие пустяки. Ну и
я тоже чуть подвинула её в сторону,
чтобы лучше разглядеть вид из окна.
Она, впрочем, не обратила на это
внимания. ...»

Из письма

Из моего окна
не океан, не горы,
не подмосковный лес,
не вологодский плёс...
Из моего окна
как на ладони – город:
палубы пёстрых крыш
под маяками звёзд.

Шумное море – день,
Тихое море – вечер,
Лунное море – ночь,
и океан – заря...
В городе детства, где
каждый твой шаг отмечен,
в городе, где давно
брошены якоря.

Мачты телеантенн
в звёздную высь взмывают,
и парусами – синь,
и парусами – даль...
В будничной суете.
много забывая,
в сердце своём храним
Синие Города.

Выгляни из окна:

не океан,
не горы,
не подмосковный лес,
не вологодский плёс...
Старый одесский двор,
синий корабль-город,
палубы пёстрых крыш
под маяками звёзд.

КЛЮЧ ОТ ТИШИНЫ

Ирине Дубровской
Спой мне песню,
как синица тихо за морем жила...
Спой мне песню, как девица за водой
поутру шла...
А.С. Пушкин

Подберу ключи...
И жизнь пойдёт
параллельно, – не пересекая,
комнату, где раскалённый лёд
на бумагу медленно стекает.
Где строка густа и горяча,
будто разогретая живица,
где ночные поезда кричат
да смертельно раненные птицы.
Где давно ни ночи и ни дня,
где отдашь полжизни за полшага,
где резвятся языки огня,
и ложится слово на бумагу.
В слове том извечная тоска,
отголосок песни журавлиной
о синице, замершей в руках,
о русалке, спящей на песках,
о былых богатырях былинных;
о девице...

(взглядом – что мечом,
полоснёт из-под бровей соболевых...)
Да какая разница – о чём,
если мне светло и горячо,
если мне от строчек этих больно.
И слова другие не нужны,
кроме тех, что полюбились с детства.
И хранит ключи от тишины
Слово,
и хранит меня от бедствий
эта стихотворная строка,
будто разогретая живица,
что течёт, свободна и легка,
и на чистый белый лист ложится.

ПО ОСЕНИ - ПОЮ

Простишь ли мне высокопарный слог,
когда пишу о самом сокровенном,
о том, что все неприкосновенно,
что называют «истина» иль «Бог».
Мне не изжить восторженность мою,
и детскую, по сути, беззащитность.
Как будто каждый палый лист прочитан...
По счастью – я лишь осенью пою.
Мне тягостно дыхание весны,
и летом я себя, увы, не слышу,
а осенью мой голос выше, выше...
И в том, признаться, нет моей вины.
Но может, я затворничаю зря?
Без-молвна
и без-крыла,
и без-стишна...
И ты потом – когда-нибудь –
простишь мне,
то, что живу, по правде говоря,
от листопада и – до листопада.
И, считывая с листьев жизнь свою,
по осени летаю и пою,
и кажется, что небо – это рядом.

ИЛЛЮЗОРНОЕ. РАКОВИНЫ КАУРИ

несколько раковин каури
дремлют в моей руке
грезят о временах
давно канувших в Лету
я разжимаю ладонь
и вижу как на песке
лица и имена
прочь уносятся ветром

сто властелинов мира
играющих словом вечность
один из них обнажает меч
но...

несколько раковин каури
цена жизни раба
цена за возможность “сметь”
за трон и сан господина
но уравнивает смерть
спящих
в сандаловых гробах
с теми кто в общей яме
все перед ней едины

несколько раковин каури
на ладони моей лежат
чей-то застывший крик
или чья-то усмешка
как это всё-таки страшно
время в руке держать
не думать
не полагать
а з н а т ь что всё будет смешано
и тьма простого песка
поющая под сирокко
вспомнит
как чья-то рука
раковины до срока
выронила

но...

раковина каури
спит в ладони пустой
ей снова и снова снится
как ветер тростник ломает
в ауре цвета индиго
вспыхивает золотой
тают песчинки-лица
под Покрывалом Майи

Владимир Скворцов

Петербургский поэт, главный редактор журнала «Невский альманах». Родился 25 марта 1954 года в деревне Климовщина Пестовского района Новгородской области. Член Союза писателей России, член литературного фонда России. Лауреат различных литературных премий и конкурсов. Награждён Юбилейной медалью «100 лет С. А. Есенину» (1995г), Золотой пушкинской медалью «За сохранение традиций в русской литературе» (2004г). Многолетняя плодотворная творческая деятельность В.С. Скворцова отмечена Почётными грамотами и Дипломами Союза писателей и Союза журналистов, медалью «За выдающийся вклад в культуру Отечества», медалью «В память о 300-летию Санкт-Петербурга» и многими другими наградами. Автор 11 поэтических сборников. На стихи В. Скворцова написано множество песен петербургскими композиторами. Заслугой Владимира Скворцова является возрождение журнала «Невский альманах».

ЛЮБИТЬ РОССИЮ СТАЛО РЕМЕСЛОМ!

Который раз: всё прошлое - на слом!
Глаза слезятся от словесной пыли.
Любить Отчизну стало ремеслом,
политики Россию “полюбили”!

Сугробами духовность занесло,
тусуются таланты на пирушках...
«Любить Россию» - это ремесло
всех лицемеров, рвущихся к кормушкам.

Но как снискать у Бога благодать?
Скукожившись в смиренную улитку,
спешит политик в храме побывать,
возжечь свечу, изобразить молитву...

Коммерция витает над Кремлём,
утрачены любовь и состраданье...
«Служить России» стало ремеслом
тех, для кого прислуживать - призванье.

ПЕСТОВО

В Воскресение Христово,
чтоб найти себе покой,
еду в тихое Пестово
над Мологою-рекой.

Я сюда стремлюсь не в гости,
тяга к родине — в крови:
здесь на Климовском погосте
спят родители мои...

Здесь залатанные храмы,
люди молятся в тиши,
я залечиваю раны
исстрадавшейся души.

Хлеба хочется простого,
жизни хочется другой...
Хорошо, что есть Пестово
над Мологою-рекой!

НА ПРИРОДЕ

Минуя папоротник резво,
на лоне счастья и грехов
мы зацвели в траве нетрезво
среди ушастых лопухов.

Кусты во сне волну ласкали,
за лесом плыли огоньки,
а у костра рукоплескали
всю ночь немые мотыльки.

Как в небе звёздочки, беспечно
в реке плясали пузырьки.
- Мы сохраним любовь навечно,
- мечтали втайне мотыльки.

И ты наивно обещала,
что полюбила на века,
и ручейком стихи журчала,
а я вбирал их, как река.

Под плеск мелодии сердечной
тогда мне было невдомёк,
что о любви вздыхает вечной
с душой беспечной...

“мотылёк”.

МНЕ В РОССИИ РУСИ НЕ ХВАТАЕТ

Я в дорогах страны, как в верёвке,
так запутался — кости трещат!
Я пожизненно... «в командировке»
без надежды вернуться назад.
Всякий раз, возвращаясь упрямо,
попадаю опять в никуда...
То ли денег на транспорт мне мало?
То ль билеты дают не туда?
Помню, пенились брагою кружки...
Оставляя мирские дела,
ах! как пели в деревне старушки
и гармоника в пляску звала!
Отзывались родимые дали,
месяц рябью играл на пруду...
Больше идолов там почитали
трудолюбие и доброту.
Мне в России Руси не хватает!
Я в столицах стал глухонемой!
Я - чужой в каждой алчущей стае,
потому-то и тянет домой!
Не хватает черёмухи русской
и заботливых маминых рук,
возле печки побеленной русской
задушевной беседы старух...
Квас и веник - вот символ субботы!
Я в парилке избавлюсь от бед
и пойму: здесь семья и работа,
а деревни и матери — нет...
Нет в округе ни школы, ни церкви.
Люди есть, но души нет живой,
все плутают без веры и цели
и не ведают жизни иной.
Бьются в дикой траве у развалин
колокольчики, будто сердца...
Мы деревни свои мордовали —
стали сами почти без лица.
Мне всё снятся стрекозы у речки...
И как там ни крути, ни верти,
возле русской натопленной печки
я мечтаю покой обрести.
Не случайно терзает истома,
и свербит в голове: Боже мой!
Ведь была же дорога из дома,
значит, где-то должна быть домой...

* * *

Искал я старое селенье,
нашёл пустырь и лебеду...
Там, словно сердцу в утешенье,
светилась лилия в пруду.

Иваны, Яковы и Маши —
ушли в иную параллель...
Осиротели сёла наши —
страны великой колыбель.

И в понедельник, и в субботу —
у тишины один куплет...
И если есть в округе кто-то,
то местных жителей там нет.

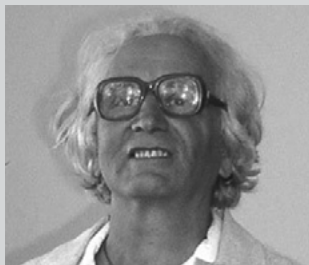
Я шёл с тоской исповедальной,
понять пытаюсь на ходу:
кому в глуши с надеждой тайной
там светит лилия в пруду?!

РУССКАЯ МАТРИЦА

Как звучат слова неудержимо:
благородство, Родина, народ!
Совесть не зависит от режима,
гордость не родится в недород.

У великих слов - единый корень,
в них фундамент из одних пород!
Триедины в радости и горе
благородство, родина, народ.

Даже слово русское - природа
с тем же корнем, в том же узелке!
Русский дух и русская порода
матрицей таятся в языке.

Виталий Летушев

Родился в Ленинграде. Пережил всю ленинградскую блокаду. Стихи пишу с детства. Написано несколько книг стихов и поэм. Основные публикации: «Снег черёмухи», «Летний ветер», «Замок в горах», «Оксана», «Серебряная нить», «Дороги и бездорожье войны». Петерский поэт. Редактор альманаха «Русское слово»

СВЕТ В ОКНЕ

Над тропинкою ветви низкие,
Свет манящий в её окне.
Дни далёкие или близкие —
Как теперь они дороги мне!

Привлекало моё внимание
Изобилье живых цветов.
Не припомню даже названия —
Из каких-то кудрявистых слов.

Ароматные розы нежные
Под окошком её цвели.
Лепестками дни безмятежные
Разлетелись в холодной дали.

Ничего, что судьба изменчива,
Неуютно в саду пустом.
Очарован ласковым вечером,
Всё же я постучал в этот дом.

Дни далёкого мая светлого,
Видно, где-то в душе храня,
Улыбнулась она приветливо
И войти пригласила меня.

Вроде так же всё в этом домике —
И улыбка, и прядь волос.
Только в банке на подоконнике
Догорает букет алых роз.

СНОВА В ЛЕТНЕМ САДУ

Я иду по Летнему саду,
По аллеям, мимо скульптур.
С детства всё здесь знакомо взгляду:
Вот — Венера, а вот — Амур.

И у памятника Крылову
Я с друзьями бывал не раз.
Помню школьного друга Вову,
Интересно, где он сейчас?

Зеленеют те же деревья,
У Фонтанки — дворец Петра.
Так же радостно птичье пенье,
А у луж шалит детвора.

Всё осталось таким, как было —
Те же, кажется, мамы здесь,
Те же дети. А я вот вырос
И не хочется в лужи лезть.

Тот же пруд. Не сдержат улыбку.
До чего же наивным был —
Помню, как золотую рыбку
Я на удочку в нём ловил.

Не поймал — прогнал меня сторож.
Только, если бы мог он знать,
Как хотелось и мне в ту пору,
Будто в сказке, счастливым стать.

НЕ ЗАМЕТИЛ

Спешил в безумной суете,
Надеялся, стремился,
Всё посвятил своей мечте,
Но вдруг остановился.

Не спотыкаюсь, не бегу
За птицей быстрокрылой.
На опустевшем берегу
Стою, как пёс унылый.

Все песни сердца сожжены,
Остывший вечер светел.
Ушёл последний день весны,
А я и не заметил.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Мне сегодня опять размечталось -
На покинутый берег смотрю.
Ты, мне кажется, там осталась,
Как тогда, встречаешь зарю.

С той поры мы уже не встречались,
Нам друг друга теперь не узнать.
Велика ли в жизни случайность? -
Что-то мне никак не понять.

Может, были случайными встречи,
Может, случай тогда разлучил.
Невозвратное так далеко,
Как тепло небесных светил.

Раскалённое облачко тает -
Подожди, не спеши, не гори!
А над морем огонь пылает,
Но уже вечерней зари.

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ

Сгорает время, стынет пыл,
Но мысли — о былом.
Собрать бы всех, кого любил,
За праздничным столом.

Поднять бокалы за мечты,
Не сбывшиеся пусть,
За чудо женской красоты,
За радость и за грусть.

Услышать музыку опять
Забывших голосов,
Но понапрасну не плескать
Потоки пылких слов.

И восхищаться от души
Цветами милых глаз.
Припомнить свет зари в тиши
И трели в поздний час.

Но тянет ветер за окном
Серебряную нить.
Запить бы прошлое вином
Да...
неохота пить.

ЗВЁЗДНОЕ МОЛОКО

Пашем Землю родную носом,
Да и то ведь только слегка.
По снегам ли бредём, по росам,
В небо глянем за облака.

Всё привычно — Луна и Солнце,
Тихо шепчется звёздный фон.
Но взгляните — Марс улыбнётся,
Красотой Венеры сражён.

Там, вдали от земного брега,
Блещут звёздные имена:
Альтаир, цветущая Вега —
Жизни искрами даль полна.

Страстью пышет Кассиопея,
С Девой нежится Волопас.
Андромеда зовёт Персея,
К Водолею мчится Пегас.

Вьются Волосы Вероники,
Чаша каждому налита.
Близнецов красуются лики,
Лира трепетна и чиста.

Измеряя время веками,
Смотришь - вовсе не далеко.
Наклонились ковши над нами,
Льётся звёздное молоко.

Тукина Анна

1983 года рождения. Родилась и выросла в России. В 2008 году переехала в Финляндию. Номинант на премию «Поэт года 2012», дипломант Международного Поэтического конкурса «Рифмованный Мир» 2012, публикации в сборниках «Рифмованный мир» (Россия), «Поэт года 2012» (Россия), «9 муз» (Греция), «Под небом единым»

ЗВЕРЕМ

**Зверем.
Сквозь леса подожженных листьев.
Убегаю. Догнал бы, что ли...
Я не верю тебе по-лиси.
Оставляя свои пароли —
в небо хвост.
Замести бы тропы,
ведь надежда - наждак истертый.
Гулко сердце в груди торопит
до озерных колючих стекол
добежать,
посмотреться в правду —
у меня ведь уже морщины...
Переждать бы, конечно, надо...
говорят, дефицит
мужчины.
Но увы,
я глуха к советам.
У меня свои тропы-степи.
И я зверем бегу по свету,
заметая следы...
цепью.**

НЕ СКАЗКА

**С Вечностью осень играла в салки...
А я решила, сказка так сказка.
И утонула. Стала русалкой
С холодным хвостом дурачком.**

**Я так хотела к тебе поближе
подплыть, запеть под раскаты грома
о чем-то важном, чтоб ты услышал,
но оказалось, что сказка — омут.**

**А под водой та же осень. Очень
пустая, нервная и больная.
Тут тот же бог к крестам приколотен,
не меньше видит, не больше знает.**

**Я попросить его очень трушу.
Хотя до боли в хвосте проклятом
Хочу вернуться к тебе на сушу...
Ведь ты же примешь меня... обратно?**

ДОМОЙ?

**Я приехала... И застелены
улицы скатертью -
Белой-белой... январской вышивки,
без затей...**

**А у этого города взгляд
нерадивой матери,
Которая вдруг захотела...
тепла детей...**

**А у этой улицы - запах
потерянной нежности,
И до боли знакомые окна,
и тусклый свет...
А у этого дома взгляд
бесконечной верности...
Скрипнет дверь в полутьме,
словно тихо шепнет: «Привет...»**

**Я шагну, как во сне,
в объятия чьи-то горячие -
И заплачу от боли, сливаясь
с безумием стен...
Из объятий таких возвращаются...
если... то зрячими,
С неизбежным потоком
ТАК нужных судьбе перемен.**

**Я вернулась... Скучала,
как многие мне и пророчили..
Уезжаю с рассветом,
не став и сегодня
родной...
У пришедшего поезда рев
недолюбленной дочери,
Которая долго
Боялась
Вернуться
Домой...**

ПАРКЕТНЫЙ ЛАК

Молодая женщина, очень молодая и очень хорошенка уже не в первый раз за последние два часа раздвинула тюлевые половинки занавесок и мельком, как бы невзначай, мимоходом, взглянула в окно, чтобы снова расстроиться от того, что там ничего не изменилось. Она походила по комнате, открыла пузырек с лаком, потом закрыла его, потом полюбовалась на свои свеженакрашенные, яркие, как конфетка, овальные ноготки, поправила прическу, но все же ее неудержимо влекло снова раздвинуть тюлевые половинки и взглянуть, не изменилось ли что-то во дворе. Машины послушно стояли под окном, но одно место так до сих пор и пустовало.

Молодая женщина (а имя ей было - Елена) вынула своими розовыми пальчиками тонюсенькую розовую сигаретку из изящной пачки и закурила. Ее милый гладкий лобик пересекли крошечные морщинки тревоги и недоумения. Уже не первый час ожидала она своего мужа и успела соскучиться от беспокойства. Елена присела на кровать, продолжая курить, и рассеяно оглядела свою комнату. Комната была не то что бедна, пожалуй, что даже и нет, но она явно требовала каких-то улучшений. Впрочем, как и вся квартира! Ах, как хотелось бы, чтобы немедленно, сию секунду, все в комнате преобразилось и само собой превратилось бы в новейшую глянцевою обстановку из иностранного журнала, который она выпросила вчера у подружки. Елена представила себя утопающей в мягком бархатном кресле цвета топленого молока, с длиннющим золотым мундштуком в тонких пальчиках и в бледно-розовом шелковом пеньюаре. Ей привиделось элегантно обставленное помещение с приглушенным светом, где повсюду стоят вазы с белыми, бледно-розовыми и чайными розами, и паркетный лак блестит мягким лунным отсветом. Замечтавшись о том, как бы чудесно выглядела там она, именно она, а не та противная шатенка, фото которой было помещено в журнале на картинке с аналогичной обстановкой, Елена пропустила главное, а именно: легкий щелчок поворачивающегося в замке ключа и тихий стук открывающейся двери, что означало возвращение любимого.

Молодой мужчина был, безусловно, хорош собой. Статный блондин, высокий, с утонченными чертами лица, большими яркими серыми глазами, он неизменно производил впечатление в любой компании. И все знали, что он - самый нежный и любящий муж на свете. «Но, конечно, с неудавшейся творческой судьбой, о да, дорогая! Я тебя уверяю! Очень перспективный поэт! Но... как жаль, что в наше время перспективным поэтам приходится служить, чтобы зарабатывать на хлеб! Никакого уважения к культурным ценностям! Что написал? Ну, несколько стихотворений, три поэмы, правда, еще не законченные... Где публикуется??? Нигде, разумеется! Настоящие поэты пишут не ради славы! Ах, он из такой семьи! Правда, разорившейся... Но! Не будем называть имен, и предаваться отчаянию, все еще наладится, вот увидишь! Бедняжка его жена — она очаровательна, бесспорно, но глупа как пробка, хотя не такая уж она и красивая, да, особенно при повороте головы на пять шестых, вот посмотри при случае повнимательнее...»

Трепетный муж подошел к своей жене, опустился перед ней на колени и бережно взял в свои красивые руки ее маленькие прелестные ручки. Он стал смотреть в глаза Елене снизу вверх нежно, ласково, но как-то немного жалобно. Ее пытливый и напряженный взгляд заставил его глаза опустить и сосредоточить свое внимание на ее пальчиках, которые он вначале рассматривал, потом ласково поглаживал, затем принялся потихоньку целовать - по одному, едва касаясь губами, полуприкрыв веки и опустив голову так, что ей были видны только его лоб и

длинные трепещущие ресницы.

- Дорогая, я хотел поговорить с тобой насчет одной суеи безделицы... Ты знаешь, как я люблю тебя и как я хочу, чтобы у тебя было все, что ты пожелаешь. Как бы я хотел дать тебе хоть крохи того чего ты достойна!! Но родители мои черствы и не выделяют мне ни гроша! А я не могу работать на дядю, пойми, у меня нет ничего общего с этими толстокожими, грубыми людьми, с этими делягами, грязными барыгами, которые не могут отличить ямба от хорея!

К концу этой тирады мужчина уже стоял посередине комнаты, выпрямившись во весь свой внушительный рост, и взгляд его явил жалобно-защитное выражение.

- Меня уволили. - Сообщил он, и красивые глаза его метнули две гневные серо-голубые молнии.

Глаза молодой женщины и ее безвольный пухлый ротик округлились.

- Пятый раз за последние два месяца? Но Алекс, милый, ты же обещал мне вчера новое платье, и потом, я давно хотела купить паркетный лак и....

- Паркетный лак! - патетически воскликнул Александр, заламывая руки. - Моя королева думает о каком-то паркетном лаке! Женщина, которая должна повелевать вселенной! Я не имею права жить...- глухо и задумчиво сказал он. - Я не имею права жить!

Он повторял эти слова, кружа по комнате и озираясь, как будто в поисках чего-то, спешно необходимого, до тех пор, пока в глазах его жены не отразился неподдельный страх. Внезапно он бросился к балконной двери и начал рвать ручку на себя, бормоча в исступлении: «Недостойн! Недостойн! Недостойн...» Елена попыталась схватить его за руки и остановить, но тщетно, силы были совсем не равны.

Тогда она горько и беспомощно заплакала, опустив руки, и слезы катились, ничем не сдерживаемые из ее широко открытых глаз. Зато ее муж, похоже, совершенно успокоился. Он ласково обнял жену и жарко зашептал ей на ухо: «Элли, милая, я знаю, как заработать миллион, но... но... - тут он снова сник, — ты, наверное, не согласишься...» При слове «заработать» Елена перестала всхлипать и, слегка отстранившись, устремила на мужа полный надежды и любви взгляд.

- Видишь ли, дорогая... - медленно начал Александр, - если бы мне удалось издать книгу, то я уверен, она разошлась бы огромными тиражами! Ты же не сомневаешься в том, что я талантливый поэт?

- Нисколько, милый! - с жаром воскликнула Елена, - ты - самый, самый... Волнение не давало ей говорить.

- Я слышала мнение, что ты очень перспективный поэт! - вдруг торжественно закончила она, явно цитируя, вспомнившуюся из чужого разговора, фразу.

- Да, да! - воодушевленно подхватил Алекс, - так говорят многие, и они верят в меня. Главное — побольше издаваться, ведь публика так глупа, она ценит только количество, не качество, Боже, как трудно быть непонятым...

Он явно приготовился сесть на своего любимого конька и объяснить, уж в который раз, как тяжело живется гению в жестоком мире, но неожиданно был прерван неромантичным вопросом своей жены: «А где ты собирался взять деньги на публикации?»

Услышав этот приземленный текст, Александр слегка замаялся, но всего на долю секунды, на крошечную, незаметную дольку, а потом, склонившись поближе к прозрачно-розовому, идеальной формы ушку, так, чтоб не видеть ни в коем случае ее глаз, заговорщически зашептал: «Мне обещал дать денег Виктор Котик».

Елена обиделась. Она отодвинулась от мужа, она даже отвернулась от него, тем более что сигареты, за которыми

рука потянулась сама собой, лежали на тумбочке позади нее.

- Мне кажется, - начала Елена сухо, - что с этим шутить просто глупо...

Но закончить фразу ей не удалось. Александр быстро-быстро заговорил, так, чтобы она не могла перебить его: «Элли, любимая, все правда, это - правда, он сказал, он мне сказал, что я талантлив, и мне нужно помогать, что мне нельзя ходить на службу, а наоборот, нужно писать, писать и писать, и тогда я точно смогу прославиться, главное, что он готов мне содействовать и он верит в меня, и еще он сказал, что молодых нужно поддерживать, что за нами - будущее искусства, а я - особенный и из меня точно выйдет толк, если я посвящу себя поэзии, и не буду распыляться на мелкие, никчемные дела, он только хочет, чтобы ты составила ему компанию на его яхте...»

Тут он внезапно замолчал, словно повернули выключатель, и повисла неожиданная тишина. Две пары глаз уставились друг на друга в упор. Завороженный ее взглядом, Алекс не мог отвести своих серых глаз от ее — прозрачно-голубых, которые стали стеклянно-неподвижными, как у кукол.

- Ты хотел сказать - чтобы мы составили компанию?

Она говорила медленно, будто возвращалась в действительность после продолжительного сна.

Но Александр уже полностью овладел собой.

- Дорогая, ну ты же знаешь, что меня безбожно укачивает!

Его голос звучал все увереннее. Чтобы обрести еще большее спокойствие, он отошел к окну, и, вынув пачку дорогих сигарет, закурил.

- Конечно, я мечтаю покататься с вами, но не могу же я предстать в разобранном виде перед спонсором! Хотя, конечно, если ты не хочешь составить компанию такому милому и благородному человеку, как Виктор, то никто не вправе тебя заставить, тем более я! Я вообще ни на что не имею права, я - ничтожество, которое обременяет любимую женщину бесконечными, глупыми просьбами, лучше уж мне пойти и устроиться грузчиком в овощной магазин, там я принесу больше пользы!

С этими словами Александр развернул газету под названием «Работа», приобретенную, кстати, его женой, и стал внимательно изучать колонки с предложениями о трудоустройстве.

Елена сидела молча, ошарашенная услышанным. Она ни за что бы не решилась поехать куда-либо без сопровождения своего любимого и защитника, но выражение унылой безысходности, застывшее на лице мужа, ранило ее в самое сердце. Она также не могла решиться на слово «нет», потому что недавно, совсем недавно Алекс рассказал ей душераздирающие подробности своего разлада с родителями которые, как он поэтически выразился, «всю жизнь подрезали ему крылья». Испугавшись, что разочарует и огорчит мужа, молодая женщина усилием воли разлепила пересохшие губы и почти прошептала: «хорошо». Сверкаю-

шая гладь залива простиралась под солнцем, переливаясь чехардой миллионов солнечных зайцев. Большая белая яхта плавно рассекала водную твердь. Ветерок обдувал лица гостей, разгоряченных разнообразием и изобилием спиртных напитков. Роскошный стол был накрыт на палубе, посреди крахмальной белоснежной скатерти красовались невиданные заморские яства в сияющем хрустале. Серебряные ведерки с шампанским помещались возле расписных блюд, придавленных фруктовым изобилием. Палуба была застелена персидскими коврами, на которых, уютившись в подушках и пестрых валиках, непринужденно расположилась компания хозяев жизни. Было заметно, что в этом обществе не привыкли себе в чем-либо отказывать.

Избранники судьбы, похоже, казались хорошо знакомыми между собой, они весело болтали и смеялись так, словно путешествие длилось не одну неделю и все сплетни, интриги и измены стали уже и постоянными, и общими. Впрочем, вероятно, так оно и было, и эти тщательно сработанные красавицы и сопровождающие их мачо давно уже плыли по жизни в своем маленьком, узком вип-кружке, усердно стараясь не выходить за рамки, очерченные волшебным кольцом определенного уровня благосостояния.

Роскошь обстановки не могла не поразить нашу героиню, которая видела подобное лишь на страницах модных журналов. Вначале она страшно испугалась незнакомой компании, сравнимой для нее с сонмом неких небожителей. У Елены не было знакомых в этом обществе, кроме, разве что – хозяйина яхты. Впрочем, и его она видела прежде мельком, на каком-то поэтическом квартирнике, до которых так охоч был ее муж. Виктор тогда показался ей весьма импозантным и солидным человеком. И, помнится, ее рассмешила не-серьезная фамилия «Котик».

Выкурив враз три тонких розовых сигаретки, Елена немного успокоилась и принялась изучать обстановку. С детской непосредственностью оглядывала она сверкающие ряды бутылей с неизвестными напитками, вазы со свежими цветами, веселых и нарядных гостей. Долго скучать в одиночестве ей, однако, не пришлось. Сам хозяин занял место рядом с ней, галантно пытаясь заместить отсутствие личного и законного кавалера. Витя был так мил, непринужден и любезен, что молодой женщине невольно стало стыдно за вчерашние упреки, адресованные мужу. Всем известно, что он действительно не переносит даже вида водной глади! А вот же – не захотел лишать ее удовольствия праздника. Елена растрогалась. Слезы навернулись на ее хрустально-прозрачные глаза, от сознания того, что ее любит самый лучший, самый талантливый в мире мужчина. И самый красивый, к тому же!

Тосты и веселье звенели, бурлили, не прекращаясь, перемена блюд уже все потеряли счет. Елена порядочно устала от застойной неподвижности. Поэтому, когда Виктор предложил ей осмотреть яхту, она с радостью поднялась – хотелось размяться и пройтись. Честно говоря, непривычное количество сладких пузырьков шампанского окончательно затуманили ей голову.

Внутренность плавучего предмета роскоши оказалась весьма объемной и великолепно обустроенной. Матовый блеск дерева, хрусталь, меди, кожи, удобства хорошо спланированного пространства – все это вызывало ощущение погружения в глянцево-рай, столь любимый трепетными барышнями. А наша Елена не была исключением и не скрывала своего восхищения обстановкой! Виктор же весьма охотно отвечал на все ее вопросы. Она заметила, что когда он улыбается, возраст и внешний лоск как-то уходят на другой план, и остается лишь искренность смущенного добродушного мальчишки. Улыбка существовала вне глянца, вне возраста и занимаемого в обществе положения, она была, пожалуй – словно из детских книжек – обезоруживающая и наивная.

Размышляя об этом необычном явлении, Елена ненадолго отвлеклась, а когда включилась снова – обнаружила себя стоящей в дверях небольшой, но весьма шикарной спальни, отделанной дубом и медью. У кровати, застеленной белоснежным кружевным покрывалом, стояли вазы с розами – белыми, розовыми и чайными. Точь-в-точь – как в ее мечтах. Она стояла и улыбалась своим грезам. Однако щелчок замка за спиной вернул ее к действительности. Елена резко обернулась и увидела белозубую, обезоруживающую улыбку Виктора. Он сделал шаг вперед, и маленькое пространство оказалось настолько тесным, что оказалось – ей некуда отступать. Виктор взял ее за руки. Она пыталась вырваться, но не хотела шуметь – ей казалось стыдным обнаружить себя при чужих людях в такой трагикомичной и банальной ситуации. Однако Виктор нисколько не смутился, а привлек ее к себе и начал целовать, невзирая на сопротивление. Молодая женщина запрокинула голову, чтобы защититься от нападения хотя бы свои пухлые розовые губки, свято хранившие верность любимому мужу. Она вертелась и извивалась, пытаясь освободиться от сильных рук, но тщетно. Хриплым от возмущения голосом она прошипела: «Прекратите сейчас же! Вы не представляете, что с вами сделает мой муж, когда узнает!» Хватка ослабла. Елена подумала, что ей удалось одолеть противника, но тут Виктор спойкойно и размеренно произнес: «А что он со мной делает? Ничего он со мной не сделает. В данный момент он в типографии и готовит верстку своей первой книги. Но я, конечно, могу туда позвонить и сказать, что я передумал оплачивать этот заказ».

Елена вспыхнула. Глаза ее метали молнии. «Вы подлец! – воскликнула она. – Какой же вы подлец!»

– Я не подлец, мадемуазель, а бизнесмен! – сообщил, слегка нахмурившись, Котик. – Ваш муж предложил мне сделку, и я выполняю ее условия, а вот он, похоже, и не подумал сообщить вам о нашей договоренности.

– О какой еще договоренности? – голос Елены дрогнул.

– Ваш муж сказал мне, что вы не будете против... – Виктор вновь заулыбался искренне и как будто чуть виновато.

– Вы врете! – выпалила молодая женщина, забыв об этикете.

Виктор смущенно покачал головой.

– Я не вру. Когда Алекс сказал, что вы готовы для него на все, я предложил ему сделку. Поймите, вы очень понравились мне, в тот вечер, когда мы увиделись впервые, я не могу забыть вас вот уже два месяца...

Елену охватило отчаяние. Пока Виктор говорил, виновато, по-детски улыбаясь, ее отчаяние сменилось гневом на все мужские особи мира, затем смятением, после – апатией. Она устала в пол, на аккуратно уложенные дубовые доски, сияющие мягким светом дорогого матового паркетного лака, такие незбылемые в своих устоях, невозмутимые и твердые, как убеждения праведника. И вновь ее охватило отчаяние, только иное – бесшабашное, безрассудное, отчаяние человека, которому уже терять-то и нечего, просто хочется хоть как-то покуражиться напоследок, перед полным крахом микробытия в микромире. Темное чувство мести поднялось из самых глубин огорченной души и ошпарило ее всю изнутри. Внезапным движением она вскинула руки на плечи собеседнику и прервала его сбивчивую речь, прикинув губами к той самой смешной и виноватой улыбке дворового мальчишки.

Елена открыла глаза. Взгляд ее уперся в неожиданное – темный деревянный вошечный потолок. Аромат роз окутывал все вокруг. Справа маячило кольцо иллюминатора. Голова слегка кружилась – выпитое шампанское еще давало себя знать. Она лежала в одиночестве, укутанная шелковыми простынями, и силилась хоть что-то вспомнить. Внезапно страшный стыд окрасил ее и без того розовые щечки. Слезы наверну-

лись на глаза, обжигая, словно кипятком. Сознание чего-то непоправимого, чего-то недостойного заставило ее горько рыдаться, уткнувшись лицом в подушку. Поток раскаяния мог бы длиться вечно и превратиться в бурлящие реки слез, но в этот момент рука ее под подушкой наткнулась на нечто бархатистое и твердое. От неожиданности Елена отдернула руку и резко села в кровати. Слезы враз высохли, и любопытство, присущее котяткам, щенкам и барышням охватило ее всю, целиком. Она откинула подушку – большая бархатная шкатулка обнаружилась под ней. Елена бережно откинула крышечку и – бриллиантовая радуга отразилась в ее голубых глазах. Колы и серьги уютно покоились на ворсистом донышке ларчика. Не в силах устоять перед соблазном, она на скорую руку пригладила волосы и навесила украшения. Благо у кровати обнаружилось большое зеркало, которого она прежде и не заметила! Елена любовалась своим отражением, и уверенностью в том, что именно такая обстановка и такие украшения ей к лицу и положены ей по праву рождения красавицей, крепла в ней с каждой секундой. Внезапно дверь отворилась, и Виктор возник на пороге. Елена даже немного испугалась – права владения найденными драгоценностями у нее все же не было. Но его обезоруживающая улыбка успокоила ее. Виктор поставил поднос с шампанским на столик у кровати, присел рядом и прошептал, глядя ей прямо в глаза: «Сама нашла? Умничка! Нравится? По-моему, все бриллианты мира должны быть твоими!»

И тут она впервые ему улыбнулась. Улыбнулась с облегчением. И с удивлением. И уверенностью в том, что все уладится и будет очень-очень хорошо!

Молодая женщина (не сомневайтесь, это была наша Елена) находилась в комнате одна. Вот уже не в первый раз за последние два часа раздвинула она кружевные половинки занавесок и мельком, как бы невзначай, мимоходом, взглянула в окно. Знакомого авто во дворе все еще не было. Тогда она вновь принялась разбирать платья, отделяя старые от новых.

– Мадам, – раздался немолодой женский голос, – к вам гость.

– Кто еще? – спросила мадам, несколько раздраженно.

– Он говорит, что он поэт, что принес вам в подарок свою первую книгу!

– Скажи ему, Мария... – Елена замялась, но лишь на секунду и голос ее обрел уверенность. – Скажи, что меня нет дома!

– Но мадам, он приходил уже несколько раз и...

– Мария! Делайте то, что я вам говорю. Меня нет дома! И не будет, сколько бы он не приходил!

Елена упрямо тряхнула головой, и крупные бриллиантовые подвески у нее в ушах закачались воинственно. Она подошла к зеркалу и улыбнулась своему отражению. Улыбаться себе было радостно. Слово пузрышки от шампанского, радость наполняла все тело, делая его струящимся и невесомым. Зеркало демонстрировало самую настоящую красавицу с длиннющим золотым мундштуком в тонких пальчиках и в бледно-розовом шелковом пеньюаре, а позади – большую комнату, обставленную бархатной мебелью цвета топленого молока. Интерьер дополняли переливающиеся зеркала, хрусталь и бронза, а вазы с любимыми белыми, бледно-розовыми и чайными розами стояли повсюду, в картинном беспорядке.

Молодая женщина любовалась собой. Потом она нахмурила очаровательный лобик, пытаясь что-то вспомнить, с секунду постояла в задумчивости, а после подошла к дверям и, приоткрыв створку, крикнула в глубину анфилады: «Мария! Сегодня придут мастера покрывать пол в бальной зале лаком! Мне нужно, чтобы лак был самым блестящим, какой только можно найти! Мария, ты слышишь меня? Это очень важно! Так, смотри, не забудь проверить!»

Екатерина АСМУС

Анатолий Линник

Родился в Ленинграде в 1973 году. Окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Первые шаги в поэзии были сделаны в 2001 году. Является членом-корреспондентом Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина, членом Российского Межрегионального Союза писателей, литературным сотрудником Некоммерческого партнерства поддержки литераторов «Родные просторы», членом Союза Писателей России, награжден медалью Л.Н. Толстого.

СВОБОДА ВОЛИ

**Я неустанно жизнь благодарю
И восхищаюсь тем, что в ней имею.
Тяжёлый век страстей не разлюблю,
А буду петь, в делах не онемею.**

**Не стыдно мне признаться, где живу,
О чём мечтаю в мире на планете.
Я поклонюсь земному божеству
И восхваляю любовь на белом свете.**

**Не описать словами красоту,
Что дарит миру матушка-природа.
Но наши чувства оживят мечту:
“Из всех “наград” ценнейшее —
свобода”.**

**Давайте лучше думать, представлять,
Места, где сможем ощутить блаженство.
Совсем не сложно будет так понять:
Свобода воли — просто совершенство.**

**Цените опытных поэтов,
Ищите чистый романтизм.
Ведь жизнь — не песня, из куплетов
Не состоит — и в том комизм.**

**Днём мы в фантазиях витаем,
Волнуем душу, пеним кровь.
В тиши же чувства все теряем,
Но ждём, чтоб повторилось вновь.**

**И в этом случае поддержат
Людей и песни, и стихи.
Тоску, страдания удержат,
Забьют помогут все грехи.**

**Довольно сложно мир понять,
И в море чувств любовь найти.
Свой век по жизни с ней пройти,
А лишнего не ждать, не звать.**

**Зато приятно принимать,
На долгом жизненном пути,
Друзей, удобно с кем идти,
Кому совсем не стыдно лгать.**

**Легко выстраивать судьбу,
Когда мы радостно поём,
И только пользу в мире ждём,
В своей душе ведём борьбу.**

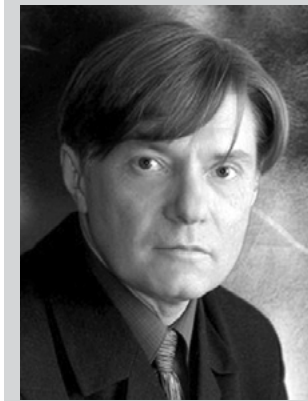
**Ведь очень грустно жизнь прожить,
А чувств нежнейших не вкусить.**

ДАВАЙТЕ...

**Давайте отвлечёмся — помолчим,
Не будем ни грустить, ни волноваться.
В глаза друг другу скромно поглядим,
Ведь мы равны, и нечего стесняться.**

**Давайте постараемся понять,
Коль чувства дарят радость,
наслаждение,
То глупо о несбыточном мечтать,
Пытаться повлиять на providенье.**

**Давайте отвлечёмся — помолчим,
Душе не сложно в прошлое вернуться.
Надежду с верой в счастье воскресим,
Попробуем с мечтой соприкоснуться.**

Павел Алексеев

Родился в 1959 г. в г. Баку в семье морского офицера-пограничника и матери врача. Окончил в Ленинграде 239 школу с углублённым изучением физики и математики (школа несколько раз признавалась лучшей в мире). Затем в 1982 г. окончил ЛМИ (Военмех). Далее работал в НИИ, затем на кафедре в Военмехе. Одновременно закончил режиссёрские курсы при ЛДМСТ у проф. Кацмана А.И. Затем работал в различных ведущих компаниях на должности коммерческого директора. В 2007 году в издательстве «Геликон плюс» вышла его первая книга «В поисках чуда», а в 2011 «Непричастные» в «Издательстве Союза Писателей Санкт-Петербурга», сейчас выходит «Среди сломанных копий». Печатается в журналах «Аврора», «КЛА-УЗУРА», «Под небом единым», «Берег Питера», «Царскосельская лира». Альманахи: «Северное Измерение», «Петраэдр», «Согласованные времён» (Германия). Член Союза Писателей Санкт-Петербурга и Литературного Фонда России

Q

В новейшем справочнике «Как написать интересную книгу» я вычитал следующее: «Почаще вставляйте букву Q в текст, чтобы оживить слова».

И я попробовал. Слова и на самом деле стали волшебным образом оживать. Сначала нервно дёргались, трепыхались, пробуя будто отделиться от бумаги, а затем они уже бегали, кувыркались, перелетали со страницы на страницу. Щебетали. Устроили такой переполох на бумажных просторах, что просто диво. Весёлый кавардак. Вот что!

Неуправляемое чтиво. Всегда новое. Калейдоскоп. Слов, сюжетов, строчек. Водопад. Теперь мне в жизни было уже достаточно одной «живой» книги. В голове.

Представляете?!!

Новые возможности опьяняли так, что я не мог и секунды усидеть на месте. Быстро оделся и вышел на улицу.

Февральский ветер гнал по хрупкому насту колкую поэмку, трепал беспорядочно волосы. Я поёжился. Бр-р-р-р. Тонкое пальтишко.

Навстречу двигался шаркающей походкой замызганный бомж. Грязный пакет с нехитрыми пожитками был зажат в суховатой руке. В другой палка, на которую он опирался. Неожиданно он остановился, как вкопанный, прищурился из-под мохнатого треуха маленькими хитрющими глазами на меня и, широко улыбаясь, молвил:

– Живое слово. – Будто какой свет прозрел в моей голове. – Надо же!

Старушка, проходившая мимо, шарахнулась от него, крестясь:

– Фу, напугал, чертяка. Чего остановился? В тюрьму вас надо!

А он, не обращая внимания на назойливый визг, пошёл ко мне. Притормозил и, глядя в самые глаза, спросил по-доброму:

– И как это у тебя получилось-то?

Старушка заверещала:

– Да, отстань ты от человека! Чего пристал? – но видя, что я, вроде, не возражаю, плюнула в землю:

– Оглоеды! Таким же будешь! – И поковыляла дальше.

А мы с бомжем двинулись к детской площадке.

– Понимаешь? Буква Q!

– Не понимаю, – проговорил он.

– Ну как тебе объяснить? – и остановившись, я взял из его рук палку и крупно начертил на снегу Q. Он смотрел на неё, недоумевая, о чём это я. И тут... буква словно набухла и от неё побежали голубоватые разводы, появились проталины. Выглянуло солнце. Зажурчали ручейки. Зазвенела капель. Запахло весной, как только в феврале и может пахнуть. Удивительно свежо и приятно. Что-то раздвинулось...

Бомж опешил. И я тоже.

Когда на душе становится особенно грустно и муторно, то я где-нибудь пишу букву Q. И всё вокруг меняется.

В интернет-кафе

Григорий Отрепьевич ухом не ведёт и рылом. Хотя обращаются к нему и требуют предъявить сейчас же документы.

Но Григорий не в силах даже повернуться. У него настоящий приход графомании. Это – новый вид неизученного заболевания, когда пишешь в безумии всякую чушь, не переставая, размещаешь её торопливо где только возможно в интернете и ждёшь в нервном ожидании хоть какого-нибудь отклика.

– Эй, ты! – повторяет в сильном раздражении грубый голос, и мясистая ладонь ложится на плечо пишущего, надавливая.

– Минуточку, – лихорадочно шепчет Григорий Отрепьевич, пригибаясь, и уходит с головой в текст.

Только его и видели.

– Ты видал? – спрашивает ошарашенный мент, а ныне полицейский Саня, своего промозглого напарника. Тот кивает, тупо глядя на экран, который только что с чавкающим звуком поглотил почти целиком графомана-маньяка в первом поколении. Лишь каблук ещё никак не может погрузиться в гладкую поверхность монитора. Дёргается.

Полицейские не успевают опомниться, как ботинок всё-таки тонет. Хлюп!

Две пары осоловелых глаз, проморгавшись, с невероятной ясностью видят, что среди букв и всяких предложений, ныряет, кувыркается и неслышно кричит разрывающаяся рожица Григория. Он, видимо, счастлив.

– А мы? – просят менты внутрь таинственного пространства и угадывают по губам ожившего смайлика:

– Пишите, Саша, пишите!

Стражи порядка бросают всё и начинают строчить...

Компьютеры, а затем и экраны телевизоров захламляют постепенно «менты», «воры», «фонари», «слепые», «убойные»...

– Ну что? – спрашивает плоский смайлик, подмигивая. – Ко мне? А?

– Нам хорошо и здесь! – вскрикивают новые сложившиеся авторы и поминают являющегося им Григория Отрепьевича лёгким квасом. Они не пьют. Им некогда. Они творят культуру.

Мент. Улица. Фонарь. Аптека.

Доктор Соколова Елена Михайловна

Кто Вы, доктор Елена Михайловна? Фея? Добрая волшебница-исцелительница? Кудесница?

Но начнём по порядку. Скоро

14 лет, как я живу в Германии. Наслаждаюсь прекрасным климатом, красотой природы и бытовым комфортом. Масса кустов в цветах белых, жёлтых, сиреневых, красных. Вдоль дорог луга в цветах. По газонам разрешается ходить, на них можно сидеть и лежать. Там климат значительно мягче нашего, Питерского, и трава не боится, что её затопчут, всё равно будет расти. А трамваи ходят по расписанию так точно, что по остановкам можно проверять часы. А кладбище там – это живописный парк с зайцами, белками и диковинными бело-голубыми птицами.

На таком прекрасном кладбище похоронила я мужа и собралась возвращаться в Петербург, к своим детям и внукам. Да разве от таких чудес уедешь в наш, мягко выражаясь, город с повышенной влажностью?

И вдруг в одночасье всё переменялось. Вся жизнь пошла по другому пути. Я больна. Кашель непрерывный, безостановочный – душит. Нельзя вдохнуть воздух. Задыхаюсь. Пошла по врачам. Любезная сверх предела врач-немка улыбается, обнимает меня, что-то быстро и непонятно говорит по-немецки. Направила на анализы и рентген. Всё чисто, всё хорошо. Улыбается. Всё в порядке! Но кашель ведь не прошёл... Я продолжаю по ночам задышаться, а днём не могу разговаривать. Любезный врач пожимает плечами:

– Принимайте пока кодеин. Он успокаивает кашель. Больше ничего не могу сказать...

Я поехала в другую клинику. Повторили анализы, проверили нет ли коклюша. Нет, всё чисто...

Спрашиваю:

– Как же может быть чисто, если кашель не уменьшается, а становится сильнее?

Врач пожимает плечами. Советует принимать кодеин не один, а два раза в день: вечером, перед сном и утром, чтоб днём не кашлять. И я принимаю наркотик два раза в день в течение девяти месяцев. Начинает болеть ухо, но не могу идти к врачу: кашель непрерывный. Я собираюсь умирать. Ведь как-то ночью задохнусь, не набрав воздуха в грудь.

Приехал из Санкт-Петербурга сын и сказал:

– Просто здесь не умеют лечить! Немцы прославились операциями, а не лечением. Едем в Петербург.

И вот я в «Лечебно-научном центре Ринологии им. Тимофеева В.М.» на приёме у врача Соколовой Елены Михайловны.

Елена Михайловна родилась в 1965 в Петрозаводске в интеллигентной семье.

Мама, Мишенёва Тамара Серафимовна, учитель начальных классов. Руководит школьным хором, играет на фортепьяно, аккордеоне, баяне. Дочку научила играть на фортепьяно, подготовила к поступлению в музыкальную школу, которую она успешно окончила.

Отец, Мишенёв Михаил Александрович, профессор истории, пытался увлечь свою девочку славной историей послереволюционного периода России. Но юная Леночка училась в школе с углублённым изучением химии и мечтала о другом. Её неудержимо привлекала биохимия. В 7-ом классе стала ходить на курсы подготовки в медицинский институт при Университете. Занятия вели учёные, профессора. Особенно яркое впечатление оставила профессор анатомии Фёдорова Александра Васильевна. Она рассказывала о своих исследованиях так живо и так заразительно, что хотелось работать именно с ней.

После окончания школы Лена поступила на медицинский факультет Петрозаводского Университета. С 1-го курса принимала участие в исследованиях на кафедре патологической анатомии. Исследование кровотока головы у больных атеросклерозом стало темой кандидатской диссертации. Научным руководителем был профессор Самсонов Виктор Алек-

сандрович, человек умный, образованный, интеллигентный. В 50-х годах был репрессирован, отсидел 8 лет, а в середине 60-х реабилитирован. (!)

После защиты диссертации Елена Михайловна получила приглашение на работу в 4-ое управление Минздрава СССР (кремлёвским врачом), в правительственном медицинском Центре. Работа была захватывающе интересная. Доступно было всё необходимое оборудование и западная медицинская литература. Был очень интересный круг общения с пациентами. Это были министры, члены правительства, герои СССР, артисты. Лечился, например, у Елены Михайловны широко известный Штирлиц (народный артист СССР Вячеслав Тихонов). Она говорит об этом с нескрываемой гордостью: её избрал В. Тихонов своим лечащим врачом. У него тогда пропал голос. После трёхнедельного волшебства голос к артисту вернулся.

Но давайте вернёмся ко мне. Лечение закончено. Кашель прошёл. Даже не верится, что мученья позади. Я опять возвращаюсь к своим походам по немецким врачам. Рассказываю, как каждый немецкий ларинголог пытался взять салфеткой язык и вытащить его. А он (язык) не даётся, уходит обратно. Врач начинает нервничать: «Дайте язык!» Но я не мешаю, даю – берите! В результате в Германии мне так и не обследовали горло, а кормили наркотиком – кодеином. Под руководством врачей я принимала его 9 месяцев по 2 раза в день.

Когда начала меня лечить Елена Михайловна, первое, что она сказала: «Срочно бросить кодеин!» Через два дня после начала лечения ночью было что-то непонятное. То меня бросало в жар так, что вставала под холодный душ, то трясло от холода, и я натягивала на себя свитер и шубу. Всё это происходило на фоне постоянной рвоты и поноса. Утром я позвонила Елене Михайловне:

– Что это? Может быть от луча Лазер?

– Нет. Это у Вас ломка после наркотика.

Ну, спасибо Вам, немецкие врачи!

Начало болеть ухо. Оказывается, под действием кодеина кашель утихал, а процесс продолжался. Я начала гнить изнутри! Гланды были в мелких нарывах, и такие же гнойники образовались в ухе! Да, премного вам благодарна, доктора Германии!

Но почему же всё-таки не обследовали горло, а допустили в прямом смысле его гниение?

Елена Михайловна объясняет: да, язык не даётся в руки, его надо заморозить. Или прижимать специальной лопаточкой. Но немецкие доктора не стали делать ни того, ни другого! Почему?

На этот вопрос нет ответа.

А доктор Соколова, будто спохватившись, говорит:

– Мы с Вами заговорились, а ухо после операции как себя чувствует? Посмотрим.

Она аккуратно, медленно и старательно смотрит моё ухо и в глазах её загораются огоньки удовлетворения от успешно проделанной работы. Довольная достигнутым, тихо произносит:

– Отлично!

И я отмечаю, что такие огоньки в глазах вспыхивают при творческой работе.

Я поинтересовалась у Елены Михайловны:

– Пожалуйста, скажите, как Вы считаете, на каком уровне ларингология в настоящее время в России и на Западе?

Немного подумав, она отвечает, что уровень на Западе и в Санкт-Петербурге, и Москве примерно одинаковый. Налажены широкие контакты, часты командировки по обмену опытом, оборудование по цене доступно.

– Ну, а что Вы могли бы сказать в адрес тех молодых врачей, которые идут Вам на смену? Какие им пожелания?

– Молодые врачи очень большое внимание уделяют обследованию, анализам. А на первом месте должен быть сам пациент, а не рентген и анализы. Моё пожелание молодым: больше работать с пациентом.

Успехов вам, молодые российские ларингологи!

А Вам, добрая и милая Елена Александровна, творческого долголетия на благо нашего русского народа!

Анна ЛАПШЕ

Екатерина Каргопольцева

Родилась 23 января 1982 года в с.Верхне-Спаское Пыщугского района Костромской области. Публикации: газета «Молодёжная линия», г. Кострома (с 2002 по 2007гг); литературный альманах «Московский Парнас», г.Москва (2003г, 2005г); газета «Слово», г.Москва (2009г, 2011г); литературный альманах «Кострома литературная», г.Кострома (2009г), литературный журнал «Невский альманах», г. Санкт-Петербург (2010, 2011г, 2012г); альманах современной поэзии «Зелёная среда», г.Санкт-Петербург (2011г), литературный журнал «Литературный МХ», г. Санкт-Петербург (2011г); сборник стихов «Встреча в новом веке», посвящённый 50-летию Костромской писательской организации (2011г); литературный альманах «Тонкий журнал», г. Москва (2012г) и в других изданиях. Один из создателей ЛИТО «Голос»

Уставший город...
В сонной полумгле
Тугое эхо гулко пролетело
Вдоль тёмных улиц, глухо на земле
Сковав кольцом уснувшие пределы.
И через миг, разбившись о гранит,
Без крика боли, замертво упало
В живую воду между серых плит
Разволновавшихся каналов...

Муза

Вчера ко мне пришла Она
И по-девичьему картинно
Уселась в кресло у окна
С какой-то книгою старинной.

И мне, поверившей едва
Своим глазам, Она устало
Весь вечер фразы и слова
Из этой книги диктовала.

По строчкам выцветших страниц
Манерно пальчиком водила,
И я - послушная - следила,
К ногам Её упавши ниц.

Но в тяжелой доле ремесла,
Уж если честно, Боже правый!
Какую чушь Она несла,
Желая почестей и славы...

Захолустье

К тусклому солнцу в неистовой муке,
Выгнув по ветру худые тела,
Тянут берёзы озябшие руки
В робкой надежде на щедрость тепла.

Тихо, неслышно от шума и воя,
С частых поклонов лицом покраснев,
Рванный кустарник в плену сухостоя
Молит светило о ранней весне...

Любовь

Бежала прочь сто тысяч раз,
Три миллиона — проклинала!
Но начиналось всё сначала
При встрече глаз...

И я не смела... Не могла,
В удушье сладком цепenea,
Понять, откуда ты и где я,
И почему сгустилась мгла?

Овал любимого лица!
И, словно к солнечной иконе,
Тянулись жаркие ладони
Сомкнуться в таинстве кольца.

Слепыми были зеркала,
Ловили радужные дуги,
Когда, расплавившись друг в друге,
Сгорали мы почти дотла...

Так невесомо и легко
Виденьем сказочного сна
Мой ангел тронул молоко
Чуть запотевшего окна.

И тонким пальчиком ведя,
Он в отраженьях трёх зеркал
На фоне серого дождя
Мой профиль вдруг нарисовал...

ЛИТО «Голос» появилось в г. Шарье Костромской области в 2009 году, объединив молодых литераторов из районов и городов региона. Создателями объединения являются: Екатерина Каргопольцева, Ирина Манина и Сергей Белый. В состав ЛИТО входят 14 человек, стихотворения которых неоднократно публиковались как в губернских, так и в столичных литературных изданиях. Члены ЛИТО ратуют за культуру литературного слова и чистоту поэтического слога. В 2009 году при поддержке администрации городского округа г. Шарья выпущен коллективный поэтический сборник «По зову слова».

Максим Дарбашкеев

Член литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Участник литературных форумов молодых писателей в Липках. Публиковался в литературных изданиях Костромы и Костромской области, Санкт-Петербурга и Москвы. Живёт и работает в Москве.

Вольная

Рассыпается! По земле звенит,
Бьет по тополию!
На дворе июль, ветром взорванный,
Улыбаюсь небу чистому.
Ночи без копоты,
Звездам, что доступны мне,
Сегодня зоркому.
Смайл Юпитера
Бродит по небу.
Яркий он. Подло желтый он,
Мать-луна о горизонт колотится.
Бьется, зная - проиграет борьбу,
Бледная. Слегка жеванная
Здорово. Накатывает хмель волнами.
Сигарету тяну как последнюю.
Душу распахнуть бы сейчас, ан не кому.
Завтра распахну — пользуйтесь!
В пору летнюю
Жить в миру с собой - здорово.
Выписал сам себе «вольную».
Все. Прощай. Навсегда. Не «до скорого».

Редкий дождь неспеша скребет крышу.
Закипает на плитке чай.
Сквозь кривой забор, сквозь стекло
Любопытной мышью
Я привык смотреть.
Хорошо с тобой, правда...
Но пугает лай.
Выбраться из кожуря сложно.
Ты точно танцуешь извне?
По привычке в гусиной коже
Я, мечтая, живу на дне.
А оркестр отыграл разнородно -
Собираются лабухи редко.
Проводили жмура гурьбою.
Получив пятаки на конфетки.
Дирижер-дождь остался не понят.
Уходила тучка на запад.
Осенью себя звездой -
Красный я.
Но манит твой запах.
Ты ж не родная. Буржуазия.
Производная среднего класса.
Ты не видишь завтра России.
Слишком легкая.
Не понимаешь массу...
Ветром подхватит — потащит на скалы,
Если не успею. Но я должен успеть.
Пусть меня бьют. Не переживай,
Что ты.
Это такая малость.

Чем топор на тебя — лучше мне плеть.
Потом я тебя выведу —
все равно лишний.
Открещу от беды.
А ты нежная слишком.
Пусть меня бьют. Лишь бы
попросила.
Вынесу двери. Замету следы.
Оторву колокольное било.
Буду шептать: «ты-ты-ты».

Предчувствие

Снова тянет на площадь. Зачем-то.
Лозунг свежий:
«Отворить двери рая».
Но закончится все, как обычно,
Плачевно.
Да какая разница.
По привычке.. Режу.
Не разбирая.
Бросая кулаки в рожи,
Говорю себе: «это не лица».
Подлецов надо наказывать.
Как скрипит комиссарская кожа.
Жесткий взгляд. Куда делась
сутулость,
Откуда статья?
Не хочу никому ничего доказывать —
Романтика сдулась.
Когда начну строить? Устал ломать.
Для чего власть, коль баб хватает...
И не мрут соседи
Без хлеба.
По инерции ломаю двери рая.
Шум вокруг. Пальцы дрожат.
Все куда-то едет.
Тиф вернулся. Сто лет его не было.
После боя придет облегчение?
Время шепчет — пора налево.
Воздух тянет на приключения.

Ты считаешь — что ты живешь
правильно.
Я считаю, что я живу правильно.
Как железо губит окалина —
Слово правды — наследие Каина.
Всегда холодно на окраинах.
Мне морозно словно при Сталине.
Ты забрала все, что украли мы
Я трусливо скрылся за ставенькой.

Наталья Романова

Член литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Родилась 14 февраля 1971-го года в пос. Якшанга Поназыревского района. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в газетах «Районный Вестник» (Поназыревский район), «Ветлужский край» (г. Шарья), «Молодёжная линия», районных альманахах поэзии «Переключки» (1998) и «Разнотравье» (2008), журнале «Литературная Кострома» (г. Кострома, 2012), альманахе «Вокзал» (г. Санкт-Петербург, 2012).

Ты прижмись ко мне покрепче,
Улыбнись мне затаённо,
И вдвоём нам будет легче
Не пропасть в тоске зелёной.

Неба можно не бояться,
Я дарю тебе, как перья -
Вдруг на что-нибудь согдятся -
Мысли, сказки и поверья.

Под домашней мягкой пылью
О свободе помечтаем.
У меня большие крылья,
Хочешь, вместе летаем?..

Счастье с начальной минуты
меня подхватило,
Ветром весенним звеня,
завертело с утра,
Вверх унесло, на вершину
восторга и силы,
Целую вечность назад
или только вчера?..

Вниз я спускаюсь с сиявшего
радостно пика,
Ночь покрывает страницу
вчерашнего дня.
Тут пустовато, темно,
но спокойно и тихо.
Для передышки и отдыха примет меня

Место - долина печали моей -
глубока и тениста,
В тёмно-зелёных ветвях
одинокое свистит
Птаха ночная, как флейта,
прохладно и чисто,
Может, зовёт меня дальше,
а может - грустит.

Здесь, затаясь, не разносится
эхо от вздоха,
Даже когда ненароком и вырвется он -
После подъёма побыть
в одиночку неплохо,
Вспомнить минувшее,
как ослепительный сон.

Анна Алапий

Член литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Родилась 12 декабря 1983 года в деревне Животово Галичского района Костромской области в творческой семье. В 2001 году окончила школу и поступила в педагогический колледж на отделение «Иностранный язык», которое окончила в 2004 году. В настоящее время воспитывает двоих детей и учится на кафедре специальной дошкольной педагогики и психологии в ЯГПУ им. Ушинского. Публиковалась в газетах «Молодёжная линия» (г. Кострома), «Ветлужский край» (г. Шарья), поэтическом сборнике лито «Голос» «По зову слова».

Я за все тебя благодарю
И за то, что на бумаге белой
Я стихи и песни не творю,
А рисую на асфальте мелом.

Не пишу рассказов для других,
Что о жизни размышлять указками?
Я вершу неписанный свой стих
Детской кисточкой, в альбоме красками.

Я за все тебя благодарю -
Для меня нет ничего чудеснее
Что я в жизни для тебя творю
Две живые радостные песенки.

В маленьком пространстве комнаты
Дремлет Жизнь, вздыхая беспокойно,
Протянула ручку, словно ты —
Рядом с Ней всегда, бесперебойно.
Положила щеку на ладони,
В шепот голосочек превратился,
На ночь помолилась на иконы,
Чтобы ты скорей к Ней возвратился.

В маленьком объеме темноты
Дремлет жизнь, окутавшись уютно.
Протянул Он ручку, словно ты
Постоянно с ним, ежеминутно.
Безмятежен сон, Он улыбается.
Сон простой - Ему ведь только год,
Как с работы папа возвращается,
Снегом пахнет, на руки берет.

В тесных рамках времени и сил
Мне в достатке и тепла, и воли.
Боже, сохрани Тебя, спаси,
Я с тобой всегда, произвольно.

Евгения Зарубина

Член литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Живёт в п. Полдневица Костромской области. Преподаёт русский язык и литературу в школе. Публикации: газета «Молодёжная линия», г. Кострома (с 2002 по 2007гг); газета «Слово», г. Москва (2012г); литературный журнал «Невский альманах», г. Санкт-Петербург(2011г); альманах современной поэзии «Зелёная среда», г. Санкт-Петербург (2011г), литературный журнал «Литературный МИХ», г. Санкт-Петербург (2011г); литературный журнал «Вокзал», г. Санкт-Петербург (2012г); литературный журнал «Параграф», г. Кострома (2012г). В 2013 году вышел поэтический сборник «Наверно, было б хорошо опять родиться...»

* * *

Над землею темный бархат - небеса.
Звезды светлые сияют, как глаза.
Пролетел по небу ангел - Млечный путь.
Мы опять дождемся лета как-нибудь.

На щеке снежинка тает, как слеза.
В небе ласково мерцают звезд глаза.
Небосвод подернут белым молоком:
Ангел здесь прошел по небу босиком...

* * *

Просветленные временем лица
С фотографий увядших глядят.
И кому-то сейчас еще снится
В сорок пятом убитый солдат.

Кто он был? Командир, рядовой ли?
Кем он был? Да ну мало ли кем!
Он для нас остается героем,
Пол-Европы поднявшим с колен.

Пусть о нем не написаны книжки,
Фотографии эти твердят:
Был на свете безусый мальчишка –
В сорок пятом убитый солдат.

Скрипнет дверь - и опять
встрепенется
Одинокая старая мать.
Может быть, он однажды вернется?
Будет вечно она его ждать.

На нее с фотографии старой
Он глядит, улыбаясь светлей...
Рядовые и комиссары
Рядом спят среди белых полей.

* * *

И вроде все как прежде:
И люди, и дома.
И в сказочной одежде
Уж близится зима.

А мне покоя нету
От мысли от одной:
Что больше на планете
Не слышен голос твой...

Екатерина Щенникова

Член литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Родилась 19 сентября 1981 года в Мурманской области. Детство прошло под низким северным небом, юность – на костромской земле (п. Зебялки, Шарьинский р-н). В 1998 году стала активно посещать литературную студию «Проба пера» в Шарьинском педагогическом колледже, к этому же времени относятся первые публикации в Шарьинской районной газете «Ветлужский край», в Костромской областной газете «Молодёжная линия». В 2001 году, окончив Шарьинский педагогический колледж, поступила в Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова на факультет «Журналистика». После окончания университета несколько лет работала редактором Шарьинской городской телекомпании

*Кольскому полуострову
посвящается...*

Каменная суровость севера –
родина моя малая.
Сопки горят осенью
рыжими и багровыми всполохами,
плачут ледниками вершины далекие.
Северное сияние
прозрачное,

высокое –
чудо привычное...
Шум водопада
грозно гудящей стеной
глушит.
Речки в порогах:
быстро течение,
ледяна вода.
Небо близкое,
ночи белые,
счастье детское
чистое
бьет,
как клочок,
в камнях старого русла...

* * *

Е. Поселянину посвящается

Волна за волной,
То холод, то зной,
и тихо-претихо:
«Не бойся»...
И сладостной, радостной тишиной:
«Не бойся –

Я с тобой».

Разрушен корабль,
плывет доска,
Безвольно слабеет рука,
Но слышно сквозь тцету житейских бурь,
Так тихо и властно:
«Спокоен будь.
Не бойся –
пристань близка!»
Волна за волной,
То холод, то зной,
и тихо-претихо:
«Не бойся»...
И сладостной, радостной тишиной:
«Не бойся – Я с тобой».

Ирина Манина

Один из создателей литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Родилась 21 марта 1983 года в пос. Поназырево Костромской области. Первые публикации стихов и прозы появились на страницах костромской областной газеты «Молодёжная линия». Живу в городе Шарья Костромской области. Работаю корреспондентом в районной газете «Ветлужский край». С 2010 года являюсь членом «Союза журналистов России», продолжаю писать стихи и рассказы. Являюсь участником шарьинского литературного объединения «Голос». Стихи и рассказы публиковались в различных газетах.

* * *

Вы не верьте поэту на слово.
Он украсить готов ни за грош,
Он, страдая, смеется счастливо,
Но с блаженного, что возьмешь?

Позаламывать руки сложно ли?
Но чернила в кровь обратить...
Это сможете? Если сможете,
То поймете, как больно любить...

Москва

1.

В перевернутых окнах гостиниц
Звездопад из зеркальных огней.
Переулков асфальтовый ситец,
Крепдешин выходных площадей.

К сарафану садов день приучен,
Ночь - к витринам стеклянных лекал.
Каждый образ подобран под случай,
Но покроя создавался века.

2.

Раствориться под чужими взглядами...
Это значит – стать одной из всех?
Серую, с фабричными фасадами,
С яркою рекламой вдоль шоссе?

Или, распахнувши двери затемно,
Маяком зажечь вокзал-фонарь,
Мотыльков манить мечтой украденной
На столичный блеск, как годы встарь?

Грубой быть, чужой, и быть понятною,
Раз билет счастливый на руках.
По ступеням вверх идти в попятную
Сквозь людей в седых пуховиках.

Сергей Белый

Один из создателей литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Родился в пос. Еленский Нейского района Костромской области. В 2003 году стал участником третьего форума молодых писателей России в Липках. Является членом Союза российских писателей. Несколько лет руководил нейской и шарьинской литературными студиями. В настоящее время преподаёт в педагогическом колледже. Публикации: газета «Молодёжная линия» (г.Кострома), литературный альманах «Литературная Кострома», поэтический сборник лито «Голос» «По зову слова» (г. Шарья), литературный журнал «Вокзал»(г. Санкт-Петербург) и др.

* * *

Я не знал сильнее на свете тяги –
от меня к тебе, как с земли к звезде,
но досталась доля с сумой бродяги,
кукушонком наглым в чужом гнезде.
Ветром по миру меня носило,
дождём исхлестывало до крови.
Только, милая, разве это сила,
разве это жила моей любви?
Без неё судьба пополам ломала,
до земли сгибала, на кострах жгла.
Но, родная, неба мне было мало,
если рядом не было твоего крыла.
Оттого и стучала в висках боль молотом,
в пожаре которой никак не согреться.
Видишь, как трудно добывать любви золото
на рудниках твоего сердца!
И металась снова, и рвалась наружу
запертая в клетке тоски душа,
понимая, если запрет нарушу,
то никто не примет подкидыша,
кроме той, чьим именем в сердце рану
нарекли и мечта, и бед прежних ком.
Но ведь я-то знаю, что в вечность кану
из твоих ладоней подснежником.

* * *

Я не знал, что мир может рухнуть вдруг
ни с того ни с сего, а просто так,
ведь та, кого раньше я звал, как друг,
вдруг стала больше, чем друг и враг

вместе взятые. «Сумасброд!» -
скажут те, кто таких не встречал людей,
ведь туда, куда всем был заказан вход,
я тебя впускаю – бери, владей!

Что тебе не понравится, бей, круши,
всех тебе неугодных гони взащей.
Стань Хозяйкой медной моей души,
чтоб она перестала рожать мышей.

Юля Лысова

Член литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Родилась 22 января 1997 года в городе Шарья Костромской области. В 2004 году поступила в школу № 21. Стихи писать начала в семилетнем возрасте, но серьезно занялась литературным творчеством только в 14. Её стихотворения неоднократно публиковались в школьной газете «Школьные окна -21», а также в газете «Ветлужский край» (г. Шарья Костромской области).

* * *

Когда, как Данко, я, вырвав сердце,
Шагаю сквозь неуютный лес.
Со светом - к людям,
Со светом - к краю,
С любовью к миру наперевес.
Я чувю, как, чтобы грудь заштопать,
Мне близкие люди свивают нить.

Тогда я вижу
И знаю прочно,
Куда
Светить.

Когда Икаром, забыв запреты,
Лечу навстречу седым волнам,
Земли и неба
Не различая.
Я слышу, с свистом напополам,
Любимых голос,
Зовущий к солнцу
И вверх подстегивающий,
Как плеть,
Тогда я верю,
Я знаю точно,
Куда лететь.

Когда, утратив от жизни радость,
Немой Психеей лечу со скал,
И верно чувствую, как Зефиры -
Любимых руки
Сквозь лютый шквал
Меня хватают,
Чтоб не упала,
Чтоб не разбилась
О жизнь - гранит.
Тогда я знаю,
Я вспоминаю,
Зачем мне
Быть.

Сергей Уткин

Член литературного объединения «Голос» (г. Шарья Костромской области). Родился 03.02.1987 в г.Шарья Костромской области. Там же окончил школу с серебряной медалью. Учился в Санкт-Петербурге в Балтийском государственном техническом университете «Военмех» имени Д.Ф. Устинова по специальности «ракетные транспортные системы». Участвовал в 10-ом Форуме молодых писателей в Липках. Является обладателем специального приза костромской молодёжной премии «Начало» (2009г.), приза зрительских симпатий литературно-музыкального фестиваля «Елагин остров — цветок в петлице Петербурга» (2012г.), финалистом Третьего молодёжного поэтического конкурса имени князя КР (второе место в номинации «Блистательный Петербург») (С-Пб, 2013г.).

Декабрь в сугробах. За сугробом – день.
В палате свет и боль немного тише,
И каплет физраствор в изгибы вен.
В анамнез врач меня всё пишет, пишет.
И новый день мне внутривенно льёт.
Даёт микстуру – ею я зеваю.
Он говорит родным моим: «Пройдёт!»
И я пройду. И я всё понимаю.

Играю в радость, бодрость, дескать, всё:
Мне много лучше, всем теперь спокоен.
В палату семь, увы, к нам не придёт
Мой Чехов: я его не удостоен.

* * *

Снова собой я сваяю смиренность.
Хочется скорчить героя лицом!
Катится жизнь метро остеклением
Окон вагона подземным гонцом.

Смотришь в окно беспокойное двери –
Катится тьма на дрожащем стекле.
Веря стеклу, отраженью не веришь –
Ищешь себя чуть притусшенный след.

Нет его! Вот я невидим, но чуждо
Нраву прожить, в мире не наследив, -
Нервный оскал, но ты помнишь,

что нужно
Корчить лицом, будто хочется жить...

* * *

Дайте Бога! Мне на пару слов!
Мне один вопрос ломает душу:
Сколько эра пишущих задов
На меня безмыслия обрушит?

Впрочем, Боже, слово - в молоко:
Я был о другом, я не об этом.
Если человеку душу в ком
Смять? Прожить, прожить его поэтом?

Бросить костью одного на лёд
В зимние клыки и в лета зубы?
Слушай, Боже, может, он пройдёт?
Слушай, Боже, может, я не буду?

Впрочем, а кому ты говоришь?
Бог во мне, и раны, и распятыя
Наших душ. Мир, скройся! Ты претишь
Этой грязью, разодетой в платья!

Ольга Моисеева

Родилась и живёт в Москве, окончила Московский Авиационный институт. Литературным творчеством занимается с 1997 г., пишет стихи и прозу. Печаталась в журналах «Если», РБЖ «Азимут», «Знание – сила», «Фантастика», «Уральский следопыт», «Шалтай-Болтай», «Очевидное и Невероятное», «Московский BAZAR»; сборниках «Звёзды ВнеЗемелья», составитель и редактор сборника современной поэзии и прозы «Московский Дом». Член Моссалита, редактор и корректор.

РТАКИ

Ветер мечется в густом переплетении ветвей, треплет листья, разбивая солнечные лучи на тысячи осколков. Я лежу на земле, и горячие пятнышки скользят по моему телу, вспыхивая золотом между тёмными полосами моей шубы. Медленно вожу по ней языком, оставляя влажные дорожки, пока весь мех не становится чистым и блестящим. Тогда я встаю и бесшумно иду сквозь лес. Ступаю осторожно, прислушиваясь и принимаясь, и вскоре чувствую: там, на поляне за кустами, есть то, что мне нужно. Ловлю ноздрями ветер, определяя его направление, а затем делаю широкую дугу, заходя к кустам с подветренной стороны. Тихо прижимаюсь лбом к ветвям, глядя в просвет между зарослями. Вот он – крепко стоит на коротких ногах, вспарывая клыками лесную подстилку, на массивной спине топорщится бурая упругая щетина. Расстояние до него – примерно шесть длин моего тела. Я могла бы покрыть их одним прыжком, но предпочитаю не riskовать и подобраться поближе, чтобы ударить сильно и наверняка.

Я почти растворяюсь в кустах, скользя беззвучной, смертельно опасной тенью. Шаг, другой, третий... Кабан перестаёт рыть землю, поднимает голову и замирает. Я прижимаюсь к траве, мышицы наливаются кровью, скапливая силу для броска, тело собирается в напряжённый комок. Толчок! Земля резко уходит вниз, и пружина моего тела распрямляется с убийственным ускорением. Кабан делает рывок к кустам, но поздно, слишком поздно! Я уже лечу вперёд и обрушиваюсь сверху, сбивая жертву с ног. Клыки пробивают кабанью шкуру, и мои челюсти с хрустом смыкаются на беззащитной шее...

Я просыпаюсь и тут же встречаюсь с пристальным жёлто-зелёным взглядом Ртаки. Такое ощущение, что она открыла глаза одновременно со мной. На какие-то доли секунды я словно возвращаюсь обратно в сон и, кажется, могу изогнуться и с ловкостью Ртаки мягко спрыгнуть с кровати...

Иллюзия быстро проходит, и всё, что остаётся, – чувство жара на щеках и стук крови. Он накачивает изнутри и шумит в ушах, как морской прибой.

– Ртаки! Иди ко мне!

Она встаёт с пола, неслышно подходит к кровати и кладет голову рядом со мной на подушку. Я закрываю глаза и зарываюсь лицом в тёплый мех. Я хочу снова очутиться в том сне, но не вижу ничего, кроме темноты. Под веками становится горячо и щекотно. Это слёзы.

– Доброе утро, родная!

Папа. Я отрываюсь от Ртаки, надеясь, что мои слёзы утонули в её шубе, и отец ничего не заметит. А если заметит, то сделает вид, что не видел. Он знает, как я ненавижу, когда успокаивают. Если я плачу, значит так надо, и в этот момент я вовсе не нуждаюсь в сострадании. Отец всё понимает правильно. И пусть даже он говорит со мной с преувеличенной бодростью и неестественным весельем, это всё равно лучше, чем с болью и жалостью. Спасибо ему за это. Я люблю тебя, папка.

– И я тебя, дочка! – улыбается он.

Оказывается, одну из мыслей я сказала вслух.

Отец подходит ко мне, и Ртаки быстро и бесшумно отступает в сторону, пропуская его к кровати. Он целует меня в щеку, я чувствую запах его любимого табака и одеколона.

– Принести тебе завтрак?

– Нет, пока не хочу. Пересаживай меня в коляску.

Папа берёт меня на руки, и я вдруг вижу, что ему тяжело. Он сильно сдал за последние годы, постарел... Непросто пережить, что твоя дочь – навсегда калека.

Я стала беспомощной четыре года назад, когда мне едва исполнилось двенадцать лет. В то время я встречалась с парнем, у которого был японский мотоцикл. Мы любили дороги, скорость и адреналин... Бешеную пляску огней на ночной трассе и холодную, сумасшедшую силу встречного ветра...

Банальная история с довольно предсказуемым финалом. Для меня всё закончилось на больничной койке. А для моего парня... всё просто закончилось.

Наверное, я тоже постарела. Не знаю. После аварии я перестала смотреть в зеркало.

Время за полночь, и все обитатели дома должны спать, но мои уши не обманешь: в самой дальней комнате слышатся приглушённые голоса. Отсюда я не могу разобрать отдельных слов, однако по тону понимаю: говорят о чём-то важном. Один голос принадлежит отцу, а другой – его подруге тётке Дине.

Тётя Дина – врач широкого профиля, доктор медицинских наук, и после аварии часто бывает в нашем доме. Кто-то, может, и поверит, что из-за меня, но только не я! Заботливый лечащий врач, ха! Как бы не так! Моя беспомощность ей только на руку – не надо искать повод постоянно быть рядом с моим отцом. Она давно и безнадежно в него влюблена, а он... спит с ней иногда, я знаю, хотя они и стараются скрыть свои отношения. А я в ответ делаю вид, что ничего не подозреваю. Пусть, раз им так хочется. Не понимаю только, зачем? Неужели они боятся, что я буду переживать из-за этой... дружбы, слегка приправленной сексом? Бедная тётя Дина! Такая учёная, а такая глупая! Думаешь, я буду ревновать? Рассчитываешь занять мамино место? Не выйдет! Отец не забыл маму, пусть даже прошло уже десять лет, как она умерла. Да хоть сто! Он никогда её не забудет, никогда!! Слышишь ты, Дина-льдина! Он терпит тебя только потому, что мужчине иногда нужна разрядка! Отец не предаст маму, поняла? И ты не сможешь отнять его у меня!!

Я вскакиваю, собирая ковёр в складку. Горло начинает вибрировать, и я едва удерживаю рвущийся наружу низкий рокочущий звук. Ноздри раздуваются, с силой втягивая воздух, уши прижимаются к голове. Мне с трудом удаётся совладать с собой и не нарушить тишину.

Пару минут спустя я успокаиваюсь и направляюсь к двери. Когти втянулись обратно, и мягкие лапы беззвучно мнут ковровый ворс. На лопатках играют лунные блики, и в призрачном свете ночи светлые полосы меха становятся серебряными, а тёмные наливаются густой, глубокой чернотой.

В коридоре пусто и темно, только в

конце видна тонкая яркая полоска света. Ещё пара шагов, и тихие голоса приобретают отчетливость.

– ...нет, мы не можем! Тигрица лечит её! – отец взволнован и еле сдерживается, чтобы не повысить голос.

– Её лечит не тигрица, а собственный мозг, – спокойно отвечает тётя Дина. – Он посылает сигналы в мышцы, заставляя их восстанавливаться. Да, Ртаки помогла твоей дочери избавиться от атрофии. Это прекрасно и воистину поразительно, но что дальше? Мы целый год наблюдаем её окрепшее тело, а она по-прежнему не может шевельнуть даже пальцем!

В комнате воцаряется молчание. Слышно, как отец достаёт сигарету и щёлкает зажигалкой. Воздух наполняется запахом горящего табака.

– Её мозг добился невероятного, но теперь он намертво застрял на достигнутом. Требуется дополнительный импульс! Мы должны освободить её сознание от химеры.

– Но это же будет для неё самым настоящим шоком! Ты хоть представляешь, как она будет тосковать?.. Я боюсь, что...

– Слышно, как потрескивает сигарета. Отец глубоко затягивается. – Вспомни, как она прокусила себе язык...

Эти слова тут же отдаются во рту медно-солёным вкусом горячей крови, и я снова чувствую, как лежу и жду, когда кровь наполнит рот и устремится в горло. Я вдыхаю, проталкивая её в лёгкие. Наружу рвутся булькающие хрипы. Только бы никто не услышал, только бы никто не пришёл! Я захлёбываюсь, перед глазами плывут радужные пятна. Но скоро всё кончится, осталось потерпеть совсем немного... просто подождать, пока наступит благословенная темнота...

Но темнота так и не наступила. Меня спасли. Я кричала, что не хочу жить. Я умоляла отпустить меня, но никто не слушал, никто не хотел понять, как это – быть похороненной заживо в гробу инвалидного кресла! За что?!!

Отец молчал и плакал. Настоящему. Больше никогда – ни раньше, ни потом – я не видела его слёз. Это было два года назад.

Постепенно отчаяние и ярость сцементировались в глухую стену: по одну сторону оказалась я – калека, а по другую – все остальные, у кого судьба не отняла шанса распорядиться ею по своему усмотрению.

Отец – единственный, кто сумел одолеть эту «стену».

Мысли прерывает голос тёти Дины.

– Решать тебе, – вздыхает она, – я не могу настаивать. Но...

– Давай больше не будем сегодня это обсуждать, – прерывает её отец, – я должен подумать.

– Хорошо. – Слышно, как шуршит платье тёти Дины. Она встаёт.

Вслед за ней поднимается и отец. Я отступаю назад по коридору, маскируясь темнотой.

Открываю глаза и, как всегда, встречаюсь взглядом с Ртаки. Будто две серебряные монетки висят передо мной во мраке. Тигрица стоит так близко, что я чувствую её тёплое дыхание.

– О чём они говорили, Ртаки? – шепчу я. – Что задумала Дина?

Тигрица вытягивает шею, и влажным теплом языка согревает мне щеку

и ухо. Колочие вибриссы щекоют мне нос и подбородок. Я беззвучно смеюсь, но мне не очень-то весело. Услышанный разговор продолжает крутиться в голове и не даёт покоя. «...Нет, мы не можем! Тигрица лечит её! ...Мы должны освободить её сознание от химеры... Это будет для неё самым настоящим шоком. Ты хоть представляешь, как она будет тосковать?» О чём это он? Господи, о чём?! Неужели они хотят отобрать у меня Ртаки? Нет, я не верю! Этого просто не может быть! Отец... он так любит меня, он не согласится! Да и какой в этом смысл?! Я не понимаю... я ничего не понимаю...

Почему я так волнуюсь, Ртаки? Ведь это был только сон?

Да, это был наш с тигрицей сон. За последний год я видела их уйму. Правда, действие этих снов неизменно разворачивалось в лесу и ни разу не происходило в нашем доме. Вот что странно. И почему-то пугает. Ртаки, что всё это значит?

Тигрица отходит от кровати и ложится на пол. Она хочет показать мне ещё один сон, и я послушно закрываю глаза.

Я просыпаюсь и вдруг чувствую – во рту что-то есть... Пф-ф!! Перья! Птичьи перья!! Я выплёвываю их на подушку и с изумлением узнаю пёстрый рисунок. Утка!

Сегодня во сне я переплывала реку. Тугие струи обнимали тело, и прохладные ладони воды гладили густой мех, даря ему чистоту и шелковистость.

Скрытая кустами дикой смородины, я долго шла вдоль берега, пока не учуяла уток.

Мягкая крадущаяся поступь, мощь прыжка, брызги воды, крики птиц, поверженная добыча у ног и мой протяжный гортанный стон с характерным «уу-уу-уунг» в финале... Я рычу, и песня силы доносится до всех уголков леса, заставляя его обитателей цепенеть от страха, признавая моё превосходство.

Потом я легла и принялась ошипывать утку. Я выдергивала перья зубами – аккуратно, не повреждая кожу...

Но ведь это было во сне? Откуда же здесь, наяву, у меня во рту взялись эти перья? Такого раньше никогда не было!

– Ртаки?

Ухо тигрицы мгновенно поворачивается в мою сторону, она щурит глаза, и вибриссы расходятся в стороны, словно Ртаки мне улыбается.

Дверь распахивается и в комнату входит отец с пожеланием доброго утра. Удивительно, откуда он всегда знает, что я уже проснулась?

– Как спалось, маленькая?

– Хорошо, папа! – я хочу спросить его о ночном разговоре с тётей Диной, но отчего-то не могу решиться.

– А это ещё что такое? – он поднимает брови, глядя на перья, разбросанные по моей подушке.

Ртаки, всё так же «улыбаясь», подходит к приоткрытому окну и останавливается, пристально глядя мне в глаза.

– Э-э-э... это Ртаки, – говорю я, не в силах отвести взгляд от чёрных полосок тигриных зрачков. Яркий свет из окна сделал их тонкими и острыми, как лезвия кинжалов.

– То есть? – отец непонимающе хмурится.

– Окно... В окно влетела птица... – отвечаю я, а сама всё смотрю на тигрицу,

Московский Салон Литераторов

и на миг мне кажется, она согласно кивает. — Ртаки её поймала... и съела. Вот. Только перья остались, — я делаю глубокий вдох и добавляю: — Все кошки так делают.

Отец молчит, а взгляд его становится таким странным, словно из него исчезли все мысли и передо мной — пустая оболочка, а сам отец ушёл куда-то далеко-далеко. Ртаки вдруг быстро подходит к кровати, и я вижу у неё на подбородке пёстрое пёрышко. Как же это я не заметила его раньше?

— Вот, смотри, у Ртаки на морде перо осталось!

Но вместо того, чтобы взглянуть на тигрицу, отец опускает глаза и поворачивается ко мне спиной.

— Я сейчас вернусь, детка! — говорит он и быстро выходит из комнаты.

Я в растерянности смотрю ему вслед. Он догадался, что я вру, конечно, догадался! Но как я могла рассказать ему правду? «Папа, эти перья я принесла из сна, когда была там тигрицей и загрызла утку...» Бред! Что он обо мне подумает?! Известно, что! А тётя Дина скажет: «Да, тяжёлая травма головы не прошла для неё даром».

Мне вдруг становится страшно.

— ...Что ты так распахивался? Наверняка этому есть какое-нибудь рациональное объяснение! — слышу я раздраженный женский голос.

Я сижу в саду, неподвижная, как манекен. Обычное моё состояние. Впрочем, нет, не совсем обычное. С некоторых пор мой слух стал настолько чутким, что я отлично слышу папу и тётю Дину, хотя они находятся в дальней части дома, за закрытыми дверями. Ртаки лежит рядом, временами постукивая кончиком хвоста по полу. Я сижу в беседке, а моя инвалидная коляска стоит на дорожке. Хорошая коляска, управляется дыханием. Я дую в трубочку — и коляска едет, здорово!

Но я попросила отца посадить меня на скамью в беседку, поближе к сочной зелени хмеля. Его стебли плотно обвили шпалеры, и молодые побеги заглядывают внутрь беседки, заигрывая со всеми, кто присел на скамейку.

Теперь до коляски мне никак не добраться самостоятельно, и папа уверен, что я не подъеду к его комнате и не услышу, о чём говорят они с тётей Диной. Он не знает, что мне не надо куда-то подъезжать. Я всё слышу и так.

— Возможно, их просто принесло ветром, — продолжает тётя Дина.

— Нет, окно не так расположено, и створка была приоткрыта в противоположную от кровати сторону! — говорит отец.

— Послушай, — голос тёти Дины становится почти спокойным, — подумай сам, в чём ты пытаешься меня убедить? Что перья действительно принесла тигрица? О, дорогой, ради Бога! Опомнись. Твоя дочь больна. У неё очень серьёзные проблемы с психикой. А ты, вместо того чтобы предоставить ей соответствующее лечение, вот уже целый год поощряешь постоянное расстройство её восприятия, делая вид, что Ртаки действительно существует...

Её голос вдруг делается гулким, словно она говорит в железное ведро. Я чувствую, как мою голову стягивает тугой обруч, и слова тёти Дины начинают двоиться и троиться, смешиваясь с собственным эхом.

— Что она говорит, Ртаки? Что она говорит? — шепчу я тигрице, пытаясь превозмочь нарастающую головную боль и собрать воедино то, что слышу. Но слова разбегаются, и я успеваю поймать только обрывки.

— ...Ей так легче... она лучше выглядит... единственная радость...

— Станет неадекватной под воздействием бреда... тигрица должна навсегда исчезнуть...

«Навсегда исчезнуть», «навсегда исчезнуть!» «Тигрица должна навсегда

исчезнуть» — слова бесконечно повторяются в голове, словно там пустая пещера и они перекрёстным эхом мечутся от стены к стене в поисках выхода. Я сжимаю веки, плотно, как только могу, пытаюсь остановить боль, но она бьётся в висках, заставляя стены «пещеры» пульсировать. Сильнее, ещё сильнее, и... взрыв! Сознание внезапно озаряет яркая вспышка ужасающего понимания. Я широко распахиваю веки.

— Они хотят убить тебя, Ртаки!

Тигрица поднимает голову и смотрит на меня чуть раскосыми жёлто-зелёными глазами. Тонкий луч солнца пробивается сквозь переплетение листьев и золотит короткие волоски на покатых верхушках её ушей. Она знает, о чём я говорю, но в её глазах нет страха, а только спокойное осознание факта.

— Вставай, Ртаки! Тебе нужно уходить. — Я с трудом проглатываю распирающий горло комок. В груди разливается холод, и сердце бьётся всё быстрее, пытаюсь согреться. — Нам придётся расстаться. Иначе они тебя уничтожат!

Ртаки встаёт и подходит ко мне. Поставив передние лапы на скамейку, она вытягивает шею и нежно проводит по моей щеке тёплым розовым языком.

— Прощай, Ртаки, — губы мои дрожат, едва выговаривая слова.

Я целую тигрицу в нос. Ртаки шурится, щечка упругими вибрирующими бровей моё лицо. Я слышу, как в доме открывается дверь. Тигрица тоже слышит. Она отходит от меня и останавливается в дверном проёме беседки.

Плитки дорожки шуршат под ногами. Сначала тихо, потом всё громче и громче. И вот уже шаги гремят оглушительно, словно выстрелы.

— Боже мой, Ртаки, беги! Беги!! — Слёзы заливают глаза, мир расплывается, и тигрица превращается в размытую непонятного цвета тень. — Скорей же!

Я закрываю глаза и вижу, как бегу вместе с ней к забору. Ты перепрыгнешь его! Ты можешь! Я знаю, какая ты сильная, и как ты умеешь прыгать. Я помню! Я всё помню! Каждое движение каждой мышцы... Вот уже зелёные доски проглядывают сквозь кусты боярышника. Больше скорости! Раз! два! три!! Пошла!!

Толчок! Земля резко уходит вниз, тугая, до предела сжатая пружина распрямляется, и тело летит вперёд! Наше с тобой тело...

Одетые в тёмное силуэты коротко обнимают отца, немногословно прощаются и исчезают в чревах машин. Вскоре все они разбегаются, и отец остаётся один.

Вчера мне снилось, как он гуляет со мной в саду. Он катил инвалидную коляску по дорожке, и по моим застывшим коленям скользили быстрые тени, снова и снова напоминая о движении — таком естественном и в то же время таком для меня недоступном.

Я проснулась с влажными глазами и сухостью во рту. Поднялась, направилась к реке и долго пила прохладную воду, перемешанную с лунными бликами. В их тихом плеске мне чудились шаги отца, и в шёпоте ветра высоко над головой я слышала его голос.

Ты звал меня, папа, и я пришла.

Густые ветви бузины качаются перед глазами, то и дело скрывая фигуру отца. Он стоит так долго и неподвижно, что кажется ещё одним деревом на краю дороги. Сейчас, папа, сейчас... Дай мне ещё чуть-чуть времени.

Из дома выходит тётя Дина и медленно приближается к отцу. Я замираю, досадуя на себя за то, что упустила момент. Тётя Дина подходит к отцу сзади и обнимает его за плечи.

— Уже поздно, — тихо говорит она ему на ухо. — Пойдём, я приготовила тебе горячий чай со смородиной и мятой. Он поможет уснуть.

— Ты иди, Дина, — отвечает отец. — Я потом. Хочу побыть тут ещё немного.

Он внезапно поворачивается в мою сторону и пристально смотрит на кусты бузины.

— Я постою с тобой, — тётя Дина принимает руки и становится сбоку от отца.

Его поза сразу делается напряжённой и через пару минут он говорит:

— Ладно, пойдём в дом.

Они поворачиваются ко мне спиной, и тётя Дина с преувеличенной осторожностью берёт отца под руку и так заботливо ведёт его к дому, будто он — тяжело больной. Спустя некоторое время я слышу, как они медленно идут по длинному пандусу, ведущему к входной двери.

Сквозь тонкие занавески видно, как в комнате движутся две тени. Я наблюдаю за ними в ожидании, когда погаснет свет. Наконец, дом погружается в темноту, и я выхожу из своего укрытия.

В саду тихо и до сих пор ещё витает лёгкий запах еды, напитков и людей, приходивших сегодня к отцу. Я медленно иду вдоль восточной стены нашего дома, направляясь к окну своей комнаты. Отчего-то я уверена, что отец оставил его открытым. Так и есть! Я легко вспрыгиваю на подоконник и замираю, глядя на своё инвалидное кресло. На чёрном кожаном сидении лежит мягкая игрушка — рыжий тигрёнок с изумрудными бусинами пластмассовых глаз.

Эта игрушка — подарок мамы. Мне тогда было лет шесть, и я помню, как бежала ей навстречу, а она держала в руках этого тигрёнка.

Мама вручила мне игрушку и сказала, что это уссурийский тигр.

Потом, укладывая меня спать, она рассказала, как выступала на большом собрании людей, которые заботятся о дикой природе, и объясняла им, что нужно делать, чтобы сохранить уссурийских тигров — замечательных, сильных и красивых животных...

Тигрёнок сразу стал моей любимой игрушкой и, засыпая, я всегда прижимала его к себе. Потом я выросла, и тигрёнок переселился на полку возле моей кровати...

Это отец снял игрушку с полки и посадил на инвалидное кресло. Он ждёт меня.

Я спрыгиваю с подоконника, беззвучно пересекаю комнату, выхожу в холл и направляюсь к короткому коридору, ведущему в спальню отца. В холле висит зеркало, закрытое тёмной тканью. Когда я прохожу мимо, ткань неожиданно падает на пол, и впервые за долгое время я с удовольствием поворачиваюсь к зеркалу. Мне нравится моё отражение.

Дверь в спальню приоткрыта. Я проskalзываю внутрь и останавливаюсь напротив отца. Лёгкий ветерок колышет занавески, и по лицу отца бегут едва заметные в слабом свете звёзд тени.

Он открывает глаза и резко садится на постели. Даже в темноте видно, как побелело его лицо, а губы кажутся фиолетовыми. Здравствуй, папа.

Мы оба застываем в полной неподвижности и не отрываясь смотрим друг другу в глаза. Время останавливается, и всё вокруг исчезает, растворяясь во мраке. Остаются только наши слившиеся воедино взгляды. Постепенно его лицо расслабляется, и к нему медленно возвращаются краски. Всё хорошо, папа. Ты знал, что я приду, правда?

Отец тихо встаёт с постели, подходит и опускается рядом со мной на колени. Он обнимает меня и прижимается лбом к моей шее. Да, родная, всё хорошо. Мы снова вместе. Я чувствую, как его дыхание входит в унисон с моим, а кровь начинает пульсировать в такт ударам моего сердца. Добро пожаловать в мой мир, папа...

Тишину внезапно разрывает истошный женский визг. Время вновь трогается с места, и визг тут же заглушается тигриним гортанным стоном. Протяжное «уу-уу-уунг» уносится далеко за пределы сада.

Андрей Парошин

Поэт. Активную творческую деятельность начал в 2003 г. Стихи в экспериментальных жанрах, юмор, лирики, стихи для детей. В 2011 г. вышла книга стихов «Небылицы». Член Международного Союза писателей «Новый Современник» и Московского Салона Литераторов.

ПЕСНЯ КОЛОБКА

**Румянся, улыбайся и молчи, —
Такой судьбы с рождения не хотел я.
Твердят, что тесту место у печи,
Но пусть так поступают куличи,
Батоны, кулебяки, калачи
И все хлебопекарные изделия!**

**Пусть дальняя дорога впереди
Мне не светит,
Волною кислородною в груди
Свежий ветер.
Лечу по перелескам и лесам,
Сдёрнув маски:
Впервые за себя решаю сам,
Без подсказки.**

**Я знаю все их козни наперёд,
Вот из кустов мне кто-то скалит зубы.
Не жду от провидения щедрот:
Здесь дико несговорчивый народ.
Вот делаю последний поворот:
— Я презираю вас, колобколобы!**

**Плевать, что все усилия мои
Пали втуне:
Недаром замолчали соловьи
Накануне.
Блаженство думать, чувствовать и жить
Не по моде.
Тысячекрат прекраснее любить
На свободе!**

**Мне, по большому счёту, всё равно,
И я готов на раны и увечья.
Ведь жизнь и гибель часто заодно!
Я выпрыгнул в открытое окно,
Наперекор всему, что суждено,
Чтобы хоть час прожить по-человечьи.**

ШПИОНЫ

**За стволом большого клёна
С младшим братом мы сидим.
Мы со Стасиком шпионы,
Мы за бабушкой следим.**

**В Центр мы доложим точно:
С кем, откуда и куда.
Вот она зашла на почту
(Шифрограмму передать).**

**Рис купила в магазине
(Чтобы прятать кобур),
Поболтала с тётей Зиной,
Спецагентом ЦРУ.**

**Вот они у дома вместе
Стали зонтики сушить.
(Бомбу бабушка в подъезде
Собиралась заложить).
На скамеечку присела
(Надевать противогаз).
Оглянувшись между делом,
Вдруг она узнала нас.**

**Провалилась явка наша,
Значит, надо выходить.
Мы теперь за дедом Сашей
Будем вечером следить!**

БОГОМАЗ

Холодно. Тянет январской стылостью от окна подмосковной электрички. Я всегда сажусь у окна. Прислоняюсь к стене и дремлю. Пятьдесят четыре минуты пути из Софрино до Москвы – это время для сна. Стук колес, разговор пассажиров – сливаются в монотонный густой вязкий звук, в котором тонет сознание, всплывая ненадолго на остановках, когда ворвется чахоточным вздохом шум открывающихся дверей, закашляет объявление из динамиков. Рано еще выныривать на поверхность. Улягутся эти волны. И я опять опускаюсь на глубину.

Холодно. Сегодня никак не удастся забыться. Натягиваю капюшон, поворачиваю голову, чтобы можно было уткнуться носом в его меховую подкладку. Так лучше... А теперь – спать...

–...Бог в помощь! – окликаю мужика в худом армяке, катящего деревянную тележку с кирпичами.

– Спаси, Господи! – мужик останавливается, неторопливо вытирает пот, смотрит испытующе.

– Подскажи, сделай милость! У вас тут храм расписывает какой-то грек, Феофаном кличут. Где мне найти его?

– Фофана-то? В храме и ищи, где ж еще.

Ухмыльнулся мужик, подхватил тачку, продолжил свой путь. Я увязался за ним, догадавшись, что идти нам одной дорогой.

– А какой он? Строгий? – пристаю с расспросами.

– Фофан-то? К-кому как. Мастеровых уважает, а коли дурака валяешь – выгонит взашей. А почто он тебе?

– Поп наш, батюшка, отправил к нему учиться. Говорит, Спасителя, Богородицу, святых на иконах изобразить надобно. А как? Птички, цветы, лошади у меня здорово получаются. Все так говорят. А вот лики святые... Как к ним подступиться?

Я тараторил без умолку, радуясь, что могу излить кому-то свои сомнения, муки душевные. Мужик не перебивал, лишь посмеивался во всклоченную бороду. А я ему рассказывал и рассказывал. И про село наше, что раскинулось на высоком берегу реки, и про друзей своих, и про церковь, куда ходил грамоте учиться. И про батюшку, который увидел как-то мои рисунки, позвал в церковь, когда там никого не было, подвел к алтарю. Смотри, говорит, как у нас мало икон. Коли у кого потребность возникнет молитву какому святому сотворить, как он сможет представить того, к кому обращается? А потом он список мне дал, какие иконы надобны, котомку снарядил, чтобы в дороге было, что поесть: хлеб, сало, яйца. И сюда направил.

Так и подошли мы к храму, недавно отстроенному из красного кирпича, еще не побеленному снаружи. Внутри стояли сколоченные из досок леса, высокие, чтобы можно было до самого свода дотянуться. Много людей на них копошились, где-то штукатурили, где-то малевали небеса и облака по свежей штукатурке. Кое-где на уже нарисованном фоне проглядывали контуры людей в длинных одеяниях, как я догадался, святых.

– Вот это да-а! – удивленно протянул я. – На своде иконы!

– Это не иконы, это фрески, – услышал я за спиной чей-то голос, необычный голос, с какими-то чужими, нерусскими нотками.

Я обернулся. Передо мной стоял высокий мужчина с длинной бородой клином, в черном балахоне, кое-где измазанном краской. Глядел неодобрительно.

– Что тебе здесь нужно?

– Феофана ищу, – робко ответил я.

– Зачем?

Внезапно я понял, что это он самый передо мной и стоит. Потому, что чувствовал он себя здесь хозяином, по силе внутренней, исходившей от него, по слову его странному. Бросился к нему, заговорил горячо, понимая, что другой возможности может и не представиться.

– Возьми меня к себе учеником!

Мне надобно научиться иконы писать. Позарез надобно!

Пристально посмотрел на меня Феофан, кольнул взглядом.

– Андрейка! – подозвал к себе одного из помощников. – Отведи его в избу, задай копию иконы Спасителя сделать.

В избе тепло, вдоль окон крепкие широкие столы, за ними юноши сидят, перерисовывают образы, стараются. Андрейка отводит мне место, ставит передо мной икону, раскладывает кисти, краски, загрунтованную доску.

– Как краски делать да грунт накладывать, я тебя потом научу. А сейчас сосредоточься на образе, больше ни о чем не думай. Феофан всем сначала Спасителя назначает, он в каждой церкви должен быть. Надобно, чтобы получилось похоже. Запоминай лики, положение рук, головы. У каждого святого есть свой канон, иначе как прихожанин узнает его. Помощи не проси, сам старайся.

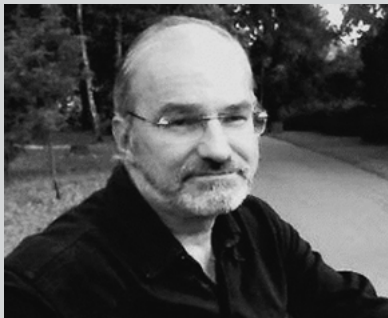
Корплю, стараюсь, выписываю одежды, руки. Это я умею. Лицо оставляю на потом. Всматриваюсь пристально в глаза. Они завораживают, утягивают в глубь бездонную, божественную. Как же долго я заканчиваю образ! Наругают, как пить дать наругают!

Замечаю, что сзади стоит Феофан, пугаюсь, вскакиваю. Он кладет руку на плечо, усаживает.

– Ты прав, отрок. Глаза – это самое главное. Люди приходят к святым в самые важные моменты жизни, в горе, в радости, в раздумье о пути своем. Они должны полностью доверять тому, к кому обращаются. И крепко запомни: чтобы написать Бога, надо самому быть немного богом, – помолчал, пристально глядя на меня. – У тебя получится, богомаз...

...Холодно. Просыпаюсь, чтобы усесться поудобнее. Мне часто снятся сны про древнюю Русь, вижу в них храмы, мастеров-иконописцев. Кажется, я был там много лет назад, в своей прежней жизни. Я был одним из них. И все прошедшие с тех пор века писать лики святых – моя стезя, моя судьба, мое призвание. Потому и пошел работать в Софрино, в мастерские, которые называются «Художественно-производственное предприятие Русской Православной Церкви». И пусть зарплата маленькая, и добираться далеко, но я себе не представляю другой жизни. Моя работа – это данность, это дар, это то, что приходит свыше и чего нельзя изменить. А значит, надо принять и любить.

Там, в Софрино, огромное производство, цеха, где создают различную церковную утварь, своя торговая сеть, план, маркетинг и все такое прочее. А как иначе, если продукция расходится по всей России, для всех храмов и всех верующих. Народ в штате простой, в

Всеволод Круж

Родился 11 марта 1959 года в Москве. Окончил МИИТ по специальности «Автоматика и телемеханика». Трудился в разных сферах: от рабочего до директора фирмы. В настоящее время – ведущий редактор в отраслевом журнале. Лауреат и член жюри многих сетевых литературных конкурсов, призер конкурса «Золотое перо Руси», член Международного союза писателей «Новый современник», Московского Салона Литераторов, автор-участник проекта «Московский Дом» – современная поэзия и проза. Печатается в литературных журналах и альманахах.

основном из деревенских. А где еще они найдут работу? Штампуют продукцию, как по лекалам, гонят план. Удивляются: что, мол, я в Москве работу себе найти не мог, где бы хорошую зарплату платили? Не мог... Отшучиваюсь или молча улыбаюсь. Наверное, глупо выгляжу. Плевать! Я привык к насмешкам...

...Мне неинтересна математика. Поэтому я и сел на последнюю парту. Учительница пишет что-то на доске, объясняет. Но ее голос тонет в гуле, который устроили двоечники, сидящие рядом со мной. Я представляю, что доска – это ночное небо, а написанные мелом буквы и цифры – звезды. Бескрайний, непостижимый космос. А учительница, она, как бог, – стирает мокрой тряпкой звезды, берет мел и запросто так создает новые.

– Богомазов, иди к доске.

Стартую в космос на своем старом раздолбанном звездолете.

– Как ты решишь эту задачу?

Молчу. Что я могу сказать Богу?

Возвращаюсь с очередной двойкой.

Сосед-второгодник толкает меня в бок.

– Слышь, Богомаз, нарисуй училку!

Рисунками я выкупаю у них свободу. Они не трогают меня, воспринимают как предмет, не мешающий, но иногда способный позабавить. Портрет получается похожим на икону.

– Зырь, Серый, училка-богомать!

– Какая мать?

Ржут. Они еще не понимают. Еще не пришло время...

...Холодно. Это не только зимний холод. Я чувствую холод в душах людских. Их бесчувственность, злоба, гордыня выхолаживают меня изнутри. Как их согреть?..

Сквозь полуприкрытые веки вижу сидящую напротив женщину, еще не старую, в сером пальтишке с меховым воротником, серый пуховой платок на голове. К груди прижимает сверток. Она замечает мой взгляд.

– Ты прости меня, мил человек, не откажи, выслушай. Я сюда, в Софрино, почитаю, тыщу верст ехала.

Молчу, смотрю на нее. По всему видно, что выговориться ей надо, душу свою излить. Перед незнакомым человеком это сделать проще.

– Беда у меня приключилась. Прошлым летом мужа похоронила, царство ему небесное, а недавно сын на машине разбился. Одна я осталась, внуков бог не дал.

Слезы по щекам текут, но не прерывает свой рассказ. И про то, говорит, что руки на себя чуть не наложила, и про то, как увидела в церковной лавке икону Спасителя, глаз не могла оторвать от нее, купила, на полочку в красном углу поставила.

– К жизни меня этот образ вернул, и захотела я иконописца того найти, спасибо от всего сердца сказать. Бирка-то есть, что в Софрино изготовлено, а кто автор, неизвестно.

Она развернула прижатый к груди сверток. Я сразу узнал ее... Это была та самая икона...

...Лик не удавался. Казалось бы, уже десятки раз пишешь, как под копирку,

одно и то же. Но нет, каждый раз Спаситель получается другим. Он как будто живет своей жизнью, а я лишь выхватываю Его портрет, освещенный на секунду, как фотовспышкой, в моем сознании. А сейчас как будто сбой какой произошел – не могу представить Его глаза. Мучаюсь, перекладываю бесцельно кисти с места на место. Подходит сотрудница Валька, веселая шустрая деваха.

– Хорош дурью маяться, пойдем покурим.

– Ты же знаешь, я не курю.

– А это неважно, разговор есть.

Может, она и права, надо немного отвлечься.

– Ты так ничего не заработаешь, сидишь, плялишься в образец, будто первый раз видишь. Время теряешь, а значит, и деньги.

Я молчу. Как объяснить ей, что по-другому не могу. Валька глубоко затягивается, смотрит на меня внимательно.

– Халтурка есть для тебя. Есть у нас в деревне тетя Даша такая, напиши для нее Богородицу. Я тебя сведу с ней после работы, а ты там уж сам договаривайся.

– А что сама не напишешь? Или вон в лавке пусть купит.

Валька улыбается.

– Это не простая тетка, я ей по гроб жизни обязана. Вот и обещала ей лучшего мастера.

Я написал икону этой тете Даше, видел ее посветлевшее лицо, денег не взял. Только время от времени Валька приносила от нее посылки, от них не отказывался.

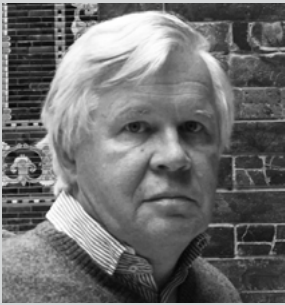
А тогда, вернувшись с перекура, я попросил Вальку дать мне зеркало. Зачем, удивилась она, но, порывшись в сумочке, протянула маленькое круглое зеркальце. Глядя в свои глаза, я дописал Спасителя...

...И вот теперь я узнал эту икону. Мы не ставим свои подписи, найти по работе иконописца практически невозможно. Моя соседка по вагону зря ехала.

– Спасибо, что выслушал, мил человек. Извини, что побеспокоила. Но есть в тебе что-то... от образа вот этого. Не знаю что, может, глаза. Я и дома вот так же, смотрю на Него, рассказываю о жизни своей, и, кажется, Он все понимает. Только молчит... так же, как ты. Я много думала о том, кто написал этот образ. Ведь как оно было – смотрела я в церковной лавке на иконки, что в ряд стояли, видела, что святые на них, имена этих святых подписаны, чтобы понятно было, кто есть кто. А не трогают душу, прости, Господи! И вдруг... как утонула в этих глазах. И скорбь, и понимание, и прощение. Как в вечность заглянула. И надежду нашла. Выходит, спас меня этот Спаситель. Вот ведь как...

Улыбнулась светло, вздохнула. Прибрала свое сокровище в тряпицы, аккуратно расправляя складки. Задумалась о чем-то своем. И тихо, одним дыханием, произнесла:

– Наверное, чтобы так написать Бога, надо самому быть немножко богом...

Никита Брагин

1956 г. р., москвич, доктор геолого-минералогических наук, член Союза писателей России. Печатался в журналах «Российский колокол», «Лит-э-Лит», «Природа и свет» (Москва), «Чайка» (Балтимор, США). Победитель литературных конкурсов: «Серебро слова – 2008», «Вся королевская рать – 2008», «Сонет – 2010 (памяти В.Резниченко)», «Лирика Боспора – 2011», «Пишущая Украина – 2011», Межрегионального конкурса к 190-летию Н.А. Некрасова. Автор-участник Московского Салона Литераторов.

МИРЫ ОГРОМНЫХ ЗВЕЗД ПЕТУШОК

Петушок, петушок, золотой гребешок,
что тобой в это утро воспето?
Может, неба цветок, может, меда глоток?
Или радость любви, голосистый дружок,
возвещаешь в минуту рассвета?

Кто-то в небо летит, кто-то ищет покой,
кто-то делится светом и словом,

но не видят они, как за дальней рекой
облака набухают небесной тоской
воспаленно и дымно-багрово.

Там в огонь превращаются струи вина,
и шумят проливными дождями
из горящей смолы, и грохочет война,
и кровавая чаша до края полна,
и ладони пробиты гвоздями...

Только ты все поешь,
все куражишься ты
на скаку у тевтонской границы!
Или сердце твое прикрывают кресты,
или пули боятся лихой красоты,
облетая тебя, словно птицы?

Не тебе умирать у Мазурских болот,
как ни бей пулемет из фольварка,
и ни хворь, ни увечье тебя не берет,
и в разливе реки открывается брод,
а в стене – триумфальная арка...

А в России, на месте расстрельного рва
(что предсказан твоими стихами)
лебедя, одуванчики и мурава,
а над ними плывет и плывет синева,
провожая века за веками...

АФРИКА

Крикнул из последних сил
исполинский слон,
словно ангел вострубил о конце времен...
Три ствола, двенадцать ран, алая заря...
Колыхнулся океан, дрогнула земля.

И закатные лучи хлынули в потир,
закатили палачи абиссинский пир,
оставляя за собой прокаженный тлен,
чередую пьяный вой с хохотом гиен.

Красоту прожечь дотла серостью свинца,
обрубить крыло орла, удавить певца,
осквернить разливы рек,
хлебом сделать храм –
научил двадцатый век дьявольским делам.
Мы не льем горячих слез, покидая дом,
мы не видим больше звезд
в небе городском,
нас уже не поразят символы времен,
мы забыли, кем был взят гордый Илион!

Где же дивный мир стиха, на какой земле?
Это песня петуха в предрассветной мгле,
зарезо весенних гроз в кружевах ветвей
и огни огромных звезд Африки твоей!
Купол неба голубой,
как Сикстинский свод,
оглушительный прибой океанских вод!
Негасимый Божий свет счастья и добра,
совершенный, как сонет Дантова пера.

СНЕЖНЫЙ НОКТЮРН

Как много ночь крадет у старика!
Спешит и спотыкается строка,
мечты летят, ее не дожидаясь,
и, расстилая саван для стиха,
поземка веет, призрачно тиха,
холодная и ведьмовски седая.

Скрещением Чукотки с Колымой,
что издавна рифмуется с тюрьмой,
рождаются пласты сухого снега.

Диана Бран NEVERMORE

В пространстве и времени,
в пространстве и времени
не совпадём мы, не упадём мы
лицом к лицу
на траву:
такова действительность.
Чуждого племени,
разного семени -
мы не построим общего дома:
спасибо Творцу
за такую
предусмотрительность.

Ты тенью из прошлого,
неслышную кошкою
в сон мой прокрался - да и остался,
в тёмном углу
затайся,
никем не замеченный...
Бедой и потерями
я жизнь свою меряю.
Живу на ветру, не верю добру,
не кланяюсь злу:
удивляться, должно быть,
нечему.

Что ж делать нам, милый мой?..
Веками, не милями
разъединившее с будущим бывшее,
как пропасть, как рок,
безнадёжное
расстояние,
снам и жизням назло
между нами легло.
Так мало ты жил... старинных
чернил
и выцветших строк
непонятное
обаяние.

P.S.
Как-то. зимней ночью длинной,
том попался мне старинный -
о легендах и сраженьях,
о победах, поражениях...
И возникло вдруг само:
“Nevermore”.

Хоть в тайгу беги, ей-богу...
будто то - моё: тревоги,
счастье, дружба и вражда...
Будто я живу - тогда.
До сих пор мне книга снится
и портреты на страницах.
И горит огнём клеймо:
“Nevermore”.

Они хоронят побледневший юг,
и тонут острова Антильских дуг,
и тучи разрываются с разбега!

Мучительно вползают ледники
на города, и страшно далеки
заливы угасающей Эллады,
Леванта помертвевшие моря,
и догорает черная заря
в заиндевших колоннадах...

Как горько истощение Земли,
чьи ландыши и лотосы в пыли,
чье будущее, стертое забвеньем,
лежит, как бесконечный белый лист,
и осыпаются под вой и свист
веков и стран ржавеющие звенья...

А ночь идет, и плещут волны снов,
и поднимают паруса стихов
несовременной юности фрегаты, –
наш бедный мир услышан и прошен,
и океан души пересечен
судьбой поэта, странника, солдата.

И удивись, как они просты,
мелодии любви и красоты,
почти забытые в бумажном вздоре...
Молчи, душа, и горе не пророчь!
Как много подарила эта ночь,
седая, словно раненое море...

Миры огромных звезд и снежных гор
переполняют сердце, словно хор
стихий и ангелов небес и тверди.
Тебя он слышит, и тебе поет,
и музыка свершает свой полет
быстрее сна
и выше смерти.

Софья Ролдугина ОЦИНКОВАННЫЙ РОМАНТИК

Только ветреной юности видится
жизнь экологой,
Но попробуй взгляды в неё изнутри:
Здесь подлец подлеца привыкает
судить нестрого,
Здесь в почёте - повеса и сибарит.
В наши дни даже сердцу
положено быть с пороком,
А о людях и нечего говорить.

Гимны лжи, точно мёд,
шёпот истины тих, невнятен.
Нынче нравственность - устарелая нудь.
Дрессируй свою честь угождать
и молчать, приятель,
Чередуя умело калач и кнут.
Если солнце порой не чурается
тёмных пятен -
Совесть вовсе и не за что упрекнуть.

Постоянство - мираж,
энтропия царит в Эдеме,
Вот цветок - распустился,
увял, зачах...

Если не суждено
в этом хаосе превращений
Нежной розе мечты расцвести у ключа -
Остаётся скрыть её,
льдом сковать совершенным
И с сиянием северным обвенчать.

Ольга Хворост ПЕРВЫЙ БАЛ НАТАШИ

Она творила, стоя у трельяжа,
В мейк-ап мазками вкладывая душу,
Немыслимой манерой макияжа
Бессмертные традиции порушив.

И было в этом отраженье века
Всё лучшее, чем славится культура:
Гротеск Моне, экспрессия Лотрека
И фанатизм таджика-штукатура.

Возникший симбиоз сюрреализма
И боевой раскраски ирокезов,
Добит был для раскрытия харизмы
Поэтикой пупочного железа.

Толстой рыдал Тургеневу в рубашку
С инфарктом Пушкин пал в библиотеке -
Впервые восьмиклассница Наташка
Готовилась блистать на дискотеке.

Воздушные замки

На конкурсной площадке Поэтический Куб, располагающейся на крупнейшем литературном портале Рунета, сайте Самиздат при библиотеке Мошкова завершился конкурс фэнтезийной и юмористической поэзии. Площадка Куба существует уже несколько лет, в течение которых приобрела известность среди сетевых литераторов. Темы, связанные с фантастикой и фольклором, творческая атмосфера, множество сопутствующих турниру литературных игр и развлечений привлекают к участию в конкурсе и молодёжь, и опытных стихотворцев. Конкурсные работы, особенно вышедшие в финал, обсуждаются, и члены жюри, и просто наблюдатели и участники публикуют свои обзоры. Самое главное на поэтических конкурсах Самиздата – это живая, рабочая атмосфера, позволяющая авторам по-новому взглянуть на свои работы.

В этом сезоне команда организаторов Куба обновила свой состав – вместе с одним из основателей площадки Ириной Клеандровой проведением конкурса занимались поэты и писатели Ирина Грановская, Павел Ганжа и Жаклин де Гё. Новый состав организаторов изменил формат конкурса – установлено правило анонимного участия, введен самосудный этап. Начало сезона было приурочено ко Всемирному дню поэзии.

Тема, предложенная участникам, – Воздушные замки – допускала самые широкие толкования и позволяла проявить себя всем: и фантастам, и реалистам.

В состав судейских бригад входили редактор альманаха «Белый ворон» Сергей Слепухин, редактор газеты «Интеллигент. Спб» Наталья Крофтс, литературный обозреватель Вадим Герман, поэт, писатель, журналист, член Союза писателей России Алексей Котельников, поэты и писатели Ирина Акс, Майя Шварцман, Михаил Юдовский и другие.

Работы участников конкурса:

Елена Калинчук ВИД ИЗ ОКНА

Черепичный излом,
Медно-умбристых кровель
скупое убранство.

Нет таких аксиом,
Что могли б упорядочить
это пространство,

Геометрии храм
Променявшее на лабиринт неевклидов,
Одичалый квадрат, многогранник
в руинах,
Перпендикулограмм.

Тени падают врозь,
Будто несколько солнц
их оттиснули разом,
Будто вместе сошлось
Сто вселенных - и вот мультиверс
и доказан.

И, предельно легко
В молчаливой толпе находя
свои румбы,
Крыши вдаль отплывают,
каминные трубы
Отуманив дымком.

Колокольня пуστα.

На соборной игле
тонкий флюгер ютится.

Неизвестно куда
Мчится, громко крича, одинокая птица.
И горбатый конёк -
Пращур всех рысаков,
скакунов и пегасов -
Всё тоскует, что стар,
что печально безгласен
И навеки безног.

Клавдия Смирягина-Дмитриева ПРО ГРОЗУ

Гроза ворчала глухо и невнятно,
лениво огрызаясь вдалеке,
уже играли солнечные пятна
с пушком на запрокинутой руке,
ныряли в тень улыбчивую ямок,
темнел беседки мокрый переплёт.
Мы строили с тобой воздушный замок
и думали отправиться в полёт.
Вытягивались сказочные башни,
стремясь нетерпеливо в небеса,
казавшаяся мирной и нестрашной
кружила в отдалении гроза.
Намокшие побеги расправляя,
курился паром посвежевший сад...
Была гроза, “гроза в начале мая”,
Бог знает, сколько лет тому назад.

ОБИТЕЛЬ ПИГМАЛИОНА

Не понимаю, как это произошло. Не знаю, каким образом из советчика я превратилась в советующуюся. Помнится только, что когда Нана познакомила меня с Нико, он был потерян абсолютно и не очень-то представлял себе, что он будет делать дальше.

У них в то время было что-то вроде романа. Я говорю «что-то вроде», ибо у Наны никогда не было настоящих романов, только что-то вроде. Она никак не могла отойти от переживаний, связанных со вторым своим разводом. А Нико, хотя и не женился после смерти жены, вечно влипал в самые невероятные истории.

Впрочем, влипание было для него даже не хобби, а жизненной необходимостью. Он рвался помочь всем. Только почему-то, в конце концов, помогать надо было ему самому. Как раз в такой момент его жизни нас и познакомила Нана.

Дом его, на фешенебельной улице Ипсиланду в Колонаки, был на тот момент полон неудавшимися гениями. Вот уже второй год жила в роскошном особняке Нико поэтесса Мари. Ее книга должна была вот-вот выйти в свет, но так никогда и не вышла.

Гостил у Нико и милый друг Мари – композитор Рири. Его настоящее имя было Сосипатр Парафенос, что значит «не имеющий музыкального слуха». Ему, по его собственным словам, надо было лишь немного доучиться, чтобы достичь высот Чайковского. И он действительно учился, изучая партитуры великого маэстро день и ночь.

Он даже иногда сочинял что-то. Только это «что-то» всегда оказывалось куском из партитуры самого Чайковского.

Жил в доме также журналист Петкович, которого выгнали из газеты за безобразное поведение на работе. Жила там и медиум, зовущая себя Сивиллой. Ее настоящее имя где-то утерялось со временем. И никогда так и не стало нам известно.

Последним в этой изысканной компании был сын Нико – шизофреник. Вся эта дружная компания ела, пила, одевалась, путешествовала, звонила в Париж и Нью-Йорк за счет сердобольного Нико.

Кроме всей этой оравы, дома жили шесть разномастных собак да дюжина кошек, подобранных с мостовых Афин. Все они – и люди и животные – все время что-то хотели: говорили, мяукали, жаловались на судьбу, вырывали куски печенного прямо из рта у Нико.

- Моя жизнь – сплошной кошмар, - говорил мне Петкович, - и оттого я пью, не переставая. Своего отца я никогда не знал. Моя мать вышла замуж за богача. И ее муж с детьми думают, что я – ее любимый племянник. И разве справедливо, что ее законным детям досталось все – и роскошь и материнские ласки, а мне – ничего?

Говорить было нечего. Я молча кивала головой, не то соглашаясь, не то считая утраты бедного журналиста.

- Выпьем! - предлагал мне тем временем Петкович, откупоривая дорогое виски.

- Я не пью, - отвечала я горестно.

- Это потому, что ты не ведаешь, что такое – быть несчастным. А мне надо заглушить боль.

В эту минуту черная кошка грациозно вскочила ему на колени, словно желая его утешить. Петкович дернулся. Виски пролилось на его дорогой костюм.

- Брысь, паршивая! – заорал он.

Кошка не сдвинулась с места. Толь-

ко смотрела на него брезгливо зеленым немигающим взглядом. Тогда он стащил ее с себя, держа за шкурку. Когда он встал, в одной его руке болталась кошка, а в другой он нес стакан с виски.

Кошка разевала беззвучно рот, взывая о помощи. а виски лилось на персидские ковры Нико. Бормоча проклятия, Петкович нетвердой походкой пересек комнату, открыл дверь в коридор и вышвырнул туда и кошку, и стакан.

- Я влип! Влип! – запуская пальцы в светлые кудри, говорил Нико. – Надо что-то с ними всеми делать!

- Почему бы тебе просто не выгнать их всех в шею? – посоветовала тогда я.

Советовать всегда легко, вы не замечали? Легко и весело сходят истины с губ и повисают в воздухе, как воздушные шары. Ибо кажутся слишком простыми и невесомыми, чтобы принять их во внимание. Вот и Нико взывал к помощи, но советам следовать не желал.

В короткий срок мы стали друзьями. Нам нравились одни и те же вещи. И нас можно было видеть везде: на вернисажах, театральных представлениях и концертах. Даже лето мы проводили вместе на Тиносе, где у всех троих нас были дома.

Мы любили ужинать у Элени в Ктикадосе, или у Марко в Агапи. Часто звонили Роко в Волак, чтобы он приготовил нам что-нибудь особое.

Мне казалось, что и Нана и Нико нуждаются во мне. И это переполняло меня гордостью. Было, однако, нечто, вызывающее у меня недоумение. Что именно связывало их – Нико с Наной? Любовью там и не пахло. Трепета страсти не чувствовалось. Так что же это было?! Никогда в жизни не могла я выдержать тьмы неведения.

- Ты с ним спишь? – спросила я как-то раз Нану.

- Иногда, - хихикнула она.

- Не понимаю...

- Что тут понимать? Нико умеет жалеть. Поможет тебе советом, и даже действием, если надо. Но жить с женщиной – выше его сил. У него столько своих проблем, что мне с тремя детьми нет места в его жизни!

- Что же будет?

- А что может быть? Каждый поидет своей дорогой...когда-нибудь. А сейчас мне просто необходимо его участие. Наконец-то, кто-то заинтересовался мною. Тем, что я есть на самом деле, а не тем, что они хотят во мне видеть. Понимаешь?

О, я прекрасно ее понимала. Это ли – не горе всех думающих женщин. Они знают, что способны перевернуть земной шар. Тогда как мужчина (муж? любовник?) хочет, чтобы пол в ванной комнате был чист, обед – горяч, а дети (свои или чужие) не путались у него под ногами.

И ему неинтересны твои стихи или твои фильмы – все то, что делает тебя независимой от него.

- Понимаю, - только и ответила я. Холодный белый день белел за окном. Гнулись соцветия плюща под порывами Борея. Роняли свои последние листья букамыли. Мы придвинулись поближе к огню камина.

- Так хочется, чтобы меня кто-нибудь полюбил, - прошептала Нана.

- Крак, - затрещало полено, обвиваясь огнем.

- Это уже - перспектива из области фантастики, - промолвила я, взвешивая свои собственные возможности.

- И все-таки хочется, - упрямо повторила Нана.

Уныло шурали шины машин по

мостовой. Звенели мотоциклы, как назойливые мухи. Ветер налетал на стекла балконных дверей и играл крючками ставень.

Январь последнего года двадцатого века был холоден, дождлив и необычно удачлив. В отличии от предыдущего, бывшего для меня – цепью неудач, неуверенности в себе и какой-то странной нервозности, мешающей мне работать.

Измученная этими чувствами, я почувствовала необходимость в совете. Нико был поэтом. Известным и удачливым. И я дала ему прочесть мои рассказы, чтобы узнать мнение профессионала.

- У тебя, несомненно, есть талант, - говорил он мне неделю спустя. – Есть энергия текста, что так важно для писателя. И только одна вещь тебя подкачала – техника изложения.

- Техника изложения – это что? – спросила я, чувствуя себя совершенной идиоткой.

- Говоря обыденным языком – закрутка сюжета, – он был рад поделиться знаниями, помочь. Ты Достоевского бы перечитала! Отличный мастер по закрутке сюжета!

Достоевский никогда не вызывал во мне положительных эмоций. И теперь, погрузившись в его странный мир, я опять почувствовала старую неприязнь. Но закручик сюжетов он был, в действительности, отличный! С этим я не могла не согласиться.

Внимательно изучала я тексты, вникая в секреты писательского мастерства. Но когда настал час воплотить приобретенные знания на практике, я почувствовала, что не в силах этого сделать.

- Я чувствую себя беспомощной, - жаловалась я Нико по телефону, - не могу сосредоточиться. Все, что пишу, кажется мне ненужным. Язык, который я употребляю, похож на восточный ковер – спать приятно, а как взглянешь, пестрит в глазах от избытка узоров. И завернуть сюжет я не умею. Мне нравится выпалить все секреты читателю в лоб.

- Это хорошо, - заявил он. – Вижу, что ты выздоравливаешь.

- Выздоровливаю?! – вскричала я. – Да ты сошел с ума! Днем меня бьет озноб. Ночью мучает лихорадка. Я не сплю. Мысли точат меня изнутри.

- Это замечательно! – продолжал он пикировать на своей скрипке. – А ты заметила, что время от времени, ты увлекаешь читателя ненужными диалогами, не ведущими никуда?

- А не бросить ли мне это дело к чертовой бабушке? – еле шевеля губами, пролепетала я. – Видно, не получится из меня писателя.

Он не отвечал.

- Может, мне недостает таланта?

Он молчал.

- Может, мне нечего сказать человечеству?

- Тебе кажется, что я стал бы тратить тогда на тебя время?! Стал бы делиться сокровенными мыслями?!

- Я только хотела...

- Продолжай работать! – рявкнул он. – Я желаю видеть результат!

Я закусила губу. Была неприятна сама мысль о том, что он может счесть меня слабой. Ибо слабой я не была. Но была я упрямой. Для себя я решила закрыть все счета с сочинительством. Писать я больше не пыталась. Горячка стала понемногу спадать. Бредовые сны сменились полным забытием. Я успокоилась.

Каждый последующий день я чувствовала себя лучше. Однажды мне пришлось в голову навести порядок в своем

Ирина Анастасиади

Родилась 6 октября. Город проживания – Афины, Греция. главный редактор интернет-журнала «9 муз» <http://9musesjournal.wordpress.com> союза русских эмигрантов в Греции им. кн. С.И.Демидовой www.soruem.gr

кабинете. Первым делом я взялась за свой письменный стол. Извлекла из ящиков исписанные листы, тетради, блокноты. И решила – выбросить все их содержимое, не разбирая. Но тут, взгляд мой упал на какую-то фразу. И, усевшись тут же на полу возле стола, я принялась читать все подряд.

Три рассказа привели меня в восторг. И я отложила их справа от себя. Нескольких рассказов требовали мусорной корзины. Некоторые, как я теперь ясно видела, требовали доработки, и я поместила их в папку. Написала на папке SOS и поднялась, чтобы выбросить собранный мусор.

В это время зазвонил телефон.

- Это я, - раздался голос Наны. – У Нико несчастье. Я заеду за тобой через полчаса.

- Хорошо, - сказала я в короткие гудки: она уже повесила трубку.

Одеваясь, я думала о нем. Знаменитый писатель и философ. На его счету – десятки книг. Член десятка обществ и организаций, он был продуктивен. Умел заработать деньги и умел их тратить, что одинаково трудно.

Он родился в богатой семье выходцев из Константинополя. Получил блестящее образование сначала в школе Варвакио, а затем, на кафедре античной литературы. Соученики считали его везунчиком и злобно косились на розовый «Ламборгини», забирающий его обычно из школы.

Греция в те годы постепенно отходила от нескончаемых гражданских войн и от голодухи. После сотен лет турецкого ига, страна заторопилась наверстать упущенное. Открывались заводы и фабрики. Оживала торговля. Люди брали деньги в долг в банках и у ростовщиков. Нико был внуком ростовщика, и это не располагало к нему людей.

Однако своей карьерой Нико был обязан себе одному. Блестящий ученик, он был склонен к анализу. Он любил читать, но не так, как это делают мечтатели: - блаженно упиваясь образами, а анализируя прочитанное. Писать он начал рано. И его произведения были просты, понятны и зрелы. Все говорило в его пользу. Каклось, его ждала дорога, увядая лавром.

Но Нико, в своем рвении помочь всем, запутывал свою личную жизнь. Ему было восемнадцать. Когда он встретил шизофреничку. Женился на ней после нескольких свиданий, ибо твердо решил, что она нуждается в его помощи. Она тиранила его в течение двадцати лет.

И раз даже умудрилась перерезать ему, спящему, вены. Его еле спасли от смерти. В другой раз, ведя машину, Сия устремила ее на скалы. Машину разорвало надвое. Нико был изувечен. Она даже не поцарапалась. Напрасно друзья и родственники умоляли Нико бросить ее.

- Она – просто несчастное существо, - говорил он. – Без меня она про-

Греция

падет. Ее засадят в психушку. Немного любви и терпения – вот и все, что ей настоящему, нужно.

- Любовь – это отрада богов, - рассерженно отвечал ему отец, - а твой брак – это результат происков дьявола.

- Пусть так! Только я должен ей помочь!

К всеобщему благу, в девяносто первом Сия выбросилась с двадцатого этажа гостиницы «Хилтон» в Нью-Йорке. Но жизнь Нико не стала от этого лучше. Сия уж постаралась оставить ему достойное наследство... вернее, наследника.

Единственный сын Нико не поддавался воспитанию. Он не учил уроков. Не желал посещать школу. Жаловался на то, что везде и всюду его преследуют. Нико посылал его лечиться в лучшие клиники. Пытался дать образование. Напрасно! Левтериос Левентис не был лентяем. Не был он и болен. Дело обстояло куда хуже.

Он выбрал себе стезю авантюриста..., или она выбрала его... Это уж кто как смотрит на это дело. Иногда он исчезал на месяцы и не подавал о себе признаков жизни. Иногда же появлялся больной, с воспаленными глазами и просил денег.

Когда мы с Наной приехали к Нико, он сидел над трупом сына. Его глаза были сухи.

- Я знал, что это когда-нибудь произойдет, - кивнул он на посиневшего сына. – Я всегда пытался помочь ему во всем. Может, это было моей ошибкой? Его мать выбросилась из окна. Он повесился. Наверное, они поняли, что я не в состоянии более помогать им.

- Что же ты теперь будешь делать? – спросила Нана.

- Закрою дом, - ответил он, как некоторые говорят: «закрою ресторан, он прогорел». – Уеду в Париж. Мне предложили кафедру античной литературы в Сорбонне.

У меня создалось впечатление, что к этому бегству он готовился долго и тщательно.

- Так хочется уйти от этих воспоминаний, начать новую жизнь!

Он смотрел на меня беспомощно, как заблудившийся ребенок.

- Я устал от этих людей, - и он кивнул головой в сторону стены, отделяющей нас от его гостей. – Они извели меня своей зависимостью. Пора уж им заняться самим своими проблемами.

И он, действительно, уехал в Париж, принял кафедру и закрыл свой дом. Гости его исчезли. Никто и никогда о них больше не слышал. Прошло полгода. Нана открыла магазин одежды, как и грозились. Встретила некоего баскетболиста. И очень скоро они объявили о своей помолвке. Я, после долгой работы, наконец, приготовила сборник рассказов.

- Это надо печатать, - говорил мне по телефону Нико. – На этот раз это зрелая, профессиональная работа. Я познакомлю тебя со своим издателем.

И я поехала в Париж. Я была готова к бою, была готова к славе. Свидание с издателем было назначено на вторник. Я задыхалась от волнения. И все время спрашивала Нико, как я должна предстать перед властителем писательских судеб.

- Собери волосы на затылке. Оставь лоб открытым. И пожалуйста! Пожалуйста, не одевай ни одного из твоих легкомысленных платьев! Лучше купи строгий костюм. Будь вежливой и не умичай!

Так я и поступила. Купила неокрашенный льняной костюм. Собрала волосы на затылке. И взглянула в зеркало. Я стала похожа на застывшую старую деву. «Ничего себе зрелище, - пробормотала я своему отражению. – Просто ночной кошмар!» Удивительно, но редактору этот кошмар, похоже, понравился.

- В ваших рассказах, голубушка, мне нравятся две вещи: юмор и трезвый взгляд на жизнь, - сказал он мне.

Мне очень хотелось сумничать, но я испугалась Нико. Я скромно опустила глаза и молча кивнула, как будто соглашаясь с его комплиментом. Вы замечали, что мужчины не переваривают умных женщин? Я тоже не замечала...до того самого дня.

- Ну и дьявольский же у тебя ум! – призналась я Нико, когда мы, несколько позже встретились.

Он только хитро улыбнулся.

- Ну, рассказывай, как ты тут устроился!

- Работа мне нравится, - со смешком сказал он. (И сказать по чести, мне не понравился этот смех) На днях купил старинный особняк. Его даже уже начали восстанавливать. Думаю устроить в нем приют для детей-беженцев из бывшего Советского Союза.

Он снова принялся за старое. Все было так хорошо, разве он мог не вляпаться?! Отговаривать его – было делом пропащим. Я даже и не пыталась на этот раз.

Мы встретились несколькими месяцами позже на Тиносе. Был теплый и благоухающий сентябрь. Мы сидели на веранде ресторана «Дросья», наблюдая, как красный остывающий диск солнца медленно падал в свинцовость соленой массы. Желтые зарева ходили по небу. Розовые облака собрались на горизонте.

И вдруг я услышала, как Нико говорит:

- Ты не представляешь себе, до какой степени меня утомили беженцы. Я уже не говорю о бешеных счетах...Думаю вернуться назад в Грецию.

- Это – самый лучший выход из положения, - согласилась я.

Впрочем, с Нико можно было только соглашаться.

- Ну, а как дело обстоит с твоей книгой? – внезапно спросил он.

Я положила перед ним новенький, пахнущий типографской краской, томик.

- Спасибо, - сказала я, растроганная до слез. – Без тебя, вероятно, этой книги никогда бы и не было.

Он даже не взглянул на книгу, а развалившись в кресле, самодовольно улыбался. Он был похож на большого, красивого кота, только что съевшего рыбу, которую ты приготовил себе на обед. И тут совершенно сумасшедшая идея пронзила меня. Почему-то показалось, что он считает меня одной из своих «случаев». Одной из тех, кому он без толку помогал. Я пришла в неописываемый гнев.

- Чему это ты улыбаешься? – закричала я. – Воображаешь, что ты взял надо мной шефство? Ты думаешь, что ты – Аристотель рядом с Александром? Или Господь наш Иисус, поучающий святого Петра?

И потому, что он только молчал и улыбался, улыбался и молчал, я приходила все в большее неистовство.

- Ты бы лучше собой занялся, вместо того, чтобы плакаться мне в жилетку! – посоветовала ему я.

- Вот наступил и твой черед! – мурлыкая от удовольствия, пропел он. – Теперь ты вот возомнила себя Богом.

- Монстр! – зорала я, готовая убить его.

- Не кричи! – строго сказал он. – Ты же видишь: я одинок, я несчастен, я нуждаюсь в совете!

Тут над нашими головами, цепляясь за ветки деревьев, взойшла большая бледная луна, разливая белый, холодный свет. Зябко поведя плечами, женщины принялись натягивать на себя жакеты.

Даже море озябло. И луна с удивлением наблюдала, как по его свинцовой поверхности прошел ледяной озноб.

А свет все лился. Лился холод. Лилось одиночество.

Омск

Валериан Толстов

Родился в марте 1935 года на жд. станции Богандинка под Тюменью, С 1936 года проживает в г.Омске. Сменил много профессий: начинал токарем-инструментальщиком, после окончания военного авиаучилища служил в рядах СА, в 1961 году попал под сокращение, работал радиомехаником на заводе, преподавателем в гражданском авиаучилище, механиком на лётно-испытательной станции, технологом на заводе по сборке авиаприборов, главным технологом, главным энергетиком СМУ, был внештатным корреспондентом на радио и телевидении. Все эти годы писал стихи.

Летняя зарисовка

**Сушняк и жар. Томит истома,
А счёт идёт на «чёт – нечёт».
Вдруг, вырвавшись из бурелома,
Ты набредёшь на родничок.**

**Один глоток живой воды –
И напрочь все мечты о доме,
И ты спешишь дорвать штаны
В недавно клятом буреломе.**

Аннушке

**Первой тропинки виток неумелый,
Вдруг развернётся легко и уверенно.
В путь по тропинке отправится смело
Мир познавая, Анна Андреевна**

**Тайны наследственным пробует взглядом-
Бездна несметных глубин не измерена.
Множество тайн в перспективе и рядом,
Сложных постигнет Анна Андреевна.**

**Тайны великие ждут впереди,
Счастье изведать тебе их доверено.
В жизнь по-фамильному прочно войди.
Счастья без мер тебе, Анна Андреевна.**

Елена Евдоченко

Евдоченко родилась в Омске в 1956г. Рассказы были напечатаны в журналах «Виктория» и «Омский лекарь», а так же в областной газете «Омский вестник». Стихи – в коллективных сборниках «В поисках гармонии» (г. Омск). «Поют любовь вам ангелы-поэты», «Цветочная коллекция», «Мой любимый город» (г. Москва); в литературных альманахах «Иртыш - Омь», «Тарские ворота», «Чаша» (перевод на французский язык стихотворений А. Кутилова) (г. Омск). Является автором текстов более 60 песен, многие из которых вошли в репертуар известных в Омске певцов и талантливых молодых исполнителей.

Одиночество

**Гостит одиночество в доме моём,
давно уже став приживалкой.
Случается, часто мы чай вместе пьём,
а после поспорим с ним жарко.
Гуляем вечерней порой сообща,
пугая собак и прохожих.
Зачем-то повздорим опять сгоряча...
По-своему прав каждый. Всё же
понять нам друг друга, увь! Не дано.
А как с ним расстаться – не знаю.
Поднадоело такое кино!
Играть роль другую желаю.**

**Желаний несбывшихся зыбкий туман
как в латы меня очевидает.
Он жизни моей очевидный изъян
геройски собой прикрывает.
Грустит одиночество. Надо ж, ему
не нравится быть приживалкой!..
И вместе с ним горькие слёзы прольют:**

**его, непутёвое, жалко.
Прилипло ко мне и твердит каждый день:
«Как славно! Никто не мешает...»
Заметив в глазах осуждения тень,
хвостом виновато виляет.**

**У каждой истории есть свой конец –
к нему мы идём изначально.
Тяжёл одиночества колкий венец,
к тому же, – овая печалью.
Да, можно, улыбку в глазах приютив,
казаться простой и весёлой...
В мажорных тонах моей жизни мотив
звучит, как кантата, сурово.**

Юртаева Ирина

Родилась в Омске, училась в Омском институте культуры. Печаталась в журналах «Иртыш-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск), в московском альманахе «Поют любовь вам ангелы-поэты», автор книги стихов «Умри – воскресни» (Омск, 2005).

**Ты добрый врач, и мой спаситель,
Собой мои наполнив дни,
Как дрессировщик, как мучитель,
Загнал меня в страну любви.**

**Непониманием, как плёткой,
Исполосуешь вдоль спины.
Я слишком скоро стала кроткой,
Но в этом нет моей вины.**

**Мечусь затравленной львицей,
Свет - как манежные огни.
Забьётся сердце славной птицей,
Когда ты скажешь: «Мы – одни».**

**И смуглые протянешь руки,
Чтоб я прильнуть к тебе смогла.
Исчезнут загородак прутья,
Растают цирков купола.**

Дмитрий Юферов

1976 года рождения. Окончил Омский государственный педагогический университет и Областной колледж культуры и искусства по специальности: исполнительское творчество. Владение музыкальными инструментами: гитара, фортепиано, флейта, ударные. Должностные обязанности: Руководитель и музыкант ВИА «Платина», директор культурно-досугового центра «Иртыш», актёр, композитор. В 2012 году опубликовал книгу стихов «Последний вздох инфанта». Неоднократный лауреат межрегиональных и международных театральных фестивалей и конкурсов в номинации «Лучшая актёрская работа»

Моя душа

**Моя душа – зарёю
Ложится на снега,
Сливаясь с чистотою,
Теряет берега.**

**Моя душа – травой
Растёт по склонам гор
И перьями на крыльях,
Птиц, любящих простор.**

**Она прекрасным солнцем
Глядит в течение рек,
Водою омывает
Поросший тиной брег.**

**А ум толкает в омут,
И в цепи мысль куёт,
Душа течёт слезами
И лишь полёта ждёт.**

Молодые поэты

Даяна Загорская

23 года, студентка факультета журналистики, Таллин

Пафосная песнь о собственной бесполезности

<...>но до сих пор за мной никто не встал,
да я и сам не метился в кумиры.
Я задышался и всю ночь не спал,
а утром встал и сам пошёл на вилы.
И голой грудью лёг на острие,
и алой кровью окропил дорогу,
но до меня горели на костре,
и я не первый, кто так рано к Богу.
Я был заброшен в этот мир и век заведомо с летальностью исхода.
Я был рождён как Новый Человек,
но я при жизни стал простым народом
и им я был отвергнут потому,
что я тосклив для современной жизни.
И я решил, что лучше одному,
чем постоянно оставаться лишним.
И я ушёл, оставив позади всё,
от чего на сердце были шрамы.
Я точно знал, что будет впереди,
а за спиной лишь возводились храмы
для поклонения очередным богам,
для лживых слёз и жертвоприношений...
Я убегал — уж лучше к дуракам,
чем быть свидетелем нетрезвости сношений.
Уж лучше в лес, в болото, по степям —
куда-нибудь, подальше бы от мира,
где стар и млад — все ходят по костям,
сияя в лучезарности эфира.
Здесь каждый — бог, а я так не умел.
Я здесь не мог. Я от своих предчувствий
сходил с ума и по часам взрослел.
Я жаждал счастья, упиваясь грустью.
Я был один. Очередной весной
я коротал свой век в прокисшем мире
среди людей, где я всегда сквозной,
как ветер из окна в окно в квартире;
пусть был в чужих квартирах, ну и что?
Пришёл, ушёл. Забылся, да забыли.
Всё чопорно, как будто в шапито:
для зрелищ пили, жили и любили.
Пусть так: я — Клоун, циник-мазохист,
смеюсь над всем, что больно и шекотно.
Я гений, мама, от того нечист:
во мне злой дух вершит дела охотно
и жжёт мне душу, манит за собой
и сединой переплетает косы.
Ах, время! Не беги, прошу, стой!
Я лёг ребёнком, а проснулся взрослым.

Дмитрий Краснов

28 лет, специалист по охране окружающей среды, Таллин

10, 15, 40, много лет

«Я когда-то умру -
мы когда-то всегда умираем, -
Как бы так угадать, чтоб не сам -
чтобы в спину ножом...»
Владимир Высоцкий

Пустой крышкой, ободом, на спицах,
играя катафотом, покатиться
в рельеф засохших луж и о поребрик,
о руль, о землю, локтем о колено,
о мягкий стог, о собранный валежник,
о парту цвета хвороста и сена!
И, мягко падая на лапы, как лисица,
по полю минному пройти, не ошибиться.

Сознание на «двадцать первой Волге»
по кочкам, к бабке, к дедке,
к репке, к Волге,
сквозь «Поляр oid», летний гул, бутылку,
фотоном, не успевши зацепиться,
проходит сквозь зелёное стекло,
минуя синий знак, асфальт, развилку,
в крапиву, в борщевик, в чужие лица,
как плёткой-многохвосткой припекло,
сырой душой да с каменной горки,
чтоб зарумянилось из мякиша до корки!

В причал, на бал, в любимую смиренно,
которую так нежно, откровенно...
не любишь, не желаешь, но гретишь
всё чаще с ней и реже, реже с ними.
Из мелких тварей крыса или мышь,
какая разница? Лишь цвет волос да имя.
Скисает лето в раз, как молоко,
«Икарус» - долго, «ТУ» - невысоко.

Зрачки черны, как мухи между рамой.
Зима любая стать холодной самой
грозится, засыпая то дождём,
то мокрым снегом, письмами, счетами,
быльём, гнильём, заношенным тряпьем,
и, как и принято, домашними котами.
А в этих тапочках (такие вот итоги)
неловко перешагивать пороги.

Ольга Бочарова

17 лет, учащаяся Нарвской Гуманитарной гимназии

Кораблик

Засыпают в подушке перья.
Лето. О чём-то родном
Шебечут птицы за дверью,
И море шумит за окном.

Ветер песочные замки
Медленно ест по песчинке.
Облака заклеили ранки
И разгладили небу морщинки.

Эти дети с цветастых картинок-
Это мы.Помнишь, мальчик мой,
Мы босиком, без ботинок
Приходили под вечер домой.

Вместо завтраков, игр вместо,
Мы с радостью, грустью и горем
Шли в наше секретное место
И говорили с морем.

Сев у берега, в тЕнистой влаге,
Каждый год мы обычай вели:
Очень бережно из бумаги
Мы делали корабли.

Радость была в созиданье,
И в том была сама суть:
Мы произносили желанье
И отправляли их в путь.

Шли годы. Солнце на выюгу
Сменялось. С тепла до снегов...
Песчинки прижались друг к другу
И ждали наших шагов.

Становились огромными ели,
Леса становились глухими,
Взрослели наши качели,
И мы росли вместе с ними.

Бестолково плескаются волны,
И не слышно птиц абсолютно,
А на берегу нашем безмолвно.
Бескорабельно. Безлюдно.

Обломаны крылья у птички.
Мы с ней из единого теста,
А ноги уже по привычке
Только в одно ведут место.

Гонимая грустью и горем,
В дыме заводов и фабрик
Склонюсь в надежде над морем,
Опуская на воду кораблик.

Владимир Булгаков

35 лет, Таллин

Цветок и зверь

Разделены мы с тобою десятками лет,
Может, и сотнями, право же,
я не уверен,
Вижу в тебе я запятнанный
кровью рассвет,
В снежном лесу я встречал
его травленным зверем.

Свора по следу, нет сил
на последний рывок,
Жизнь промелькнула за миг,
словно нить киноплёнки.
Егерь прицелился, плавно нажал
на курок...
Двадцать пять лет я был лидером
бешеной гонки.

И не обидно, что финишной
ленты не рвал,
Криком надорванным связки
рвал голосовые.
Выстрел в упор — это закономерный
финал
Всем, кто забвенье искал
в самом сердце стихии.

Звери уйдут, и Цветы унаследуют трон,
Ты ведь и есть, верно,
нового мира предтеча.
Даром ли в бархате траурном пара ворон
Тихо планирует мне на поникшие плечи.
Ладно уж, мёртвому зверю
теперь всё равно,
Сколько таких пережил я аварий,
крушений,
И огорчает сейчас меня только одно —
То, что из разных с тобой мы,
увы, поколений.

Но отчего же тогда в иступлении рву
Землю когтями с нелепым желанием:
выжить!
Кровью своей окропив и цветы, и траву,
Может быть, стал я к тебе
ну хоть чуточку ближе!

Александра Титова

23 года, студентка, Таллин

Повязана

Смешивать искры и искренность
До отказа в убогом внимании.
По прогнозам все слёзы и вылились
Мне в копейки в дырявых карманах.
Но асфальта дорога не выдержит,
Извернётся своими путями.
Плод фантазии был бы не выношен -
Чьи-то руки в беде помогали...
Нет настроения, хоть трое без лишнего,
Нет причин - не чинили препятствий.
Так и сломанный голос не слышали.
Средь сестёр не бывает братства,
Но порукой по локти измазаны.
Не сокрыть чёрно-белых красок!
По местам - неизбежно. Повязана,
Как последняя карта пасьянса.

Ну, вот оно - сиреневое лето
С округлостями загорелых плеч,
Со стройными лодыжками нимфеток,
И с декольте грозящими извлечь
Взволнованные шагом полусферы,
И пляжной геометрии ряды,
И взгляды здешних вялых кавалеров,
И беготня детишек у воды.

Ну, вот они - восходы и закаты
Зовуще-подведённых дамских глаз
Под басни, мол,
в загадочном “когда-то”
В них утонул кубинский водолаз,
Копчёный вид старушек
на нудистском,
Всепременно вяжущих крючком,
Косые зырки тётки-моралистки
И дядька перегревшийся - ничком.

Ну, вот оно - в бокалах запотевших,
С дрожащей пенной шапкой
“A.Le Coq”,
Во млявости от зноя ошавевшей
Собаки, грузно рухнувшей на бок,
В пустой, жужжащей мухами,
шашлычке,
В мороженом, текущем по руке,
В признаниях кому-то где-то в личке
На мной давно забытом языке.

Вы не ждите напрасно,
я к вам не приду,
Я устала отталкивать дуру-беду,
Я устала подкармливать дуру-любовь,
Я уже в большей степени
чья-то свекровь.
Мне не двадцать, не тридцать -
уже сорок пять,
Сколько можно платок
замусоленный мять?
Сколько можно с надеждой -
в чужие глаза?
Сколько можно! Давай же,
включай тормоза.
Будем радио слушать
и фильмы смотреть,
Будем глупо, по-бабьи,
друг друга жалеть,
Будем семечки лузгать,
раскатывать тесто,
Это, ясно, не жизнь,
но достойное «вместо».

Грузной тёткой с авоськами
на пороге уселась
окружённая Моськами
белоглазая Зрелость.
Расстелив полотенчику,
неуклюжими пальцами,
режет хлеб /крошки - птенчикам/,
лупит тёплые яйца.
Моськи скалятся, твякают,
С хрипом лезут из шкуры вон.
Насмотревшись на всякое,
Зрелость думает: “дуры вы”.
Не мечтает, не охает,
Хлеб жуёт-потешается,
Не старуха глубокая,
не младая красавица...

Полянская Екатерина

Родилась в 1967 году в Ленинграде. Член Союза Писателей России с 2002 г. Печаталась в журналах и газетах «Нева», «День и ночь», «Звезда», «Северная аврора», «Всерусский собор», «Петербург», «Литературная газета» и др. Автор пяти стихотворных сборников. Переводилась на польский, болгарский, японский, английский, сербский и чешский языки. Лауреат: конкурса «Пушкинская лира», Нью-Йорк, 2001 г.; премии им А.А. Ахматовой, 2005 г.; конкурса им Н. Гумилёва (2004 г.); Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, 2009 г.; конкурса «Литературная Вена», 2012 г.; премии им. П.П. Бажова, 2013 г.

* * *

Так хочется настроить эту жизнь.
Она же — ускользает, не даёт.
Всё что-то в ней болит, мерцает, бьётся,
Мелькают лица, даты, этажи.

Всё слышится то пение, то — плач,
То — резкий смех,
то — электрички дальней
Тревожный свист...
Всё яростней скрипач,
А голоса — всё выше и хрустальней.

Вот — зимний лес, и синяя лыжня
С разгону огибает куст ольховый.
И куст тихонько кружится, звеня
Смолистыми серёжками... И снова —

Летят огни, грохочет переезд,
Но с каждым днём всё резче и свободней
Тень фонаря., похожая на крест,
Качается у самой подворотни.

Звучат единой музыкой шаги,
И лязг замка, и звяканье цепочки,
И шум дождя, и голоса пурги,
И выдох раскрывающейся почки.

И всё вокруг меняется, спешит,
Смысл обретая в каждой переменной,
Где звук со светом неразрывно шит.
И дирижер слепой и вдохновенный,

Из темноты прорвавшись ледяной,
Парит над партитурой раскалённой,
И каждый миг гармонией иной
Взрывается оркестр ошеломлённый.

* * *

Они рассуждали:
хитрый — о честности,
трусливый — о мужестве,
бездарный — о вдохновении.
А равнодушный так говорил о любви,
что аж заходило сердце.

Они призывали:
благополучный — к терпению,
злой — к милосердию,
к щедрости — жадный.
Ну а бездельник так пел славу труду,
что прямо руки чесались.

Они упрекали:
лжецы — в недоверии,
любопытные — в сдержанности,
эгоист — в неготовности к жертве.
А безбожник, тот просто разил наповал
цитатами из Писания.

И вот, постарев,
поседев в безнадежной борьбе с
энтропией,
устав от привычной сансары,
я вспомнила вдруг, что в учебнике —
обычном учебнике

военно-
полевой хирургии,
сказано чётко:
«спешите не к тому, кто кричит —
к тому, кто молчит».

* * *

Господи, взгляни на наши лица —
Ты сияешь славой в звёздном стане,
Господи, мы — птицы, только птицы,
Жизни еле слышное дыханье.
Наша плоть под солнцем истончилась,
Выветрились слёзы и улыбки,
Нашу тонкокость, легкокрылость
Лишь в полёте держит воздух зыбкий.

Господи, ну что ещё мы можем?
Только петь. Не помня о законе,
Петь одну любовь... И всё же, всё же —
Не сжимай в кулак своей ладони!

Троллейбус

Неизвестным безумцем когда-то
Прямо к низкому небу пришит,
Он плывёт — неуклюжий, рогатый,
И железным нутром дребезжит.

Он плывёт и вздыхает так грустно,
И дверьми так надсадно скрипит,
А в салоне просторно и пусто,
И водитель как будто бы спит.

И кондуктор слегка пьяноватый
На сиденье потёртом умолк.
Ни с кого не снимается плата,
И на кассе ржавеет замок.

Он плывёт в бесконечности зыбкой,
В безымянном маршрутном кольце
С глуповато-наивной улыбкой
На глазастом и плоском лице.

И плывут в городском междустрочь
Сквозь кирпично-асфальтовый бред
Парусов истрепавшихся ключья
И над мачтами призрачный свет.

* * *

*Я хотела бы жить с вами в маленьком городе,
Где вечные сумерки и вечные колокола...*
М.И. Цветаева

...Так и я бы хотела,
только без вас
где-нибудь в Порхове,
или, к примеру, Изборске,
жить
от зарплаты и до зарплаты,
трудиться
в районной больничке
доктором.
Работать, как лошадь,
уставать, как собака,
иногда
случайно услышав
единственный колокол,
вздрагивать,
молча креститься,
не вспоминать ни о чём.
И я бы хотела,
но
многовато условностей,
разных мелких помех...
Нет,
красивого жеста
не выйдет.
Да и в конце-то концов,
какая мне разница,
где
встречать свои вечные сумерки.

* * *

Что остаётся, если отплыл перрон,
Сдан билет заспанной проводнице?
Что остаётся? — Казённых стаканов звон,
Шелест газет, случайных соседей лица.

Что остаётся? — дорожный скупой уют,
Смутный пейзаж, мелькающий
в чёткой раме.
Если за перегородкой поют и пьют,
Пьют и поют, закусывая словами.

Что остаётся, если шумит вода
В старом титане, бездонном и необъятном,
Если ты едешь, и важно не то — куда,
Важно то, что отсюда, и — безвозвратно?

Что остаётся? — Видимо, жить вообще
В меру сил и отпущенного таланта,
Глядя на мир бывших своих вещей
С робостью, с растерянностью эмигранта.

Что остаётся? — встречные поезда,
Дым, силуэты, выхваченные из тени.
Кажется — всё. Нет, что-то ещё... Ах, да! —
Вечность, схожая с мокрым кустом сирени.

Крикливец Елена

Родилась в г. Витебске (Республика Беларусь). Доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России. Лауреат VII Международного Пушкинского конкурса для учителей русского языка и литературы стран СНГ и Балтии (2007 г., Россия); лауреат Международного литературного конкурса «Северная Аврора» (2012 г., Россия); шорт-листер Международного литературного конкурса имени Сильвы Капутикян (2013 г., Армения); лауреат Международного литературного конкурса «Мир без войны и насилия» (2013 г., Польша). Автор сборника стихов «На грани света»

* * *

Тополь, подпирая небосвод,
в толщу дней глядит с немим укором.
И тропинка робкая ведет
к старенькой скамейке у забора.

Здесь и тени поросли быльем...
Только почему-то год от года
окон заколоченный проем
не пускает душу на свободу.

Этот груз не разделить ни с кем.
Горький крик не вырвется наружу.
Тихо дрогнет жилка на виске,
и морщинки сделаются глубже.

Ни в погонных метрах, ни в рублях
не измерить дедовские хаты...
На таких вот сизых тополях
выбьет время памятные даты.

* * *

Между тучами — краешки неба синего —
окна в истину — прозрачны и чисты.
Словно в зеркало, глядятся Ефросиния
в неразбуженные воды Полоты.

Ночь хоронится в трепещущем осиннике,
много темного выдавшем на веку.
И в зарю идут былинные дружинники
из мифического «Слова о полку».

Ни вернуться в эти дали, ни покаяться,
ни откликнуться на этот вечный зов...
Только стрелы Перуновы отражаются
в спелых луковичах здешних куполов.

Оттого, видать, в Христово Воскресение,
находясь от просветленья в двух шагах,
вдруг душа рванется следом за Есениным
Русь оплакивать в московских кабаках.

* * *

Малыш отпускает воздушный шарик
и, жмурясь, с улыбкой глядит на солнце.
Он словно задачку в уме решает:
когда это чудо к нему вернется?

Так я отпускаю твои ладони,
скрывая тоску, как письмо в комод.
Смотрю, опираясь на подоконник,
как ты через двор в тополя уходишь.

Так мать отпускает дитя в дорогу
и крестит, глаза утерев украдкой,
и в церковь идет помолиться Богу,
надежду согреть огоньком лампадки.

* * *

...Защиплет глаза от стального света,
и хлынут слезинки, как дождик в мае.
Он вместо заветной упругой ленты
уйдет, пустоту в кулачке сжимая.

* * *

В этом доме не спали, боясь немоты,
те, кого все равно не слышали...
И один, постигая закон высоты,
сизый голубь взмывал над крышами.

И свисти не свисти, и зови не зови —
в синеве растворялся точкою...
Бесприютное слово летело за ним,
словно дым папиросы в форточку.

Прозвенело. Застыло. Оттаявший март
приподнял воротник, поежил.
Собирая колоду рассыпанных карт,
время строки свои итожило...

За стеклом, как минувшего века штрихи,
притаились тома и сборники.
Но на кухнях все реже читают стихи
и дворы метут просто дворники.

* * *

Запыленное небо развесило тряпки.
Под ногами лежит то ли прах, то ли путь.
Видно, что-то сломалось
в привычном порядке:
и других не сыскать, и себя не вернуть.

В час, когда имена позабыты и даты,
и случайные тени шныряют в ночи,
где же голос, к спасению
звавший когда-то?
Отчего ж ты, вития, так долго молчишь?

Он слова собирал, вспоминая молитвы —
утекали они, как сквозь пальцы песок.
И шептал невпопад тексты песен забытых,
воспаленные веки раскрыв на восток.

А когда и молитвы, и мысли иссякли,
по земле обожженной ушел человек...

И разбились о камни тяжелые капли
и надежда на будущий Ноев ковчег.

* * *

Заалеет закат,
тихо звякнет ведро в колоде,
глухо скрипнет скелет
заколоченных дедом дверей.
На вечерней заре,
как всегда, начинает колотиться
ворох прожитых лет,
что судьбе отдавались за так.

А вокруг — ни души.
Только серая пыль огородов,
на которых весной
густо всходят крапива да сныть.
Не спешит уходить,
не забыв ни обратной дороги:
по земле за тобой
твое прошлое змейкой шуршит.

Этот пасмурный век
заметает забытые тропки,
и в колоде вода
неизбывной полыньей горчит.
Разлетятся грачи,
но в попытке — безумной и робкой —
ты вернешься сюда,
чтобы вспомнить, что ты человек.

* * *

*На земле была одна столица,
все другое — просто города.*
Г. Адамович

Здесь не «бьется Нева о холодный гранит»,
не поет под ладонью ограда литая...
Этот город свои кружева мастерит,
настоящее с прошлым упрямо сплетая.

Здесь над старою ратушей кружит листва
и взлетает Шагал над шуршащей аллеей.
Здесь поэт подбирает такие слова,
от которых осеннее небо теплеет.

Мелкий дождик дорожки к утру навошит,
пробежит по мостам, не жалея сандалий.
И согнется под лампой седой часовщик,
починяющий время в еврейском квартале...

Чтобы призрачных лет удержать череду,
чтобы терпкой истории вдоволь напиться,
я по древнему городу тихо пройду,
как по дремлющей в золоте
лучшей столице.

* * *

Пролился свет сквозь ветви вековые,
и листья темным золотом легли
на камень тот, что помнит, как впервые
плеснула благодать из-под земли,
укрыла корни шелковой косынкой
и зажурчала звонче и вольней...

И вот теперь звериной тропинкой
без спроса человек пришел за ней.
Смахнул листву. Присел на старый камень.
Задумался о чем-то. Покурил.
Уверенно
хозяйскими руками
две прочных фляги до краев налил.

И наблюдали солнце на закате
и лес от изумления немой,
как десять литров Божьей благодати
с большим трудом он уносил домой.

Олег Борушко

Богата земля нерусская талантами ещё и потому, что не слишком дорожит ими русская.

С 2003 года известный поэт и литератор Олег Борушко проводит в Лондоне поэтический турнир с интригующим названием «Пушкин в Британии». С большим успехом, надо сказать, и вот уже более десяти лет подряд. Почему Пушкин и почему в Британии, где он никогда, как известно не бывал? Ну, тут ответов множество, и один из них очевиден – Пушкин не только «наше Всё», но и «наше Везде», к тому же О.Борушко в Британии и бывал, и живёт в основном в Лондоне, и оказалось, что ностальгия по Слову на родном языке – чувство универсальное, притягательное и мгновенно объединяющее людей, относящихся к нему (Слову) с любовью.

Почему Фестиваль (конкурс, турнир – как угодно) успешен? Прежде всего потому, что профессионален. И в творческом, и во всех остальных планах.

Попасть в Финал этого конкурса не просто и такое «попадание» – это признание способностей, мастерства, самоотдачи, одним словом - высокого уровня.

В Жюри конкурса – всегда профессионалы. Конечно, определение первого, второго и третьего Поэта (король, королевич и т.д.) условно, но некий соревновательный принцип придаёт Турниру остроту и динамику. И ещё. Если бы этот Турнир открыл хотя бы одного настоящего Поэта, его задача была бы выполнена. На мой взгляд, таких имён на Турнире, за все годы, было четыре. Ежегодно, 6 июня, в День рождения А.С.Пушкина, в тревожно гулком и торжественно возвышенном зале церкви Сент-Джайлс собираются поэты из разных стран мира, объединённые одним языком и Поэзией. Но прежде чем собраться, прежде чем их соберёт Турнир, да, прежде нужно было распасться, разлететься по всему миру, пройти путь, сохранив в себе не исчезнувшую тягу к поэтическому слову. А может быть, как раз оторванностью от материка русской речи и объясняется эта тяга и возрастание интереса к русской поэзии не в России и угасание (хочется верить, временное) в самой России – именно об этом говорила Римма Казакова в марте 2008 года, в своём интервью на ТВ, тогда же от неё я и услышал впервые о Лондонском турнире, где она была председателем Большого Жюри.

ЗАВТРАК НА СТОЛЕ

Сейчас я уже не помню, почему в тот день задержался дома позже обычного, но хорошо помню, что накануне жена купила новые салфетки (или как их называют?) такие небольшие прямоугольнички из плотной бумаги, мини-скатерти, с принтом на темы из повседневной жизни. На этот раз это были карты городов – столицы мира.

«Овсянку будешь?» – спросила жена разложив четыре новеньких прямоугольничка и расставляя тарелки. Я щёлкал пультом – кулинарные программы, экономика, мультики, география - «Мы куда-нибудь едем в этом году?» - «Давай съездим.

Где мы ещё не были? Только не Таиланд!» -Переключи, пожалуйста на ивритские программы, там хотя бы с утра напряга этого нет. На «русских» – одна политика и криминал.

- Сейчас, сейчас, смотри - Римма Казакова, давно её не слышал, у меня по-моему ещё где-то её сборничек сохранился, как там у неё: Ещё держусь, хоть мне не двадцать лет. Морщинок нет, сединок тоже нет.

А если я одна иду в кино, Ко мне мальчишки вяжутся, смешно.

Да, смешно. Ляля, дай пожалуйста ручку, я записать хочу кое-что.

- Что? Кофе налить?

- Да. Знаешь куда мы едем в этом году? В Лондон.

-?

- Потому, что я верю в случайности. Поэтому, что ты случайно подложила мне салфетку с картой Лондона, и потому что Римма Казакова только что сказала, что

ЛОНДОНСКИЙ ТУРНИР

конкурс в этом году проводится по строчке Пушкина «Но Лондон звал твоё внимание, твой взор»

Я только хочу зайти на их сайт, посмотреть, как пишут, что за уровень...

Мне повезло. Первое, что я прочитал, были строчки Баха Ахмедова:

*В высоком Лондонском кругу
Летают чёрные квадраты...*

Потом мне повезло второй раз. Моя конкурсная подборка из 10 стихотворений прошла в финал. Это действительно была удача, потому что на конкурс было подано что-то около ста заявок (и каких?), а в финале оказалось только 10 человек.

Потом мне повезло в третий раз (но это выяснилось много позже), отправив Заявку я ждал ответа и больше ни разу не заходил на сайт «Пушкин в Британии», где «обменивались мнениями» конкурсанты и сочувствующие.

В общем, мы поехали в Лондон. И там мне повезло в четвёртый раз.

ЧЕТВЁРТЫЙ РАЗ. ЛОНДОН.

Узнавание. Это главное, что я могу сказать о своих впечатлениях, не поддаваясь искушению перечислять общеизвестные названия, достопримечательности и прочие атрибуты, связанные со словами Британия, Лондон, англичане. Узнавание до такой степени, будто я здесь уже жил, уехал и вернулся. Но я был здесь впервые.

До такой степени Образ совпал с Реальностью. Было легко и свежо. И не хотелось думать о том, как разнятся впечатления туриста и эмигранта.

Мы поселились в небольшом отеле, совсем недалеко от Пушкинского дома на Блумсбери сквер, где и проходила первая «проба голоса». Финалисты ещё недоверчиво косились друг на друга и читали дрожащими голосами свои «нетленки», Борушко дирижировал, Виктор Матизен рассказывал киношные байки.

С королевским достоинством вошла красивая женщина – она и оказалась королевой. Королевой первого Турнира и членом Большого жюри Марией Гордон.

Уже позже, приезжая на другие Турниры, я понял, что для результата важен не столько состав участников, сколько состав Жюри.

Нас слушали Людмила Улицкая, поэтесса Лариса Васильева, прозаик и поэт Михаил Попов, поэт Олег Борушко, Малое Жюри – победители прошлых лет.

На предварительных чтениях О.Борушко давал последние наставления – «главное читать громко и внятно, а то вот в прошлом году Бах Ахмедов так мямлил, что его вообще слышно не было в Жюри. Правда, первое место всё равно дали...»

Мне не хотелось читать то, что вечером будет звучать на конкурсе, хотелось как-то сбросить напряжение, первое что пришло в голову:

*В семье Мудяевых – удача
Они украли наш ковёр.
Когда звучала Кукуарача,
Толян с перил его унёс.
Отец в тюрязе надзиратель,
Где старший сын его сидел.
Он точно знал про Божью мать
Лишь то, что он её имел.
И младший сел за грунтовуху,
Но не об этом разговор.
О них ни слуху нет, ни духу,
И не пойму я до сих пор,
На кой им сдался наш ковёр.*

Ко мне подошёл Борушко и нехорошо улыбаясь, спросил – «А ты почему это в подборку не включил? Не умеете вы правильно сами себя оценивать». У меня хватило наглости сказать, что в подборку включены более сильные стихи, но я понял, что хорошего ждать уже нечего. По-моему, такие-же чувства были и у остальных.

Вечер. Небольшой зал битком (сколько он вмещает, человек 200 наверное), поэты в первых рядах, поближе к сцене, чтобы удобнее было выходить. Через проход, справа Паша Лукьянов в красной рубашке, память тут же подсказывает - это у которого «Встретить белую пару с алым букетом крови», а это Хайнрих Ламволь – «Земля, земля, как много в этом грязи», а я то что читаю?! Забыл!

Ну не по листочкам же читать!

Финал начинается всегда одинаково, выходит О.Борушко и хорошо поставленным (а на последних турнирах слегка утомлённым голосом) читает – Не дорожи Поэт любовью народной, потом по-одному представляют поэтов, какой-то строкой из их стихотворения, первый круг чтения – конкурсное, второй круг ещё два стихотворения. Вот назвали меня, и опять к моему удивлению прозвучали строки не из ожидаемых, а из давних-давних стихов

Выйдем мы на станции « Университет»

Мокрый снег. Который час?

А который век?

Но изменилось с тех пор всё: и название станции, и век, и снега нет в помине, единственный шанс, что час тот же самый ещё бывает.

Все отчитали программу, Жюри Большое и малое ушло совещаться и распределять места, собрали у зрителей листочки для голосования. Напряжение немного спало, но часовый механизм интриги, как всегда, продолжал закручиваться в кулуарах.

И вот итоги. «Приз зрительских симпатий» – пауза, пауза – я оглушён – Михаил Матушевский, Израиль. Спасибо залу, спасибо тем, кто слушал и слышал. Но это значит от Большого Жюри – ничего, это было ясно после всех замечаний Борушко. Третье место – Юрий Бердан

*В зеркале печальная картина
Хоть сейчас веди меня к врачу:
Человек я. Выгляжу противно,
Но зато, как гордо я звучу!*

Держу огромный букет цветов, рассматриваю полученную грамоту. Второе место, вице – король поэтов – умеют же держать паузу, да держите сколько угодно, мне уже всё равно, Михаил ..., я не знаю что тогда для меня было самым важным в этой награде. Теперь знаю – признание. Признание уровня. Признание моей правоты в том, что надо верить в случай. Вот тогда мне повезло в четвёртый раз.

Могло бы повезти и в пятый, но это был бы уже перебор. Мнения Большого Жюри разделились и первое место досталось Паше Лукьянову.

СТИХИ 2008 ГОДА

Ну вот, после того завтрака на новых салфетках и появилось конкурсное стихотворение, которое начиналось строчкой А.С. Пушкина

*Но Лондон звал твоё внимание,
твой взор
Пристрастный занят был
листом бумаги
Огрызок карандашный СОН-І –NOR
Чертил в раздумье стрелы и зигзаги*

*Да вообще, всё равно с чего начать,
Не упустив лишь мелочи из вида,
Традиций несмываема печать,
Любовь к законам и к пальто из твида*

*Маришут наметишь, как узор в резьбе,
Не отличая штампов от наитий,
Всегда мы возвращаемся к себе,
Но этого не знал путеводитель.*

Будучи очевидцем описываемых событий, в качестве преамбулы хочу сообщить, что, на мой взгляд, презентация медийной группы «Интеллигент» была проведена Олегом Борушко на весьма достойном уровне, при наибольшем кворуме (присутствовали все участники конкурса, все члены жюри, все организаторы и около дюжины зрителей, допущенных в офис «Россотрудничества») – в общей сложности не менее тридцати пяти-сорока человек.

Относительно фотосъемки непосредственно в период проведения презентации не могу сказать ничего определенного, поскольку не следил за этим, но фотографии делались двумя явно профессиональными людьми на каждой локации проведения конкурсных и фестивальных мероприятий.

По причине внесения небольшого изменения в регламент фестивального дня 09.06.13, презентация медийной группы «Интеллигент» началась около трех часов пополудни и продолжалась немногим более получаса. За это время О. Борушко был зачитан пресс-релиз медийной группы, отдельные места которой подверглись разъяснениям и блиц-обсуждению с присутствующими. Были розданы экземпляры бюллетеня «Интеллигент», вызвавшие, насколько мне показалось, достаточно живой интерес. Во всяком случае, я лично прочитал несколько стихотворений из попавшего ко мне номера, пока не передал его соседке, ожидавшей своей очереди получить экземпляр для ознакомления.

Были заданы вопросы о тираже издания, странах, регионах и регулярности выхода бюллетеня, на что О. Борушко были даны подробные ответы, которые он почерпнул из одного из номеров бюллетеня.

Вся презентация прошла в обстановке дружелюбия и заинтересованности в обсуждаемом предмете.

*Так сорок лет, насвистывая Битлз,
Куда ни шёл, всё в юность
возвращался.
И в этих путешествиях без виз
В одних и тех же верил и влюблялся.*

*Над картой Лондона,
вдоль Темзы устремив
Свой взор сидишь
с английской осанкой,
А за окном палящий Тель-Авив
И на столе остывший чай с овсянкой.*

«Перлы» у тебя есть почти в каждом стихе, сказал Борушко, но я лично отдавал тебе даже первое место только за один стих и особенно за его концовку». И потом ещё несколько раз, когда я приезжал на Турнир и как участник, и как Председатель Малого жюри и при знакомстве все читали по кругу одно-два стихотворения, Олег Матвеевич (какая память!), говорил – прочти это, про лыжников. Ну, пусть будет про лыжников...

*В. Анбиндеру
В Переделкино март и суббота,
И компания банная в сборе.
Здесь не рай, но похожее что-то,
Позолота на синем заборе,*

*Рюмка водки и звяканье вилок,
Таёт горка блинов ноздреватых,
Вечер памяти лыжных ботинок.
И меж сосен сгоревших закатов*

*После сауны прыгаем сразу
В снег, который пока не расчищен
Во дворе эмпезовской базы.
Мы легко добирались до истин,*

*Только звук недоступен гортани,
Чтобы цену назвать бескорыстно.
Проступали из свежих проталин
Прошлогодни, тёмные листья.*

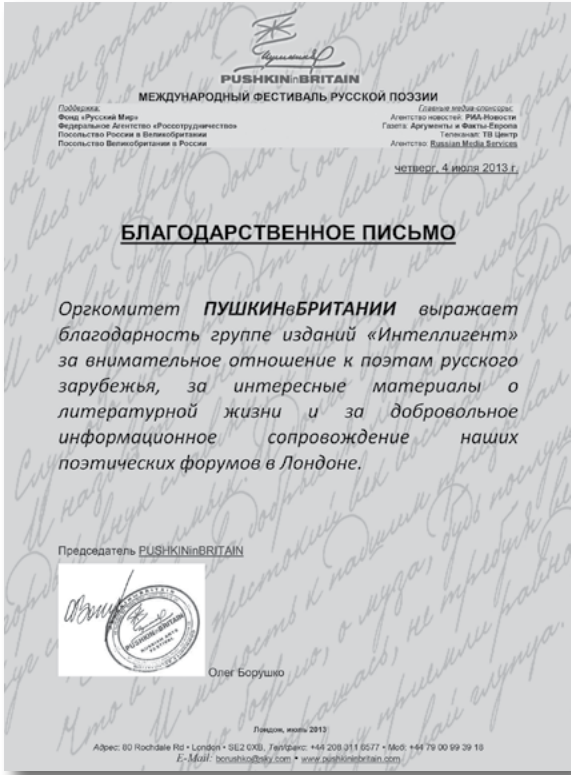
*В Переделкино март и суббота.
Но теперь всё иначе, иначе
Даже в рай никому неохота
Потому, что ты сбор не назначил.*

*Нет причин возвращаться, причины
Нет, чтоб стрелка магнитилась к югу
Лиц не видно. Безущие спины
На лыжне, уходящей по – кругу.*

Друг мой, Володька! Ты всем помогал при жизни изо всех сил и бескорыстно. Ты многому научил меня, мне всегда будет не хватать тебя не мартовской лыжне Переделкино. И вообще. Когда ты знакомил меня с кем-нибудь, всегда с гордостью говорил – «Это мой друг, Мишка, из Израйля. А это – мой друг Володя, из Москвы».

Как то Олег Борушко сказал мне: «Нужно спешить писать, с годами всё меньше сильных чувств, а без них нет стиха». С этим не поспоришь, вот только сильные чувства с годами всё больше связаны с потерями.

Михаил МАТУШЕВСКИЙ

*Нетания, Израиль***София Бронштейн**

Среди земель, среди времен —
Зачем вы, кто вы?
Изгои избранных племен
На все готовы.

Перелицованный сюжет
Извечной темы,
Каков вопрос — таков ответ:
Зачем мы, где мы?

Пространство сжато в кулачок,
И ветер странствий
Из вентилятора течет
В моем пространстве.

Где отблески былых знамен
Легли на травы,
Изгои избранных племен
Всегда неправы.

И зная точно: смерти нет,
Хоть жизнь конечна,
Мы ищем правильный ответ
В словах увечных.

Меланхолическая спесь —
Гордыня нищих,
Но раз мы есть. Но раз мы здесь,
И что-то ищем,
Хотя обрящем ли — Бог весть,
То, Боже правый, дай нам днесь,
Вино и пищу.

Я приближаюсь, голову накрыв
Простым платком из тонкой ткани белой,
Чтобы коснуться пальцами несмело
Чужих молитв, в веках окаменелых,
Смирняя сердца горестный порыв.

Прижав ладонь к высокой старине,
Молю о том, о чем не раз просила.
“Бороться и искать” — удел для сильных,
Для остальных — записочки в стене:
У всякой веры есть своя Бастилия.

Уверую, как в сбывшиеся сны,
Что Божьей волей будет все в порядке,
Дойдут мольбы из каменной закладки
И сбудутся. А с нас и взятки гладки.
Я, пятясь, отступаю от стены.

И снег был нестерпимо бел,
Как саваны для обреченных,
Когда касался наших тел
Разгоряченных.
Нас накрывал незримый смерч,
Несущий забытье кому-то,
Где размыканье рук — как смерть,
Пусть даже только на минуту.

И снег нездешней белизны
Был сладок сладостью нездешней,
Он расцветал среди зимы
Кустом сирени белой вешней.

Смывая поцелуй с лица,
В сугробы рухнем мы с тобою,
Как в шкурки белого песка,
Постеленные нам зимою.

Той белой снежностью с тобой
Я был обвенчан, как увечен,
И вдох, и выдох наш любой
Был краток и беспечно вечен.

Лев Вайсфельд

ты безбашенное счастье
абсолютное как счастье
разломи его на части
сможешь многих угостить

мне пожалуйста от края
там где корочка такая
чуть хрустящая такая
можно крошек наскрести

ежедневно ежечасно
ты раздариваешь счастье
это пригоршнями счастье
будто выигрыш в лото

от судьбы такой подарок
молодым и даже старым
раздаётся только даром
просто так и ни за что

Чтоб вписаться в твоё настроение,
А потом и во всё остальное,
Недостаточно быть только гением
С незатейливой паранойей.
Недостаточно быть только умницей,
Чтоб тебя эрудицией радовать,
Приносить тебе золота унции,
Осыпать бриллиантов каратами.
От загулов избавившись начисто,
Отказав заведеньям питейным,
Совершив чудеса и чудачества,
Став любовником первостатейным,
Шанса не получить ни малейшего
Всё равно. Рассказать — обхохочешься.
Не пойму - ну, какого же лешего
Мне тебя так безнравственно хочется?
Так безмозгло, болезненно. И хотя
Нет во мне уже прежнего рвения,
Я своим необузданным прихотям
Добровольно сдаюсь на съедение.

Галина Таск

Когда после бури наступит затишье
И ветер в дубраве придремлет устало,
Когда понимаешь, что всё уже слишком
И время решать что-то в жизни настало,
Слова никудышны, пусты, как солома.
Молчи! Ни словечка в тиши
громогласной.
Хрупка невесомо вселенская дрёма,
В купели забывшись за синью атласной.
На сонном пороге, в проёме бездумном,
Несмелою тенью маячит былое,
И звуки забытые музыки струнной
Печатают ноты на жёлтых обоях.
Раскинута ночь покрывалом Господним.
Куда мы летим, разметав оперенье?
Что было вчера, то и будет сегодня.
И так далеко ещё до воскрешенья.

Сегодня — борщ. Нарезала капусту
Хрустит в руках, как под ногами снег,
Недавно выпавший и густо
Басит почти закончившийся век.
А у меня по плану борщ домашний:
Морковка, свёкла, белая фасоль.
Ель за окошком - Эйфелева башня,
А у окна - старинная консоль.
Почти - Париж. Домчусь. Дойду. Доеду.
Взгляну, дивясь, и, может быть, уму.
Вот только борщ сварю тебе к обеду.
Ты помнишь - обещала поутру.

Пустынна дорога, и пыль не клубится.
За дальней сторонкою солнце садится.
Вечернего сумрака призрачна тень,
Стыдлива и будто чего-то боится,
Бредя переулками, вдруг затаится
И спрячется за потемневший плетень.

Глядит желтоглазо подсолнух лохматый
На грядки с петрушкой,
морковкой и мятой.
Столетние вязы - пути сторожа,
Раскинули ветви - зелёные сети,
Скрывая следы почерневших отметин,
И шёпотом тихим судьбу ворожа.

Герань на окошке с гортензией рядом.
Две кошки тихонько мяукают ладом,
Да запах кипрея разлит в тишине.
Лишь всхлипнет журавль
колодезный глухо.
Поймёшь вдруг, как счастье
устроено глупо,
Как та занавеска в соседнем окне.

Владимир Мерлис**ЖДЯ ДОЖДЯ**

Свободы и покоя
Устала ждать душу.
Измученный тоскою,
Томлюсь, стихи пища.

Не требуя награды,
Изнемогаю, ждя
Единственной отрады —
Прохладного дождя.

Вдруг вижу, тучи глыба
Чернеет, влагу лья.
Огромное спасибо
Тебе, пророк Илья!

По жизни с песней едя
И чёрствый хлеб едя,
Я радуюсь победе
Весёлого дождя.

Желанную свободу
Вновь обретаю я,
Его живую воду
Восторженно пия...

Ах, бедный я, несчастный —
Нейдёт водица в рот —
Его деепричастный
Заклинил оборот.

СЧАСТЬЕ

Когда томительно медов
Прозрачный воздух
И отдыхают от трудов
Мусоровозы,

Когда потусторонне тих
Рассветный город,
Ах, как заманчиво плести
Мечты узоры!

Неисправимый фантазёр,
Смешной романтик,
Бросаю взор на сущий вздор —
Бумажный фантик.

На нём — рисунки, письма,на,
Фольги наклейка
И номинальная цена —
Одна копейка,

И, чтобы всё это связать, —
В центральной части
Звезда, слепящая глаза,
И надпись «счастье».

Быть может, снова жизнь начать
Ещё не поздно,
Обман и грязь не замечать
И видеть звёзды,

Поставить крест на суете
И суматохе
И о несбывшейся мечте
Исторгнуть вздохи,

Чтоб слово, сказанное вскользь
И мимоходом,
Когда-нибудь отозвалось
Судьбы аккордом.

Генриетта Солтанова**ДО ПРОБУЖДЕНИЯ**
(из цикла “Память”)

Я помню мир свой до пробужденья,
Ещё не твёрдым, ещё не резким,
Волна предчувствий, ветров круженье,
Луны качанье на тонкой леске,
Когда и тело ещё умело
В луче пластаться прогорклой тенью,
И было лёгким, и было белым,
Умело таять и быть сиренью,
И отражаться, преображаясь,
Во всякой глади, во всякой влаге,
Из пальмы в пламя переливаясь,
Слова рассыпав по льду бумаги.
Я помню мир свой до этой тверди,
До этой чаши, набитой пылью,
До первых вздохов любви и смерти,
До этой встречи, не ставшей былью...

КТО ГОВОРИЛ...
(из цикла «Иллюзии»)

Кто говорил, что нет пути назад?
Вот — город, где мне каждый
встречный рад.
Засыпал парки тёплый листопад,
И свет — такой, что замирает взгляд...
Вот улица, знакомая до слёз,
Поток людской, шуршание колёс,
За тем углом знакомый тополь рос
И старый сквер с кустами белых роз...
Мой дом. Жму, замирая, на звонок.
Вот-вот раздастся топот быстрых ног,

Ещё шажок — и я увижу всех —
Родные руки и счастливый смех,
Я, плача, говорю о долгом сне,
Который жизнью показался мне,
О пробужденье у родных дверей,
О странных миражах за сто морей,
О том, что знала: всё равно проснусь!
Мы рядом! Но... откуда эта грусть?
И где та дверь?... Озноб. Туман густой.
Одна, одна по улице пустой,
Не отражаясь в зеркалах витрин,
Бреду среди иллюзий и руин.
Уже бегу. Лечу. А за спиной
Беззвучно исчезает город мой,
И тает на глазах любимый сад...
Кто говорил, что нет пути назад?

ЗАЧЕМ

Зачем уходит почва из—под ног?
Она и так зыбка и ненадёжна...
Без неба — мрак, без тверди —
невозможно,

Держись за воздух —
крыльев не дал Б—г!
И долгое паденье в пустоту,
И невесомость в солнечном сплетенье,
Обманное земное притяженье
Ориентиры сносит на лету.
Крик молкнет, спотыкаясь о порог,
И мир кружится в поисках спасенья,
Явь невесома и бесплотны тени.
И замки осыпаются в песок...

ТРИВИАЛЬНОЕ

(из цикла «Дорожные песни»)

Не плакать, не жалеть.
Мы золота на медь
Меняли.
Страсть к перемене мест
Пройдёт в один присест
Едва ли.
Нам в разные края...
Был весел ты, а я
Шутила.
Брось - нам не привыкать
Судьбу—судью сплавлять
На мыло.
Надежда про запас.
И три часа у нас
В остатке.
Что — дрожь в руке слегка
Да мокрая щека?
Осадки.
Полжизни на весах —
И ветер в волосах,
И — воля.
И целых три часа!
Каких—то три часа.
Всего лишь...

Лидия Гинзбург
(Лифлянд)

Родилась в городе Запорожье, в Украине.
Закончила Донецкий государственный
университет. Занималась научной работой. В
Израиле с 1991 года . Работает преподавателем
русского языка и иврита в общеобразовательной
школе. Пишет стихи всего семь лет. Автор
поэтического сборника.

Н.Р.

Разбросала осень листья,
Словно шкуру дикой кошки,
Не узнать теперь деревья.
В буйстве красок тонут сны.

И в невиданной печали
Мокнут мокрые дорожки,
И в неслыханной тревоге
На закат ложатся дни.

У неубранной постели
Всю неделю напролёт
В карауле плачут ели,
Как в предчувствии невзгод.

У разваленной сторожки
Одиноко стонут кошки.
Разгулялись на ночь кошки
В ожидании зари.

И плывут, плывут узоры
В нашей спальне на окошке,
И гулять меня сегодня
Ты, мой милый, не зови.

Хайра, Израиль

Семён Гендель

Светлой памяти моей мамы
Аси Абрамовны Гендель.

Последний вздох.
И мимолётность жизни
Растаяла в отпущенных годах...
Мои стихи скорбят на полке книжной
О матери, ушедшей навсегда.

Прощай, родная!
Преклонив колени,
Я не коснусь уже твоей руки...
Свеча горит, отбрасывая тени,
Слеза стекает прямо на стихи...

Молчит рояль, гитара горько плачет.
Жизнь прервалась, утрата тяжела!
Последние слова так много значат,
Но прозвучало лишь: “Я вам жела...”

Мария Фердман

Я говорить хочу о цвете белом,
О пене волн, о белых облаках,
О белом снеге, о деревьях в белом,
Бумаге белой, а на ней стихах,
Метелях белых в нашем детстве дальнем,
О белизне твоих родных волос.
Что нам с тобою на заре хрустальной
Каким-то чудом встретиться пришлось.
Я говорить хочу о белом цвете,
Другие краски незачем мешать.
И к одному тебе на целом свете
Готова я, как в юности, бежать.

Юрий Лейдерман

Кто знает, будет ли “Потом”,
Когда порвётся парус?
И лодка черпает бортом.
Выплёвывая ярость.

И где теперь ночная тишь?
Остались - я и ветер.
А на вопрос: “Куда летишь?”
И Гоголь не ответил.

Когда же вспыхнет синий кант
Морского горизонта,

На берег бросится десант
Прибоя и озона.
Кто знает, было ли “Вчера?”,
Его зелёный невод
Тащила тёмная гора —
Из моря прямо в небо.

А я в стихах при всём при том
(Спасибо, Бёрнс, за строчку),
Не знаю, будет ли “Потом”,
Но не поставлю точку...

Марк Тверской

“Время разбрасывать камни
и время собирать камни”.
Книга Екклесиаста 3-3

Я под чужую дудку не отплясывал,
Не лебезил и не склонялся ниц,
Лишь камни легкомысленно разбрасывал,
С неласковой судьбой играя блиц.

Без лишних слов и скидки на усталость
Спешил давать и не стремился брать.
Настало время камни собирать,
Но времени на это не осталось.

Елена Текс

Припади к моим коленям,
Телом ощути их дрожь...
Как искра, припав к поленьям,
Загорисься и поймешь,
Что устало твоё тело
В серой сутолоке дня,
Что оно меня хотело,
Лишь меня, одну меня.
И стучало твоё сердце
В звуках моего стиха,
Открывая тихо дверцу
В тайны сладкого греха.

Ольга Пильщик

Я помню себя молодую,
В брезентовой робе, в платке,
И в шахту работать иду я ...
Вдруг вижу — стоит в закутке

Девчонка в нарядном пальтишке
И в туфельках на каблучках,

И к ней подбегает мальчишка
С роскошным букетом в руках.

Ребята от счастья смеются!
А я мимо них в сапогах...
И слёзы горючие льются,
И тяжесть в усталых ногах.

Двора Яблонская

Малыш кувыркается в лучах света
И не ждёт подвоха.
День его, как бегущее лето,
До зевотного вздоха.
Чтоб, потирая глаза, сдаться
Сразу на полпути
Ангелу снов
И во сне улыбаться,
Продолжая расти.

Эдуард Фишер

Будто древности отрывка —
В лоб клаксоновой грызне,
Пролетел араб-мальчишка
На арабском скакуне.

Среди шума, среди дыма
Конь испуганно косит
И летит неудержимо,
Рассыпая дробь копыт.

Без седла, стремян, подпруги
Щётку гривы мнёт рука,
Ноги - согнутые дуги
Давят конские бока.

Чёрт возьми!
Смотрю вдогонку,
Что-то ёкнуло во мне.
Вдруг увиделся мальчонка
На плетущемся коне...

Шли на Запад ополченцы.
Дым костров среди берёз.
Бить врагов — проклятых немцев
Бородатый шёл обоз.

Деды нас кормили кашей,
Мы — коней на водопой.
Кони, как бойцы уставшие,
Шли, кивая головой.

Мы верхом — казаки brave!
Нам — война и не война.
Только задницы костлявые
Натирались докрасна.

Леонид Костинский

Кто по мне прочитает Кадиш *?
Где найти добровольца такого,
Чтоб изрёк сокровенное слово?
Милый дервиш, покурим гашиш.

Кто по мне прочитает Кадиш
Здесь, в Израиле, иль на Урале,
В комнатухе иль мраморном зале?
На каком ещё жизни вокзале
Свой витийственный путь
прекратишь?

Кто по мне прочитает Кадиш —
На снегах, на трескучем морозе
Иль в песках, в бедуинском обозе?
Чёрный ворон, ты снова паришь.

Кто по мне прочитает Кадиш?
Пока жив, я за всех отчитаю,
Отпою, отмолю, отрыдаю
И уйду в невозвратную тишь.
Кто по мне прочитает Кадиш?

*Компонент литургии у иудеев

Евгения Босина

Привези мне «Амаретто»,
Гость неожиданный, поздний гость.
Мы надеялись на лето —
Лето нам не удалось.

Мы раскладывали карты,
Но молчали короли —
Золочёные штандарты
Потускнели и в пыли.

Что же нам осталось? Только
Этот город, этот зной,
Пол-луны — лимонной долькой —
Над задумчивой горой,

На полу — квадратик света,
Сон, увиденный во сне:
Август, полдень, «Амаретто» —
Горькой капелькой на дне.

Алексей Борычев

Россия, г. Москва

Связи

Прозрением простужены и мысли, и мечты
Копается в копилке бытия старуха-память.
Но образы прошедшего, забытые почти,
Являются туманными июльскими ночами
Скрипящим звуком старых половиц,
Мерцанием зарниц...

...Пространство не напомним о свободе никогда,
Покуда клетка времени крепка, и не пустует
Событиями, при этом невозможно передать,
Что кроется за тайным, посекундным, тихим стуком
Хронометра, квантующего дни
Периодом одним.

Меняет постоянные небесный часовой,
И с ними корректируются время и пространство,
Галактики смешаются, и серою совой
Туманность между звёздами пытается пробраться...
Меняемый невидимой рукой,
Период стал - другой!

Однако ослабляются спирали мысле-форм,
Закрученные в дальние эн-мерные пределы,
И снова уменьшается квантованный простор,
Случайному событию покоряясь то и дело,
И время - непрерывно, и опять
Пора воссоздавать

Другие, переполненные зыбкостью миры,
Похожие на призраки, меняющие свойства,
Гармонией исполненные только до поры,
Пока не поменяется закон мироустройства,
И сын опередит отца и мать -
В стремленье умирать.

Когда неприводимо бытие к небытию,
Пульсирует на тайне отношений их к сознанию
Неявное - чему определений не дают,
Не в силах отказать от абстракций мироздания -
То - иррациональное звено,
Которым скреплено

Единство ощущения первичной пустоты,
Сквозящей из космического хаоса наитий,
И знания, нам знакомого, как клиру монастырь, —
Сцепляются звеном причины, следствия, события.
И мыслей отрешённых череда -
Им скована всегда!

Царица дней былых
(подраж. Ф. Сологубу)

Царица дней былых, блистая лалом,
Пришла ко мне из края дальних грёз,
И говорит: «Пока утешься малым, —
А после - будешь счастливым до слёз».

И вот, презрев покинутое счастье,
И веря в каждый проходящий миг,
Терплю невзгоды, беды, безучастный
Ко всем, кто называются людьми.

Царица мне подносит злую чашу:
“Испей нектар и будешь счастлив ты”.
За нею тени прошлого мне машут
Хоругвями поруганной мечты.

Я поднял чашу, выпил, опьянел я,
К прошедшему стремленье потерял:
Не заблистали ярче ожерелья,
Не полыхал на бармах ярче лал.

Царица дней былых ушла в чертоги,
Откуда мир покажется ясней,
Но вход туда мне преградили боги
Стеною дней, прожитых мною дней!

Во тьме миров, погасших и забытых,
Блуждает разум, странный и больной.
Но не вернётся дух к былым событиям,
Покуда я от зелия хмельной.

Царица дней былых! Вернись ко мне!
Устал скитаться я по серым будням.
Сияньем лала, оникса - камней -
Чаруй меня, и счастье добудь мне!

Луне

Льдистые ветки играют на лютне зари.
Тьму обрезая, пыхтит оголтелая вечность.
Страница!
Снова взываю к тебе: “Одари
Холодом утренних снов,
бесконечных, беспечных!

Тучей соблазнов плывут надо мной времена,
Ливнями страсти питая иссохшее сердце,
И прорастают порой до небес семена -
Тонких гармоний астральных неспешные герцы!

Страница!
Стало пустынно мне в зимнем лесу,
И небеса отливают зловещею, синею сталью...
Светлые думы тебе я сюда принесу!
Чёрные чувства на черни порога оставлю.

Мыслей моих не приняв, удалилась она!
Кровь проливая в небесные бледные вены.
Пятнами лунными пала на снег тишина,
И расплескались по небу ночные мгновенья.

Тайна приходит сверкающей тенью миров,
Что полыхает во сне, будто блёсткие блики,
И вдохновений потоки в сердца мастеров
В эти мгновения будут, конечно, пролиты...

Но, уходя, хохотала в охотку луна,
Сон растворяя в отчаянном утреннем смехе,
И уплыла белой дымкой в мечту тишина,
И вдохновению снова — помехи, помехи!

Несоответствия

Секунды замыкаются на вечность.
Трагедия спрягается со счастьем...
Прекрасное бездушием увечно,
Уродливость душевностью прекрасна.

Мечтаем в одиночестве о дружбе,
А в дружбе - одинокими бываем.
Хотим того, что вовсе нам не нужно,
А нужного порой не замечаем.

Наталья Резник

Наталья Резник, поэт, переводчик. Родилась в Ленинграде, закончила Ленинградский Политехнический институт. С 94-го года - в Колорадо. Член редколлегии журнала "Интерпоэзия". Публикации в разных журналах, таких как "Интерпоэзия", "Новая юность", "Арион", "Нева", "Невский альманах" и др., В 2011 году вышел стихотворный сборник в издательстве Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им.Рудомино. В этом году в том же издательстве вышел сборник "И на лезвии живут".

Застрав между веток елки
Широким воротником,
Висишь как подарок волку
На ужин - одним куском.

Тебе и легко, и страшно,
Сердечко сжимает лед,
И грудь под ночной рубашкой
Укусов кровавых ждет.

Зачесана набок челка
Под выглаженный чепец.
Ты ждешь, замирая, волка,
А волк не идет, подлец.

Он в городе, в подворотне,
Вжимаясь в дверной проем,
Дрожит. Там живет охотник
С большим боевым ружьем.

Волк щурится глазом красным,
Удерживая озноб,
Предчувствуя сладострастно
Два выстрела: в глаз и в лоб.

* * *

Из пункта А, собрав в котомку вещей,
Вышел человек, сияя юным лицом.
Он был бессмертен,
как бессмертен любой Кощей,
Пока цела утка с зашитым внутри яйцом.

Он планировал то и это, и все подряд,
Ничего не хранил подолгу, как вы и я.
Но он же был бессмертен, вам говорят.
Что нужно бессмертным,
кроме смены белья?

Когда, улыбаясь, он по кладбищу шел,
Под ногами его расправлялась
сама трава.
Им, бессмертным, на кладбище
дышится хорошо.
И прошел он так целый день
или даже два.

Он в пути напевал и выглядел молодым,
И до той поры дорога его вела,
Пока утка не сдохла.
В утке стухло яйцо,
А игла сломалась от старости. Все дела.

* * *

Когда солнце упало к моим ногам
И свет померк,
Мы всё ходили в гости по четвергам
И пили каждый четверг.

И мне говорили вокруг: "Держись,
Не исчезай пока,
Пока в четверг продолжается жизнь -
Стакан о стакан."

"Уймись, - говорили эти и те, -
Умерь-ка прыть.
Очень даже можно в темноте,
Если глаза закрыть."

И я теперь не прячу лицо
И не схожу с ума.
Да и кто знает, в конце концов,
Где свет, где тьма...

Ирина АКС

Бабушкин пасьянс

У бабушки не сходит пасьянс.
Вот-вот вернется дедушка с работы:
нет смысла начинать большое что-то,
обед готов, блеснит фарфор-фаянс...

Есть простенький пасьянсик -
пять минут,
лишь пауза, не отдых и не дело...
Да, пару писем написать хотела -
ну, это ладно, письма обождут.

Ох, суета, ох, господи прости!
Хоть сесть на стул, откинувшись
на спинку...
...и кликает на "пересдать" "косынку",
и ставит в Скайпе статус "не в сети"...

* * *

Завтра же избавлюсь
от вредных привычек!
Брошу, покончу, завяжу навсегда
и напишу новый стишок - про вычет
этого - отсюда, чтоб остальное - сюда.

Не курить, выбросить початую пачку,
днем - бодро жить,
и мирно спать в ночи,
а дверной замок всегда закрывать
"на собачку",
потому что у тебя остались
вторые ключи...

* * *

Для того, чтоб имелось про
что рассказать -
складно или же сбивчиво,
в столбик иль в строчку,
чтоб слова записать в потайную тетрадь,
запершись в туалете ночном
в одиночку -

нет особой нужды, даже вредно, поверь,
с наслаждением тонуть
в посторонних хореях
и от книжных находок
до книжных потерь
опыт свой проживать,
почитатно старея.

Чтоб о чем-то однажды
поведать другим -
надо книжку закрыть,
не оставив закладки,
и с мирком ее - теплым,
родным, всеблагим -
распрощаться и выйти за дверь -
без оглядки

на чужое, что кем-то озвучено вслух,
что однажды уже до тебя рассказали,
чтоб ни жизнь и ни смерть
не застали врасплох -
ни фигляром на сцене,
ни в зрительном зале,

и пускай белый лист - останется бел,
ты же - выйдешь:
беззлобно, бесславно, бесслезно...
То, что ты в этой жизни соврать
не успел -
то другие соврут о тебе виртуозно!

Миша Нержин ГОЛУБЫЕ СВЕЧИ

Свечи плачут голубые,
И огонь дрожит в испуге.
Мы с тобой давно чужие
В этом тёплом, добром круге.

Воск спускается наплывом,
Шторы памятью колышут,
Тень бросается обрывом,
И не стонет, и не дышит.

В ореоле — профиль нежный
С восковым, прозрачным светом.
Угасает взгляд твой прежний
С наступающим рассветом.

Превратились свечи в жалость.
Ночь ушла и не простилась.
И о чём вчера мечталось,
Нам с тобою только снилось...

ОСЕННЕЕ

Небо серое, словно старый плед,
и до белых туч мне рукой подать.
Ухожу туда, не оставив след,
где извечная благодать.

Ухожу легко, словно песнь души,
словно ел одну карамель.
Ничего не знал, да и жил в глуши,
соловьиною слушал трель.

Мне до белых туч уж рукой подать.
Позади меня долгий путь.
Но на зеркало не привык пенять,
да и прошлое не вернуть.

Если б мог вернуть, то конём ходил
и за пешку бы снял ферзя...
Но с утра уже старый дождик лил,
а без тех фигур мне нельзя!

ОЗЕРА ДЕТСТВА

Мы ныряем в озера детства
с берегов с камышовой канвой,
где кувшинки цветут по соседству,
и стрекозки дрожат над водой.

Мы плывём по волнам позабытого, —
и чем дальше, тем меньше сил, —
где за битого дали небитого,
Чтобы Бог нас на суше простил.

Я прощенья не жду, не печалюсь
и грехи искуплю свои сам.
Да и в очередь в рай не толкаюсь,
прочитав приговор по глазам.

МОГЛО БЫТЬ ХУЖЕ, ГОСПОДА!

Какие к осени упрёки?
Дожди идут, с небес вода;
мы в городе, где водостоки.
Могло быть хуже, господа.

А холода — зимы начало,
Снежинок первых чехарда.
В Нью-Йорке снегопадов мало.
Могло быть хуже, господа.

Меня не вдохновляет осень,
но я пишу не день, не два,
меня давно никто не просит.
Могло быть хуже господа!

Зимою всё определённо,
и если гол, тогда беда.
Или в берлоге с мишкой сонным.
Куда уж хуже, господа?

Тупые американцы

То, что американцы тупые и серые, известно всем и каждому. Серость их провяряется легко: "Драйзера читали? Нет?! Кошмар!" Тем, что они читали в те времена, когда мы читали Драйзера, обычно никто не интересуется. Опять же, всем известно, что американцы не просто необразованные, а необразованные по сравнению с нами. Мы все, в отличие от американцев, очень умные и образованные. Чтобы в этом убедиться, достаточно прийти на концерт Вилли Токарева или Александра Малинина в Денвере и послушать разговоры в фойе.

- Ты не знаешь, Израиль где находится, в Африке или в Азии? Вчера глядела, глядела на эту их карту — ничего не разобрать!

- Концерты — это все-таки не очень... Вот что я люблю, так это хорошее кино! А у них тут один Голливуд. Небось про нашего Эйнштейна они и не слышали.

- Вам три билета по 40 долларов? Да не лезьте вы со своим кэшем! Дайте я до стану калькулятор и сосчитаю как следует.

Недавно я рассказала своим американским сотрудникам, что в школе нас учили собирать и разбирать автомат Калашникова, а также стрелять из винтовки. Они поверили не сразу, но, с тех пор, как поверили, смотрят на меня с опаской. Тупые, что с них взять! А мы, если что, можем отстоять собственную образованность и с оружием в руках.

Двадцать лет русского языка

За те уже почти четырнадцать лет, что я живу в Америке, мои дети побывали на уроках не меньше десятка русских учителей. Когда моей дочери было лет восемь, одна учительница даже приезжала к нам домой. Однажды после урока она мне сказала:

- Мне надо с вами поговорить. Ваш ребенок меня поправляет. Учителя поправлять нельзя.

Я спросила:

- А в чем она вас поправляет?

- Сегодня я ей говорю: "Ты меня поняла?" А она: "Надо говорить "поняла". Что это за безобразие?

- Но ведь и в самом деле надо говорить "поняла".

- Вы знаете, я двадцать лет преподавала русский язык в Одессе и всегда говорила так, как говорю, и никто меня не поправлял.

- Но правильно-то "поняла".

- Что значит — правильно? Может быть, можно и так и так.

- Нет, только "поняла".

- То есть вы что, хотите сказать, что я, немолодой человек, опытный учитель, неправа, а ваш ребенок прав?

- В общем, да.

- И что же мне теперь делать?

- Не знаю... Может быть, ничить?

- Нет, я спрашиваю, что мне теперь, может, весь русский язык заново выучить?

- Ну, весь не надо. А это ударение можно и выучить.

- Ах, вот как! Ну, я вас поняла! Они меня будут учить по-русски говорить! До свидания!

И она ушла, бормоча:

- Двадцать лет в школе! Двадцать лет русского языка! Ударения у них, видите ли, не такие, как у всех.

И больше она к нам не приходила.

Весь коллектив
медийного проекта «Интеллигент»,
скорбит по поводу кончины
нашего партнера и хорошего друга

Михаила Нержина

Покойся с миром...

18 июля 2013г.

Новая революция в Болгарии, как новое заблуждение, сотрясает мировую общественность.

Казалось бы, сколько можно наступать на те же грабли? Революционные перевороты с последующим экономическим обвалом в Украине и бывших наших республиках, Иране, Ираке, Греции, Египте (список можно продолжать и далее) ничему не научили ни общества, ни страны.

- А почему крикун, активно выражающий протест режиму, был во времена Оранжевой революции в Киеве? Двадцать пять Серебренников?

- А почему активист-революционер в Египте? Турции? Иране? Сирии?

- А сколько стоит день революционера в Софии?

Поспрашивали народ. Оказалось дешево. Причем, если это не просто человекоместо, а мамочка с коляской или ребенком, то стоимость увеличивается в два раза.

Подстрекатели прямо у храма Святого воина Александра Невского, возведенного на средства Ольги Скобелевой, матери легендарного русского генерала, вербуют «новопатриотов». Новопатриоты очень хорошо «ловятся» на заранее отпечатанные изображения апостола Василия Левского и Христо Ботева.

Днем в Столице Болгарии «орков», как их тут называют, не много. Так, кучкуются в тенечке, написав на обоях или на подручных полотнах «долой олигархов», или просто «долой», кого долой, не так важно, главное, выйти и что-нибудь прокричать, - не более сотни голов. Головы эти попивают пиво, уложив упитанные животы на травку. Ждут, когда солнце перестанет палить, чтобы потрясти лозунгами, надо же отчитаться за полученную сумму. Когда прибывает иностранное ТВ, то количество «революционеров» вырастает до 300 голов.

Массовость создали. «Иванушку напугали». «Аленушке понравилась». Зарплату пересчитали. Если кукловод (обозначим образно Карабас-Барабас) не обманул, завтра снова пришли к административным зданиям мозоля глаза честным людям и создавая неуютную обстановку в стране.

Бастующих оберегает полиция, по численности чуть ли не в два раза больше.

Ведь не дай бог с революционерами что случись, им же за сохранность оплаченных орущих голов и отвечать.

Туристы, прибывшие в Болгарию, поглядывают с недоумением на абсурдность ситуации. Но вмешиваться во внутренние дела страны никто не собирается.

Местные жители заняты работой или службой и также с досадой глядят на новообразованные осинные гнезда бастующих с надеждой – авось не покусаят! – обходят на всякий случай их стороной.

СТАРА ЗАГОРА

19 июля 2013г. Один из древних городов Болгарии, название которого Берое сохранилось еще со времен фракийцев, населявших Балканы более пяти тысяч лет назад, пока не думает ввязываться в революционные действия. «Бастующих» тут не более десятка. Они просто стоят пионерской линейкой возле памятника

БОЛГАРИЯ 2013 РЕВОЛЮЦИЯ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Революционеры в Софии

птице Феникс, установленной в подарок городу год назад клубом Ротари на символе серпа и молота.

Дата - 19 июля - совпадает с датой начала боёв под Старой Загорой - 135-летием начала Освободительной Русско-Турецкой войны. Эски Загра (еще одно старое название города) собирает патристические общества под единым лозунгом о недопущении истребления болгар.

Напомним, что 135 лет назад двадцатипяти тысячный град был полностью истреблен по указанию Сулеймана Паши (Настоящее имя Соломон Авиш Леви, ставленника Запада, часто называется на манифестациях). Все дома были сожжены. 11 тысяч душ угнано в рабство. Русские войска, героически защищавшие местное население, но в 10 раз уступавшие противнику в численности, вынуждены были отступить на Шипку. Вместе с войсками отступило местное население, стекающееся с близлежащих населенных пунктов и самой Эски Загры. Где-то более 20 тысяч человек удалось увести. Но 2500 православных спрятались в городской церкви, в надежде на спасение. Вера эта их и погубила.

Ворота были взорваны крупновскими «турецкими» орудиями. Беззащитные дети и женщины обезглавлены. Головами закиданы колодцы храма и близлежащих домов. Телами – овраги...

Ночное шествие Памяти зверств геноцида славян в Болгарии проходит ежегодно через весь город. 135 лет. На юншах и девушках черные одежды. В руках - черные траурные флаги. Горят факелы. Впереди задает тон барабанщик, ударяя в такт ударам сердца. Знаменитое стихотворение «Мальчик из Батака» в свое время потряс русский православный мир. Но зверства Батака были ничтожными в сравнении с тем, что творилось здесь. Жертвы Батака известны поименно и причислены к лику мучеников. В Старой Загоре скончались от насилия, зверств и побоев более 14 тысяч женщин и детей в несколько дней. Имена неизвестны. Народ Болгарии считает весь город Святым градом-мучеником.

Шествие заранее санкционировано. Кортёж полиции сопровождает его до Косницы, где раньше находились кости. На этом месте весь город в минуту молчания встает на колени.

Встанем и мы.

Во время акции нет ни единого СМИ. Ни болгарского. Ни американского. Ни русского. Ни еврейского. Ни турецкого. Наверное, господа, что «на горе всем раздувают мировые пожары», и оплачивая «5 колонну мировой власти» готовят уже новые учебники истории, где «пострадал таки» Сулейман Паши от рук болгар. В наше «правдивое время» ничему удивляться не приходится.

БУЗЛУДЖА

20 июля 2013 г. На горе Бузлуджа проходят театрализованные представления, посвященные опять же Освободительной борьбе болгар от Османского ига. Многие близлежащие населенные пункты прислали артистов, переодетых для массового празднества. Вот облаченные в ели и забунче крестьянки. Вот в белодрешие и чернотрешие гайдуки. А вот и турки. Кстати, в турок никто рядиться не хочет. Их всегда получается меньшинство. Кому охота выглядеть злодеем? Поэтому в синие турецкие формы с красными фесками облачены в основном женщины с нарисованными усами.

Выступает с речью местная администрация.

Директора музеев и архивов вкратце напоминают об исторических событиях.

Проходит награждение патриотов. СМИ отсутствуют.

КАЗАНЛЫК

20 июля 2013г. Сердце Болгарии – многолепестковая роза. Она же и символ. Чудо это произрастает для массовой переработки в розовое масло в единственном месте Европы. Это поля с уникальными коричневыми почвами населенного пункта Казанлык. Здесь же разводят и другие маслообразующие травы – лаванду, мяту, душистые табаки...

За эти поля бились русские войска, освобождая Болгарию от Османского ига. За них же отдавали жизни наши ребяташки в Великую Отечественную.

Во время перестройки велением политического деятеля г-на Горбачева, лауреата Нобелевской премии в Казанлыке была практически полностью истреблена. Напомним, что в то же время была уничтожена многолетняя лоза в Дагестане, Молдавии и т.д. Официальная причина – борьба с алкоголизмом. Как следствие – на рынок России хлынуло спиртное других стран. До сих пор наш народ криво улыбается, вспоминая истории, связанные с такими «брендами», как Спирт Роял, и длинные очереди за Цинданти...

Что же сегодня. Включаем болгарское телевидение. Новостями сообщают, что Брюссель лихорадит Европу по поводу аллергиков. Оказывается: три процента европейцев чихают и кашляют от цветочной пыльцы. Ну надо же, какая

свежая новость! Поэтому Брюссель предложил Евросоюзу запретить производство лаванды! Весьма «логично»! Очень повезло Болгарии, что лаванда произрастает не только в Казанлыке, но и является главным продуктом одной из провинций Франции, более 300 лет занимающейся парфюмерным бизнесом. Французы высказали Евросоюзу своё «фе»! Так что, с радостью сообщаем, что этот «странный вопрос» заморожен до 2014 года! Ура!

Остается глубоко вздохнуть о тех славных баночках болгарской фасоли и помидор в собственном соку. О зубной пасте Поморин. О сигаретах Шипка, производимых когда-то, в этих местах... Да кто же наши вздохи будет учитывать?

Однако, есть и приятные моменты.

Сегодня юбилей.

Памятники русским воинам в Болгарии повсюду. Священно хранят и облагораживают более 440 обелисков только Русско-турецкой освободительной.

Мы прошли по долине роз. Зашли в легендарный музей роз.

Убедились. Крестьяне ни о какой революции не помышляют. Мирно работают, кропотливо ухаживая на диком болгарском пекле за своими розами.

Единственное, что их «напрягает», то что и поляки и турки и даже китайцы норовят подделывать розовое масло, и что в продажу в Европе, да и по всему миру болгарского розового масла поступает на порядок больше, чем его здесь производят.

Но легкий протест тружеников, занимающихся обработкой розовых и лавандовых полей революцией назвать сложно. Так, посетовали, покачали головами... но, как мы поняли, лишь с целью, чтобы мы приобрели духи, произведенные именно в Казанлыке.

Вокруг царит мир и благодать. Ароматы царственных цветов заполняют Балканы и долины.

Но СМИ снимать розы давно не интересно. И в самом деле. Они ведь не «жареные»!

ШИПКА

20 июля 2013г. А вот и Шипка. И Орлиное гнездо. Орудия турок. Орудия русских. Блиндажи и землянки.

Церковь, выстроенная на средства опять же матери генерала Скобелева Ольги и графа Игнатъева напоминает скорее большой некрополь, где сплошь по стенам и снаружи и внутри и под полом высечено на сотнях белых мраморных плит тысячи имен погибших за свободу Балкан русских воинов и болгарских ополченцев.

На Шипке все спокойно, господа.

На Шипке все спокойно!

Автобус за автобусом везут к грандиозным мемориалам туристов поклониться памяти русской славы на Балканах.

Музейные работники трепетно хранят историю.

В дни памяти исторических событий СМИ, естественно, отсутствуют.

**ПЛЕВЕН-ШУМЕН-ВЕЛИКО
ТЫРНОВО-БОЖЕНЦЫ-ЕТАР-
БЯЛА-ПЛОВДИВ-ПЛИСКА-МА-
ДАРА-ГАБРОВО-ПЕЩЕРЫ БАЧО
КИРО-ЛОВЕЧ-СЛИВЕН-ХАСКОВО-
ПАНАГЮРИШТЕ...**

21-29 июля 2013 г. Очень красивые болгарские города, выстроенные, точно на слоеных тортах - на древних цивилизациях, также не думают вступать в какие бы то ни было революционные действия. Под черепичными крышами домов – покой и уют. Открыты Картины галереи и музеи. Охотно принимают жителей Болгарии и туристов археологические раскопки под открытым небом с фракийскими, римскими, греческими, византийскими и турецкими остатками цивилизаций. Для менее притязательных открыты кафешки, пивные и ресторанчики. Играют на волынках и зурли уличные музыканты. Повсеместно продают болгарские сувениры.

Эти города и населенные пункты занимаются своими повседневными делами и заботами.

Меж ними – поля кукурузы, поля подсолнечника – поля винограда, сады персиков, яблонь и груш...

Над домами вьют гнезда аисты. Брожений нет.

Празднования в Старой Загоре

СМИ отсутствуют. Причина, почти классическая: «и скучно и грустно, и некому «морду набить».

**ЗОЛОТЫЕ ПЕСКИ
СОЛНЕЧНЫХ БЕРЕГОВ.
ВАРНА-КАВАРНА-БАЛЧИК- БЯЛА-
СВЯТАЯ ЕЛЕНА-НЕСЕБР-БУРГАС-
СОЗОПОЛЬ-АХТОПОЛЬ...**

21-30 июля 2013г. На Черноморском побережье Болгарии – сезон. Революция? Боже упаси!

Никто даже не смеет заикаться о ней, дабы не спугнуть клиента!

А что же там происходит?

А вот что.

Возьмем, к примеру, Слънчев Бряг. Его отели до перестройки принимали за сезон до 320 тысяч отдыхающих. Благодаря современным технологиям намывания песка из моря, золотые пляжи увеличились. И прибывающих стало вдвое больше! Мало того - по всему побережью только по сравнению с прошлым годом количество отдыхающих выросло еще вдвое!

Первая причина – безопасность. Египет – бурлит. Турция – бурлит. А болгарские чартеры понизили цены на перелет. Все просто.

Вторая причина. Отсутствие языкового барьера. Местное население, можно сказать, живет за счет приезжих. Естественно, владеет минимальным запасом русских слов: «Заходите к нам, у нас очень вкусно!»;

«Исключительна супер-орыгинална кукуруза!»;

«О! Вы уже загорели! Может, сегодня все-таки зайдете? Нет? Ну, тогда завтра!», и т.д.

Третья причина. Демократичность и вседозволенность. Прямо на песок можно бросить окуроч, бутылку (завтра утром уберут!), ходить без верхней части купальника или вообще даже без нижней (везде есть две-три зоны с пометкой «нуди пляж»). И масса других вольностей – ночные бары, дискотеки и казино.

Основные отдыхающие – болгары, русские, украинцы. Чуть меньше немцев, итальянцев, румын, венгров, чехов. Видели даже одного еврея и одного негра (то есть болгаро-африканца).

Четвертая причина. Собственно, тут прослеживается некая совокупность благоприятных обстоятельств, немного похожих на условия нашей Анапы. Песчаные берега с мягким входом. Естественная природная прелесть гор. Высокая температура морской воды. Богатая подводная жизнь. Чистая энергетика, не затуманенная ни навязчивыми мусульманскими обычаями, ни ритуалами православия, ни какими другими религиями, позволяет любому вновь прибывшему при желании стать археологом и исследователем. Эти факторы, и названные выше, влияют на так называемое омолаживание клиента. Вы попадаете в настоящую страну детства! От грудничков до отроков и выше пляжи заполнены на 90 процентов белокурыми красивейшими подрастающими представителями белой расы. Блондинов большинство. Много русских. Темно-русые тоже попадают, конечно, но, как правило, именно они то и продают кукурузу.

Что потрясает?

От Несебра, к примеру, до Святой Елены лукоморье занимает 8 километров. Это по сути, длина такого города, как Париж! И вот, весь этот болгарский Париж сплошняком забит лежаками и зонтиками, мамочками, папашами и детьми, смеющимися и резвящимися в море.

Без преувеличения можно заявить, что именно здесь собирается во время сезона вся красота мира.

Вопрос в том, способна ли она спасти мир от тех, кто постоянно подстрекает страны на революции?

От Несебра до Святой Елены с раннего утра и до позднего вечера народ развлекается по-разному, к примеру тем, что занимает места у бассейнов, набивает животы на шведских столах или там строит дивные замки из песка. Пусть за ночь их снова и снова смывает морем. Но посмотрите, как старательно укладывает куличики мальчонка, даже забыв снять ласты, как мать учит сына выстраивать стены, как отец для дочери прокладывает к ее замку дороги... мы насчитали тысячу замков, потом сбились со счета, попадались, впрочем: черепахи, крокодилы, русалки, змеи...

Коллективное творчество, как вирус, прививается совершенно особенной для этих мест пляжной субкультурой. Здесь едят не так. Живут не так. Спят не так. Не так одеваются. Не так тратят деньги, и не так их приобретают.

СМИ, естественно, не будут снимать дюны, пальмы и тем более «исключительную супероригинальную кукурузу» по два с половиной лева, когда в Москве она по пятьдесят за килограмм. Ведь болгарские предприниматели не заплатят им за рекламу.

А сколько в таком случае стоит реклама революции? Интересно, хватит ли нашим и их журналистам побывать за эти деньги хотя бы в Геленджике?

Светлана Савицкая

Сердечные встречи на болгарской земле

Многие годы успешно развивается сотрудничество московской писательницы Светланы Савицкой с друзьями из Болгарии, с официальными лицами, с архивистами страны. Результатом такой дружбы и неоднократных визитов Генерального куратора Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» стал объемный исторический роман «Балканы», вышедший из печати и увидевший свет в мае этого года на русском языке.

Высоко оценило правительство Болгарии усилия писательницы по культурному сближению двух братских народов, наградив её редчайшим по значению и почётным болгарским Орденом Самарского Знамени (№ 170) за создание романа «Балканы» и неутомимую общественную деятельность. Правительственная награда была вручена в Москве Чрезвычайным и полномочным послом Болгарии господином Бойко Коцевым.

За 10 лет взаимной дружбы оргкомитета Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» с образовательными и просветительскими организациями Болгарии накоплен богатый положительный опыт интеллектуального сотрудничества в самых разнообразных сферах культуры.

В 2013 году, как и всего год тому назад, Светлана Васильевна Савицкая вновь посетила Болгарию с официальным и дружеским визитом. Состоялись приятные и взаимообогащающие встречи культуртрегеров двух стран. В городах София, Габрово, Казанлык, Шипка, Бузладжа, Пловдив, Варан, Стара Загора на официальных празднованиях юбилея 135-тилетия освобождения Болгарии от Османского ига ШИРОКО БЫЛА ПРЕДСТАВЛЕНА РАБОТА И ТВОРЧЕСКАЯ ПРОДУКЦИЯ МЕДИЙНОЙ ГРУППЫ «ИНТЕЛЛИГЕНТ». Состоялись также

публичные чтения произведений авторов, пишущих на русском языке из многих стран и объединившихся в «Интеллигент».

Россияне передали болгарам благодарственные письма и памятные знаки.

Международный еженедельник «Запад-Восток», Канада wemontreal.com

Леонид Брайловский

Член Союза русскоязычных писателей Изра-
иля. Диплом им. В.И. Вернадского «Зеленая плане-
та». Диплом им. Риммы Казаковой. Диплом «За вы-
сокий уровень песен для детей» 2010 года. Диплом и
кубок депутата Государственной Думы РФ Дмитрия
Саблина «За высокую гражданскую позицию МТО
ДА». Лауреат литературного конкурса им. Яну-
ша Корчака. Лауреат конкурса «Золотое перо Руси
2007». Обладатель национальной литературной пре-
мии и нагрудного знака «Золотое перо Руси 2008». Медаль А.С. Грибоедова. Медаль «За солнечную
деятельность» (2011 год). Медаль TV «Поющая звез-
да». Орден С. Есенина «Золотая осень». Учредитель
и руководитель Международного творческого объ-
единения детских авторов (МТО ДА).

Сороконожкины ножки

Вздумалось сороконожке
Как-то на ночь вымыть ножки.
Тяжело без тренировки -
Нужно снять со всех кроссовки,
Все намылить, сполоснуть,
Полотенцем обернуть.
Но... взялась она за дело
И работа закипела.
В общем, споро дело шло,
Жаль, что солнышко взошло.

Сапог

Возле леса, у болот
Папля белая живёт.
На одной ноге стоит,
За лягушками следит.
Проплывала мимо утка
И спросила: «Что за шутка?
Ну, зачем, хочу я знать,
На одной ноге стоять?»
Отвечала цапля чинно:
«У меня на то причина!
Мне когда-то носорог
Подарил один сапог».

Марина Тараненко

Живу и работаю в Краснодаре. По образова-
нию историк. Стихи пишу с детства, для детей - с
2004 года (после рождения сына Никиты). В 2007
году выпустила первый сборник стихов для детей
«Чистюля», в 2009 году второй сборник «Царство
послушания», в 2011 году третий – «Где вешают
носы». В 2011 году стала серебряным лауреатом
конкурса Национальная литературная премия «Зо-
лотое перо Руси» в номинации стихи для детей.

Пропаж

Во дворце у нас беда,
Во дворце пропажа,
Целый день туда-сюда
Ходит-бродит стража:
- Потерялся?
- Нет! Сбежал!
- Правда? Это же скандал!
- От каких таких обид
Нас покинул Appetit?
Королева причитает,
Плачет, бедная, навзрыд:
- Тут мороженое тает!
Где же этот Appetit?
А король без Appetita
Смотрит грозно и сердито.
Appetit, как воздух, нужен.
Без него какой же ужин?
Не нанёс ли Вам визит
Королевский Appetit?!

Надежда Сергеева

На написание сказок и детских стихов меня
вдохновило рождение внука.

Мячик

Веселится мячик, скачет.
Бьют его. А он не плачет.
Буду я как этот мяч —
Сам себе скажу — не плачь!

Танюшкина подружка

У Танюшки есть подружка -
Не зелёная лягушка,
Не сова, и не кукушка -
Это вовсе не зверушка!
Не кастрюлька, и не кружка,
Не цветная погремушка.
Значит это - не игрушка!
И её не съесть, как плюшку.
У неё четыре ушка,
Два больших и теплых брюшка...
Снов Танюшкиных подружка —
Белоснежная подушка!

Жужжалка

Да, задача нелегка —
Майского поймать жука!
Крылышки блестящие,
Поющие, звенящие!
Жук летит, жук жужжит,
И полётom дорожит!
И не хочет майский жук
Быть сачком пленённым вдруг.
Говорит он: «Жу-жу-жу,
Я все силы приложу,
Чтоб ловушку облететь,
Домой к уж-ж-ж-жину успеть!»

Андрей Сунгуров

ВОЛШЕБНЫЙ КЛУБОЧЕК

Мне бы такой волшебный клубочек —
Бросишь его и за ним в дальний путь:
Через кустарник, болота, меж кочек
Ниточка выведет куда-нибудь.

Сосны и ели, песчаная горка,
Звонкий ручей в брод перейду.
Сяду на берег возле озёрка,
Камушек брошу, дальше пойду.

Он, словно мячик, клубочек забавный,
Тайну зовёт за собою раскрыть.
Я разгадал секрет самый главный:
Родину нашу крепко любить!

ЗАРЯДКА

Ветер делает зарядку:
Шевелит укропа грядку,
Бегаёт по крыше дома,
Прыгает по веткам клёна,
Листья в воздух поднимает,
Словно штангу выжимает,
Умывается в реке,
Что шумит невдалеке.
Свежий, сильный он смеётся —
Хорошо ему живётся!

ЧИСТЮЛЯ

Встретил я лису в лесу:
- Как дела?
- Свой хвост несу!
- А куда же, Лиска?
- Мне нужна химчистка!
Чтоб к зиме суровой
Хвостик стал как новый!
Ярко-рыжий, чистый,
Мягкий и пушистый!

Инесса Соколова

Родилась в.1941г. во время эвакуации в с.
Петропавловка, Новоузенского р-на, Саратовской
области. Детство и юность прошли на ст. Россошь,
Воронежской обл. С 1958 г. живу в г. Ярославле.
Образование – высшее техническое. Ветеран труда
СССР и автомобильной промышленности. Стихи
начала писать неожиданно для себя в позднем воз-
расте. Публиковалась в коллективных сборниках г.
Ярославля под псевдонимом Инна Светлова. Пере-
водами с болгарского на русский язык увлеклась с
2011 года. Есть достижения. Согласно итогам IV и V
Международных конкурсов поэтических переводов
мои переводы удостоены призовых мест.

ДАРЕНИЕ

МАЙЯ ВАПЦАРОВА (Болгария)

Дарих ти десет хиляди слънца
Да посребреят в косата ти.
Дарих ти ноши и тъга
за да ги скриеш в душата си.
Дарих ти и звезди,
затуй че между тях сме бродили.
За себе си оставих обичта,
с която пак ще скитам
между хората.

ДАРЕНИЕ

1 место в IV международном
конкурсе поэтических переводов
ИНЕССА СОКОЛОВА

Словно солнце теплом я тебя согревала,
Твои пряди седые руками ласкала.
Подарила тебе и тоску, и печаль,
Чтобы спрятал в душе,
их отдать мне не жаль.
Вспоминаю о том, как дарила и звёзды.
Мы бродили под ними,
с тобой было просто.
Навсегда в моём сердце осталась любовь.
Но, опять без тебя — и волнуется кровь.

САМОТА

ПЕНЬО ПЕНЕВ (Болгария)

Тихо е... тихо е... тихо е...
Ношта кротко в прозореца бди,
няма те никога, никъде -
самота... и небе... и звезди...
Тежка е, тежка разлъката
в тия безводни далечни гори,
обичта, надеждата, мъката
ме гори... ме гори... ме гори...
Колко си свидна и чакана!
Ти ще дойдеш най-после, нали?
В спомен сърцето разплакано
ме боли... ме боли... ме боли...
Оня тих миг ще настъпи ли -
да протегнеш към мене ръка?
Аз ще те чакам пак, скъпа ми!
Докога... докога... докога...
Тихо е... тихо е... тихо е...
И стоя и мълча пак в мечти.
Няма те никога, никъде...
Тишина... самота... и звезди

ОДИНОЧЕСТВО

1 место в IV международном
конкурсе поэтических переводов
ИНЕССА СОКОЛОВА

Тихо. На небе одна лишь звезда.
Нет тебя рядом со мной. Как всегда
Я у окна и со мною мечты...
Тихо. Один я. Грущу. Где же ты?
Как же мне тяжело в разлуке с тобой...
Но я люблю, и надежда со мной.
Мне одиноко в глуши средь лесов.
Гибну. Сгораю. Застынет и кровь.
Жду, вспоминая, как ты хороша!..
Плачет и стонет в разлуке душа...
Мир мой давно уж слезами омыт.
Сердце о милой болит... и болит...
Ты ведь приедешь, миг счастья дая?
Вместе со мной тихо шепчет заря:
Жду тебя всюду, везде и всегда,
Скоро ли встречу тебя и когда?..
Тихо... Как тихо звенит тишина...
Ты лишь одна мне на свете нужна.
Небо. Мечты. С ними звёзды и грёзы...
Тишь... Одиночество... Горькие слёзы...

Олег Лебедев

Живет в городе Костомукша, Республика
Карелия. Пишет стихи. Первая публикация - дебют.

* * *

Мне нравится почерк её руки,
Когда по сердцу веселая строчка,
Но чувство не обрывается точкой,
И дождь ложится в её стихи.

А легкая повесть забытых фраз
Рождается из неизбежных странствий.
Поэзии сложен иконостас,
Как мост, над временем и пространством.

По ходу мысли сюжет веков,
Перетекающий в откровенье
И в учащенное сердцебиенье -
Кардиограммой её стихов.

ОДИНОЧЕСТВО НЕ ЗРЯ

Одиночество — это дождь,
Что царапает крыши домов.
Одиночество - это ложь,
С наносной нереальностью снов.

Это горькая правда души,
И забытая песня огня.
Одиночество мое ты,
А твое одиночество я.

Это слово, ушедшее вдаль.
Это годы непрожитых дней.
Одиночество — прочная сталь,
Убивающая больней.

Мне знаком этот вечный призыв
Из глубин самого бытия,
Это подвига сольный мотив,
Призрак мертвого корабля.

Пусть царапает сердце дождем,
Растерзав в клочья плоть тишины.
Одиночество сладко вдвоем,
Если в нем есть дыханье весны,

Если в нем отражается Бог,
И сбывается все, что о нас.
Одиночество — только предлог
Для решения здесь и сейчас.

Одиночество — путь перемен,
Возводящий к вершине судьбы.
Я не верю ему — это плен,
Плен не может быть там, где есть ты.

Плен не может быть там, где есть я,
То, о чем мы решили вдвоем.
Одиночество — это не зря,
Это встретить тебя под дождем.

* * *

Есть одна женщина... ОЧЕНЬ...
Недоступная, но моя...
Я без неё обессточен...
Я без неё не я.
Ко мне она ненормально,
Даже совсем никак...
Но к ней я тянусь - ментально,
И пусть говорят: “Дурак...”
Сила сопротивленья
Перегружает нерв.
Без резкого охлаждения
Будет немало жертв.
Чувственная система
Снова пошла в разнос.
Мозг стал сплошной проблемой...
Лихо... Спаси, Христос.
Женщина эта - голод...
Женщина эта - зной...
Такое могло случиться
Со всеми, но не со мной.
Однако... Не все так плохо,
Как кто-то подумал мог,
Я научился верить...
Любовь преподавал мне Бог.